История Жизни

Лестера Самралла

Человек

Служение

Видение

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Во время работы над книгой я часто слышал, как брат Самралл подчеркивал, что за все шестьдесят три года своего служения он никогда не выходил из воли Божьей. Он не хвалился, он просто констатировал факт. Вся история его служения свидетельствует о его послушании Святому Духу и призыву в своей жизни. В Послании к Римлянам сказано, что непослушанием одного человека многие стали грешными, но послушанием одного многие сделались праведными. Один человек, повинующийся Богу, может привести тысячи людей ко Христу. Послушание — мощная сила, и пример жизни Лестера Самралла подтверждает эффективность повиновения. За все годы жизни этого человека его послушание так или иначе повлияло на жизнь миллионов людей. Мы считаем большой честью и привилегией опубликовать историю жизни Лестера Самралла. Я молюсь о том, чтобы по прочтении этой книги у вас появилось еще большее желание последовать призыву в вашей жизни по примеру Лестера Самралла. Тим Дадли, издатель

- Лестер Самралл
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○ Предисловие издателя
  - ○ 1. Битва за мое сердце
  - ○ 2. Как я впервые услышал голос Бога
  - ○ 3. Из чрева кита
  - ○ 4. Маленький проповедник
  - ○ 5. Мои руки в крови
  - ○ 6. Рукоположенный Богом
  - ○ 7. Пробуждение с перестрелкой
  - ○ 8. Так где же этот Ховард Картер?
  - ○ 9. Деликатный британец
  - ○ 10. Знакомство с демонами
  - ○ 11. Бандиты и исцеление в Тибете
  - ○ 12. Противостояние силам тьмы
  - ○ 13. В разных направлениях
  - ○ 14. Роман на расстоянии
  - ○ 15. Куда мне теперь идти?
  - ○ 16. «Плод твой должен пребывать»
  - ○ 17. Время по-филиппински
  - ○ 18. Измученная демонами

    - 19. Чудо, изменившее целую нацию
    - 20. Идти вперед с видением
    - 21. Работа в команде
    - 22. Видение в Иерусалиме
    - 23. Посреди всех чудес
    - 24. Вы хотите проявить послушание?
    - Фотографии
    - ~
    - ~
- notes
    - 1

Лестер Самралл
ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ЛЕСТЕРА САМРАЛЛА
рассказанная Тиму Дадли

Санкт-Петербург

2011

Originally published in English under the title:
THE LIFE STORY OF LESTER SUMRALL
by Lester Sumrall
Copyright © 1993 by LeSea, Inc.
Printed in USA by New Leaf Press, Inc.
P.O. Box 311, Green Forest, AR 72638.
ISBN 0-89221-229-2

© Издание на русском языке.
Издательство «Библейский взгляд», 2001

* * *

Посвящение

Клиффу Дадли, основателю и исполнительному директору издательского дома «New Leaf Press».

Бог заговорил к нему, и Клифф после личной встречи со мной стал собирать материал для этой книги.

Тим Дадли, президент издательства «New Leaf Press», после смерти своего отца продолжил дело, начатое им, и завершил мою биографию.

Выражаю благодарность всей семье Дадли. Спасибо вам за ваш труд любви, и да благословит вас Бог.

Лестер Самралл

Предисловие издателя

Во время работы над книгой я часто слышал, как брат Самралл подчеркивал, что за все шестьдесят три года своего служения он никогда не выходил из воли Божьей. Он не хвалился, он просто констатировал факт. Вся история его служения свидетельствует а его послушании Святому духу и призыву в своей жизни.

В Послании к Римлянам сказано, что непослушанием одного человека многие стали грешными, но послушанием одного многие сделались праведными.

Один человек, повинующийся Богу, мажет привести тысячи людей но Христу. Послушание — мощная сила, и пример жизни Лестера Самралла подтверждает эффективность повиновения. за все годы жизни этого человека его послушание так или иначе повлияло на жизнь миллионов людей.

Мы считаем большой честью и привилегией опубликовать историю жизни Лестера Самралла. Я молюсь о том, чтобы по прочтении этой книги у вас появилось еще большее желание последовать призыву в вашей жизни по примеру Лестера Самралла.

Тим Дадли, издатель

1. Битва за мое сердце

Еще до моего рождения мать решила, что я буду проповедником. Она страстно молилась за меня, когда носила меня в своем чреве, а я ничего не мог с этим поделать, разве что немножко попинаться!

Мама обрела спасение в подростковом возрасте во время палаточного пробуждения, а позже была крещена Святым Духом. Она твердо решила стать миссионеркой, но обстоятельства изменились, когда ее сестра умерла, оставив на руках овдовевшего мужа трех малышей. Понимая, что за племянницей и племянниками нужен уход, моя мама жертвенно согласилась переехать к ним в дом.

Однако ее овдовевший зять тут же настроился жениться на ней, на сестре своей покойной жены. Он сделал вид, что уверовал во Христа. Мая мать, поверив, что он любит ее и Иисуса Христа, вышла за него замуж, отказавшись от давнишней своей мечты стать миссионеркой.

Вскоре назрел конфликт. Моя мама много времени уделяла изучению Библии и служению в женской молитвенной группе. Мой отец, однако, постоянно попрекал ее за тихую преданность Господу

Он, конечно же, ходил в церковь. Семьдесят пять лет назад все ходили в церковь. Но за воскресным обедом он выражал свое недовольство и критиковал пастора и его проповеди. Несмотря на то, что из недели в неделю он слышал а мучениях грешников и адском озере из пламени и серы, он продолжал курить, пить, жевать табак и вести грешную жизнь.

Я родился дома и был шестым, абсолютно внеплановым ребенком. Мой отец, решив остановиться на пятерых, всегда считал мое появление на свет нелепым недоразумением. Однажды он резко сказал мне следующее: «Тебя вообще не должно было быть».

Мои братья по отцу Хьюстон и Керни и сестра по отцу Анна, родные брат и сестра Эрнст и Луиза были намного старше меня. Сестра Леона, седьмой по счету ребенок, родилась через несколько лет после того, как мы переехали обратно в Лорел, штат Миссисипи. Там отец нашел работу в паровозном депо.

Целыми днями он работал с пышущей жаром сталью, бил молотом па раскаленному металлу на железной наковальне в пышущей жаром кузнице. Для человека, занимавшегося физическим трудом, он зарабатывал хорошие деньги, и, насколько я помню, у нас всегда была машина. Более того, много

лет мы были единственной семьей в нашем квартале, у кого была своя машина.

У отца были мощные мускулы и командный голос, и в моих глазах он был великаном. В драке ему хватало одного удара, чтобы сбить соперника с ног. Как-то раз я видел, как он поднял одной рукой взрослого человека вместе со стулом, на котором тот сидел.

Когда он впервые повел меня стричься, парикмахер усадил меня на маленький стульчики обернул простыней. затем он спросил меня: «Ну, сынок, как тебя подстричь»?

Я посмотрел на него и сказал гордым и уверенным голосом: «Как папу». Мужчины в парикмахерской расхохотались.

Я смутился, но что мне было делать? Я очень хотел быть похожим на отца.

Когда папа шлепал меня, из глаз моих искры сыпались, но это случилось всего раза два или три. Чаще он кричал на меня. В общем, он не обижал меня, просто казался холодным, требовательным и даже иногда придирчивым.

В играх я был маленькой копией своего отца. Я передрался дрался с каждым мальчиком в своей округе и даже, хотя и с некоторыми потерями, с ребятами на четыре дюйма выше меня. Нанося быстрые и сильные удары, я вышибал из них дух, и мы дрались до тех пор, пока они не заливались кровью.

Точно так же я боролся с Богом, понимая, может быть, что мне придется сделать выбор.

Моя мама была нежной, доброй и благочестивой женщиной. Я любил ее и не хотел огорчать, но быть похожим на нее мне совсем не хотелось, потому что это требовало бы от меня хорошего и благочестивого поведения.

С другой стороны, если бы я пошел по стопам отца, то мог бы быть независимым и делать то, что мне нравится.

Пока у меня внутри шла эта битва, я изо всех сил старался походить на отца.

Я обожал его издали, принимая как должное его равнодушное ко мне отношение и формируя себя по его образу и подобию. Мои чувства к нему были смешанными и даже иногда противоречивыми. Не помню, чтобы когда-нибудь он подкинул меня вверх или крепко к себе прижал. Не помню, чтобы он обнимал меня или говорил, что любит меня.

Но мама меня любила и каждый день проявляла эту любовь. Только она утирала мои слезы и лечила раны. Когда я, возбужденный, приходил домой и рассказывал все те истории, которые любят рассказывать мальчишки, только она готова была выслушать меня. Должно быть, те проблемы, с которыми я

сталкивался, тоже волновали ее.

Если я не дрался, то играл в шарики, и уж тогда никто не мог обыграть меня. Я мог попасть в шарик с расстояния В десять футов. Мое мастерство вскоре стало Весьма прибыльным, потому что я выигрывал шарики у других детей, а затем возвращал их обратно за деньги.

Однажды утром я вышел из дому с коробкой шариков. После победоносной игры меня остановил один мальчик и смазал:

— Давай поменяемся, за твои шарики я дам тебе ножик.

Я поменялся.

Другой увидел ножик и сказал:

— Давай поменяемся.

У него я выменял что-то еще.

К трем часам дня я вернулся домой с козлам и отличной маленькой тележкой.

— Где ты это взял? — спросил меня отец.

Я сказал:

— Я уже забыл адрес, на все я это выменял.

И тогда впервые в жизни папа одобрительно кивнул. На какой-то краткий миг я почувствовал, что он гордится мной.

Деньги доставались мне легко и без особого напряжения. По дороге домой из школы я покупал стофунтовый мешок с арахисом, жарил двадцать или тридцать фунтов, часто потряхивая, чтобы они получились хорошо и ровно обжаренными. Затем я заполнял жареными орехами небольшие мешки и шел на ближайшую мельницу, где продавал их по пять центов за мешок. Часто я приходил дамок с долларом или двумя, а в то время не каждый мужчина мог заработать такие деньги.

Очень скоро у меня стало больше денег, чем у кого бы то ни была в нашем доме. Мои братья и сестры всегда приходили ко мне, если нуждались в деньгах. Я стал младшим банкиром в семье, но со всех и всегда я брал проценты.

Когда наступило лето, я перестал продавать арахис, а придумал новый способ добывания денег. Соорудив небольшую тележку, я купил сто фунтов льда и некоторое количество густого сиропа — виноградного, ванильного и с другими вкусовыми добавками. Затем за пятьдесят центов в день я нанял маленького мальчика, который катил тележку, а я шел позади нее, звонил в колокольчик и кричал: «Прохладительные напитки!» К концу дня я возвращался домой с тремя-четырьмя долларами в кармане.

Еще подростком я понял, что если хочешь тратить деньги, сначала нужна заработать их. Мой отец ни разу в жизни не дал мне ни одного доллара, поэтому я понял, что если я хочу иметь деньги, мне придется их заработать самому. Кроме того, я

чувствовал молчаливое одобрение отца по отношению к моему предпринимательству. Я не ждал, что он открыто начнет хвалить меня. Эта было не в его характере.

На самом деле мы редко догадывались, о чем думает отец. Он стал открыто высказываться только тогда, когда в нашей церкви наступило пробуждение.

Однажды к нам пришел мамин пастор и сказал: «Сестра Самралл, нам негде устроить проповедника, который приезжает к нам в церковь. Вы не позволите этому евангелисту остановиться у вас? Ему нужна всего лишь одна комната, он приедет с женой и детишками. Дети могут спать на полу».

Я думаю, все считали, что наш дом — наилучшее место для приезжих проповедников, потому что отец зарабатывал хорошие деньги и имел машину. Конечно, мама тоже хотела, чтобы гости останавливались у нас. Ей нравилось, когда к нам приезжали проповедники со своими семьями.

Иногда эти евангелисты с женами и тремя или четырьмя детьми жили в нашем доме по три месяца. Каждый вечер они проводили собрания, и люди стекались отовсюду, чтобы послушать их. Сотни людей принимали Христа своим Спасителем, в результате чего менялись целые общины. То было время пробуждения!

Папа сердился. «Эти проповедники всего лишь жулики и шарлатаны» — бушевал он, и, когда мама не видела, я кивал в знак согласия. Отец считал, что если ты не потеешь, не куешь сталь или не пашешь поле, значит ты не работаешь.

В те дни евангелисты были очень бедными и не могли позволить себе остановиться в гостинице. Вот почему им приходилось жить в домах прихожан. Тогда я не мог понять, что эти проповедники действительно не могли разбогатеть. На я верил всему, что говорил отец.

Очень часто папа возвращался домой и, обнаружив людей, сидевших в гостиной, взрывался:

— Кто это?

— Это евангелист. Он хочет благословить наш. дом, — отвечала мама.

Отец начинал ругаться:

— Это же просто попрошайки, им лень работать, и поэтому они разъезжают, славно короли! Они могут только ходить с протянутой рукой и мешать жить другим людям.

Мне очень нравились такие сцены! Папины слова звучали вполне разумно, и я разглагольствовал подобным же образом, выражая, как и отец, недовольство тем, что мама приводила домой проповедников. На иногда мне действительно была на что

пожаловаться.

Наш обеденный стол был не настолько большим, чтобы собрать за ним одновременно гостей и нас, а потому мама сначала кормила евангелиста с его семьей. И после этой оравы чаще всего мне приходилось довольствоваться остатками. Конечно, все это мне очень не нравилось.

Они всегда занимали мою комнату, а меня укладывали на полу. Если евангелист вешал свои брюки на спинку кровати, я крал у него из кармана деньги, а потом шел и тратил их.

Однажды мы с другом позволили сыну пастора пойти вместе с нами купаться. Из — за зимних дождей наш ручей вышел из берегов, и половодье действительно было довольно сильным, но мы все равно ныряли в мутный поток, демонстрируя друг перед другом свою смелость.

Я доплыл почти до середины потока, как вдруг сильное течение потащило меня под воду. Я боролся изо всех сил, но вода была холодной, а течение слишком сильным.

Помню, что я пытался удержать голову над водой, а пасторский сынок запаниковал: «Пошли домой! Ну мы и влипли? Он утонул!» И убежал, оставив моего друга одного искать меня в мутной и холодной воде. В конце концов ему удалось вытащить меня на берег.

Мой друг был в отчаянии. Я совсем не дышал, потому что легкие были заполнены водой. Каким — то образом он ухитрился ударами по спине выбить из моих легких грязь и воду. С хрипом и кашлем я снова вернулся в этот мир.

Пасторского сынка выпороли за то, что он ходил с нами купаться, а я поклялся никогда больше не дружить с этими неженками. С тех пор каждому ребенку проповедника, которому «посчастливилось» остановиться у нас, я создавал достаточно причин возненавидеть служение своего отца.

Конечно, бедным детям приходилось туго, поскольку они таки скитались, на несколько месяцев останавливаясь то в одной семье, то в другой. Тем не менее мне их совсем не было жаль.

Проповедникам и их семьям жилось и нашем доме несладко. Но вместо того, чтобы отвечать ненавистью на ненависть, они возводили глаза к небесам и молились: «Боже, помоги Лестеру. Боже, спаси Лестера».

Я же только хмыкал себе под нос: «Вы только уйдите из моего дома, а уж с Богом я как-нибудь полажу».

2. Как я впервые услышал голос Бога

Мне исполнилась десять лет, когда родился мой брат Арчи. Впервые в жизни я увидел отца с незнакомой мне стороны. За одну ночь мой огрубевший отец превратился в нежного великана, встретившего своего новорожденного сына с любовью и трепетом. Я страшно удивился, когда увидел, как он качает сына на руках и носит его по всему дому.

Папа учил Арчи ходить и даже позволял малышу сидеть рядом с ним за обеденным столом. Я пытался объяснить это себе, приводя самые различные доводы. «Ну, хорошо, — думал я, — в донце концов между мной и малышом большая разница в возрасте. Кроме того, Арчи обожает папу».

Но незадолго до своего второго дня рождения Арчи умер.

Отец не плакал, он просто застыл в каменном молчании. Даже на похоронах, где все плакали, папа не уронил ни слезинки. Но когда в тот день он пришел домой, то вдруг разрыдался и лег на пол, словно его сердце разрывалось на куски.

Затем он встал и сообщил нам, что Бог заговорил к нему и сказал: «Вернуть Арчи уже нельзя, но ты можешь однажды, после смерти, пойти туда же, куда ушел он. Тебе нужно принять решение».

В церкви папа поделился с собравшимися тем, что сказал ему Бог, и мама стала верить, что папа может обрести спасение. Но он не изменился, потому что не захотел подчинить свое сердце Господу.

Моя мама всегда была неутомимым молитвенным воином. С самого детства я видел, как все сваи нужды и проблемы она несла к Богу и «трудилась» в искреннем поиске Бога в течение часов и даже дней, особенно когда в семье возникали трудности, неразрешимые с человеческой точки зрения.

После смерти Арчи она говорила: «Господи, Ты забрал у меня моего малыша, но дал мне мужа». Я не понимал, как она могла благодарить Бога за папу, когда ей было так трудно жить с ним. И все же я не раз слышал, как она просила Бога дать ей благодарность к мужу за все его хорошие качества. Она постилась и молилась за спасение мужа, но никогда не проповедовала ему. Именно со смертью Арчи Господь начал смягчать сердце моего отца. Казалось, впервые из его ожесточенной души начал струиться тонкий лучик света.

Несмотря на мягкий характер, мама была борцом, духовным

воином. однажды ночью, когда она молилась, стоя на коленях, она оглянулась и увидела за спиной разъяренного льва. Что-то ей подсказало, что этот лев был олицетворением мятежного духа ее мука и что ей нужно было победить его, чтобы она получила ответ на свои молитвы. Мама молилась, и демонический дух стал отступать. «Убирайся из этого дома!» — приказывала ему они до тех пор, пока он не вышел, пятясь, через дверь.

И хотя ответ на мамины молитвы о спасении отца долго не приходил, ее духовная борьба за детей стала приносить очень быстро. Будучи духовным лидером в семье, она постоянно вкладывала в нас понимание важности личной веры в Иисуса Христа и нашей ответственности за служение Ему.

Двое старших братьев, Хьюстон и Эрнст, начали проповедовать, когда им было по пятнадцать или шестнадцать лет. К тому времени, когда мне исполнилось одиннадцать, Эрнст учился в Центральном библейском колледже в Спрингфилде, штат Миссури.

Его успехи были настолько очевидными, что после окончания колледжа ему выдали палатку, пианино и скамейки, чтобы он мог проводить евангелизационные собрания. Он объездил весь штат Миссури и проводил собрания пробуждения. На Эрнст был скорее учителем, чем евангелистом, а позже стал успешным пастором и осел близ города Мобил, штат Алабама.

Примерно в это же время с отцом произошел несчастный случай: когда он работал с раскаленной металлической заготовкой, осколок металла попал ему в глаз. отец пролежал некоторое время в больнице, а потом его отправили домов, и в течение долгих недель он метался на постели, испытывая мучительные боли.

Поскольку папа больше не мог работать, жить стало тяжело. Деньги скоро кончились, а с ними и продукты. Но даже когда есть было нечего, мама говорила нам: «Давайте накроем на стол».

— Но, мама, в доме же нет никакой еды, — начинали мы жаловаться.

— Не говорите так, — отвечала мама, — скажите: Бог усмотрит.

Затем мама накрывала на стол и к каждой тарелке ставила стакан воды.

— А теперь сядем за стол и помолимся, и Бог подаст нам пищу.

У нее, казалось, всегда была дополнительная мера веры.

И действительно, где-то около двенадцати кто-нибудь приходил к нашим дверям и приносил корзину, полную горячей еды. Мама с благодарностью принимала дар и все выкладывала

на стол.

Каждый раз она делала этот шаг веры, и каждый раз Бог вознаграждал ее веру. Кто-нибудь в нашей общине чувствовал сильное побуждение помочь нам: давайте-ка благословим Самраллов. У них болеет отец. Они не знали, что у нас не было ни денег, ни еды, но мама никогда не сомневалась, что Бог заговорит к сердцам Своих верных и восполнит все наши нужды.

Моя мама была великим ходатаем и проводила буквально целые часы, отгородившись от всего остального мира. В те дни люди на лето складывали зимнюю одежду и теплые одеяла в чулан. Но даже если мама была в доме одна и ей не нужно было ни от нога прятаться, она все равно запиралась в чулане, вставала там на колени и молилась.

Часто я возвращался из школы и громко звал ее.

— Что ты там делала? — спрашивал я ее, замечая слезы на глазах, когда она появлялась из чулана.

— Я молилась.

— О чем молилась?

— О, теперь все улажено, — говорила она с улыбкой, и на этим разговор заканчивался.

На самом деле я не задумывался над ее ответами, поскольку считал молитву и религию женским делом и слабостью. В то время я не осознавал, какой личностью была мая мама.

Женская молитвенная группа встречалась в нашем доме каждый день. Эти странные женщины носили длинные, до пола, платья с длинными рукавами и старомодными воротниками, доходившими да подбородка. Но когда они начинали молиться, то сотрясали небеса и преисподнюю. Еще в раннем возрасте я понял, что они знали, как вести духовные битвы.

В детстве я страдал пеллагрой: очень серьезной болезнью, которая возникает в связи с дефицитом никотиновой кислоты и протеина в продуктах. Сегодня эта болезнь в основном встречается в малоразвитых странах. Иногда моя кожа воспалялась так сильно, чти я кричал от боли. Болезнь развилась настолько, что поразила пищеварительную систему и я не мог есть. Доктор сказал, что я умру.

Тогда женщины из молитвенной группы начали штурмовать небеса ради меня. После многодневных молитв и ходатайства Бог исцелил меня, и я начал быстро выздоравливать.

Моя вера в Бога, однако, оставалась поверхностной, несмотря на то, что мама водила меня на все церковные собрания — на вечерние по средам, на утренние и вечерние по воскресеньям, и иногда даже после обеда.

Проповедь пастора каждое воскресенье была посвящена

одной теме — скорому пришествию Иисуса. он мог говорить и о другом, но всегда возвращался к этому: «Скоро грядет Иисус!»

Затем проповедник заболел и умер.

«Иисус не успел вернуться», — посмеивался я про себя. Но у меня хватало ума не говорить такие вещи вслух при маме.

Следующий проповедник говорил о том же: «Мы живем в последние дни! Иисус скоро вернется!» Он тоже умер.

Затем появился третий и тоже стал проповедовать о скором возвращении Христа.

Я думал: «Эти проповедники просто обманщики — все говорят о „скором“ возвращении Иисуса».

Однажды воскресным вечером, когда я сидел на скамейке в церкви, ко мне заговорил Господь:

— Хочешь знать, когда Я приду?

— Да, — ответил я, слишком молодой, чтобы испугаться, услышав обращение Бога ко мне, — я все время об этом думаю.

Он сказал:

— Тогда Я скажу тебе. Об этом написано в Евангелии от Матфея (24:37): «Но, как была во дни Ноя, так будет и в пришествие Сына Человеческого». Ною было пятьсот лет, когда Я повелел ему строить ковчег. Ему исполнилось шестьсот, когда он взошел в ковчег.

Затем Бог продолжил:

— Моя милость продлилась на сто лет.

Я заплакал.

Он сказал:

— Сто лет Я давал им возможность покаяться, на они не захотели. Поэтому их ждет суд.

Я спросил:

— В конце времен тоже так будет?

Господь сказал:

— Да.

— А когда начнется Твое пришествие? — дерзко спросил я.

Я подождал ответа, но ничего не услышал. Почему? Потому что Бог никогда не отвечает на глупые вопросы. Именно по этой причине Он не разговаривает со многими из нас.

Прошло много времени, прежде чем я вновь услышал Бога, однако это не значит, что Он не пытался привлечь к Себе мое внимание.

Однажды я шел по железнодорожным путям, а сверху, с горы, навстречу мне мчался товарный вагон, но я его не слышал. Мой старший брат увидел это и со всех ног бросился ко мне. Он не успел даже крикнуть, на только налетел на меня и столкнул с путей. Мы оба упали в канаву, а вагон с грохотом пролетел мимо.

Он спас мне жизнь, но и на этот раз я не захотел задуматься, зачем я живу. Мне казалось, что я бессмертен.

Вскоре после того случая наша семья переехала в Панама-Сити, штат Флорида, где все местные дети, включая меня, жили практически на пляже. Они, как правило, росли в семьях рыбаков, и для них океан был родным домом.

Иногда мы целые дни проводили в купальных костюмах.

Однажды я решил сделать плот и сказал ребятам, чтобы они тащили на берег все большие канистры в пятьдесят галлонов, какие смогут найти. затем мы связали их вместе, а поверх уложили доски. На это ушла несколько часов. Наконец ребята столкнули плот на воду, и там я объявил:

— Это наша новая вышка для прыжков.

В этот момент один из ребят посмотрел на меня и сердито спросил:

— А кто поставил тебя начальником на ней?

— Я не начальник, — ответил я.

— Тогда почему ты с самого начала всем приказываешь?

— А вы вовсе не обязаны слушаться, — просто ответил я ему.

— И рады бы, да приходится слушаться.

Я даже не осознавал, что руководил этим проектом с самого начала и до конца.

— Ну и что? — спросил я самодовольно: мне понравилась мысль о том, что я приказываю людям и они мне повинуются.

В тот день во мне что-то произошло, и я почувствовал естественную способность вести за собой других людей. Моя мама тоже признавала во мне эти качества лидера, но ее взгляд на использование этих талантов отличался от того, что имел в виду я.

В своих молитвах мама видела меня исполняющим миссионерское служение, о котором когда-то мечтала сама. Сначала она думала, что эту мечту исполнит моя сестра Анна, которая говорила о своем стремлении нести Евангелие в Китай. Но мечты мамы снова развеялись дымкой, когда Анна ослушалась Господа и вышла замуж за неверующего.

Смерть Анны в молодом возрасте тяжелым намнем легла на сердце мамы. Она твердо решила, что я буду повиноваться Божьему призыву, как это сделали мои старшие братья.

Но в моих планах не было места служению проповедника или миссионера. Я по-прежнему хотел походить на отца, несмотря на то, что ему, казалось, было все равно, чем я буду заниматься. Очень жаль, но я тогда не понимал, что благочестивая жизнь матери в большей степени заслуживала подражания, чем мятежный образ жизни отца.

Мама не была слабой христианкой. Она была намного более строгим воспитателем, чем отец. Она никогда не говорила: «Ну подожди, вот придет домой отец». Когда нам нужна была взбучка, она выдавала нам сполна, не обременяя отца нашими проблемами и наказанием проступков.

Мама вела дом и чаще всего сама принимала важные решения по хозяйству. Когда папа получал зарплату, она клала деньги в банк и оплачивала все счета.

Будучи сердцем нашей семьи, мама также осуществляла духовное руководство нами, детьми. Она упорно и настойчиво каждый день давала нам гадание по Библии. Если мы запоминали все названия книг Библии или же выучивали наизусть двадцать второй псалом, имена апостолов или же судей Израилевых, она давала нам призы. Почему — то это изучение Библии не оставило в маем сердце никаких следов, может быть, потому, что я не пускал ату информацию в сердце.

Хотел я или нет, на мама продолжала водить меня на служения духовного пробуждения, где я сидел, низко опустив голову, отказываясь слушать или петь. Сердясь за то, что не могу играть с ребятами, я дремал на жесткой скамейке, в то время как проповедник монотонно бубнил и бубнил до позднего вечера.

И даже настоящие чудеса исцеления не производили на меня никакого впечатления. Однако произошел один случай, который я никогда не смогу забыть. У моей матери на груди появилась открытая и кровоточащая раковая опухоль. В те дни врачи умели лечить рак единственным способом — они отрезали грудь. Маме сказали: «Даже если мы сделаем операцию, то не сможем добраться до ракового очага, и он опять распространится. Дайте нам знать о вашем решении». Не зная, как поступить, мама делала то, что умела делать лучше всего. Она стала молиться.

Однажды она уже легла спать, и вдруг, лежа в постели, она увидела, как в ее комнату вошел Иисус. Он ничего не сказал, а просто прикоснулся к ней и улыбнулся.

На следующее утро мама сообщила нам:

— Я исцелилась от рака. Вчера ночью ко мне приходил Иисус.

Мой отец только ухмыльнулся. Однако через три или четыре дня он спросил ее:

— Ты уже несколько дней ничего не говоришь о раке. Когда пойдешь к врачу?

— Мне назначили перевязку на завтра, — ответила мама. — Но я сама сделаю перевязку. Я уверена, врач не будет возражать.

Когда в своей комнате она сняла повязку, то на марлевой ткани увидела нечто напоминающее маленького спрута: от центра отходили раковые усики, похожие на проволоку. Затем

она посмотрела на себя в зеркало и вместо раны на груди увидела новую, неявную, как у новорожденного, кожу, которая покрыла зияющую рану.

Когда она показала отцу на марле ракового спрута, он не мог отрицать того, что произошло. Она восторженно рассказывала об этом нам, детям, а потом в церкви, а также любому, кто готов был слушать. Она прожила еще сорок пять лет, пользуясь каждой возможностью свидетельствовать о Божьей чудотворной силе и благодати.

Даже мой старый дедушка, расист и ветеран Гражданской войны, не был обойден мамиными молитвами. После того как он овдовел и с ним случился удар, он уже не мог жить один. Его перевезли к нам. Он не мог ни есть, ни одеваться сам, и моя мама стала за ним ухаживать. Она взялась заботиться о нем наилучшим из известных ей способов — она собирала у себя молитвенную группу.

Мой дедушка совсем не был христианином. Я вообще считал его даже злюкой. Его сгорбившаяся фигура в инвалидной коляске напоминала мне сцены из раннего детства. Тогда он был одет в выцветшую форму конфедерата. Помню, как он стоял у порога и так, чтобы мы, дети, слышали, выплевывал всю свою ненависть к янки и всем чернокожим, живущим на земле. Даже теперь, будучи глубоким стариком, он лелеял в себе эту болезненную ненависть, которую невозможно было ничем удовлетворить.

Но и женскую молитвенную группу невозможно было ничем ни испугать, ни удержать. Однажды все восемь или десять женщин встали вокруг его инвалидного кресла и спросили:

— Мистер Чандлер, вы верите в Бога?

— Да.

— Вы верите в Иисуса?

— Да.

— Вы верите в исцеления?

— Да.

— Тогда отдайте свое сердце Иисусу.

Они повели его в молитве покаяния, а потом стали молиться за него. И прямо там, посреди комнаты, сила Божья сошла на старика. Дух Господа коснулся его и пронзил все его тело.

И дед встал из инвалидной коляски, причем раньше он не мог сделать и шага, и начал ходить. Его руки, превратившиеся в сухие палки, стали двигаться. Вот так! Он исцелился!

Скоро он вернулся к себе домой и в течение последующих пятнадцати лет сам себе готовил и следил за домом.

Раз в неделю к нему приходила женщина, которая делала уборку в доме, но все остальное он делал сам.

Однажды я был у него в гостях, и дедушка отправился спать в обычное для него время, в восемь часом. Мы с братом сидели в другой комнате, когда вдруг услышали какой — то шум. Мы пошли посмотреть, в чем дело, но было слишком поздно. Он уже умер. Без боли, без проблем со здоровьем он быстро и тихо покинул этот мир.

В ту ночь я не мог не вспомнить день, когда по приглашению мамы вся женская молитвенная группа пришла навестить дедушку. Я видел, как мой старый и мятежный дед, который не мог ни ходить, ни есть самостоятельно, получил полное исцеление и был восстановлен. Это произвело на меня сильное впечатление и поселило в моем сердце веру. Но этого впечатления было недостаточно.

Я оставался нечестивцем.

Став взрослее, я продолжал упрямиться, начал курить и в шестнадцать лет бросил школу. Мои друзья были не лучше. Много раз мама грозилась отправить меня в исправительную колонию, если я не перестану красть и вести нечестивый образ жизни. Несколько моих друзей уже погибли при попытке ограбления магазинов, при производстве самогона либо в перестрелке с полицией. Некоторые из них нашли смерть в разборках между собой.

Но мне казалось, что я бессмертен.

Я не собирался превращаться в слабака, как эти женщины из молитвенной группы. Я был настоящим мужчиной, как мой отец.

3. Из чрева кита

Вскоре после того как я бросил школу, я стал по ночам харкать кровью. Сначала я никому об этом не говорил, но однажды утром мама увидела подушку

в крови и спросила:

— Откуда здесь кровь?

— Это я кашлял.

Однако я понимал, что со мной происходит что-то ужасное. Когда кровь стала появляться каждое утра, мама повела меня к врачу, который жил за несколько домов от нас. Он осмотрел меня и сказал то, о чем я уже догадывался, — я заболел туберкулезом.

В те дни туберкулез был смертельной болезнью.

— Ну что ж, — сказал доктор нам с мамой, — поскольку мы живем рядом, я смогу навещать тебя каждый день, а потому нет нужды класть тебя в больницу. Я смогу лечить тебя точно так же, как лечат в больнице.

Я уверен, он задавался вопросом, каким образом я мог подхватить эту болезнь. Мы жили прямо на берегу океана, а в моей комнате было много окон, много свежего воздуха и солнечного света. Я должен был расти здоровым шестнадцатилетним парнем.

Я слабел с каждым днем. Моя плоть просто усыхала, теперь я весил около девяноста трех фунтов. Я превратился в мешок с костями. Скоро я уже не мог вставать с постели.

Мамина молитвенная группа стала молиться за меня с возложением рук. Они выстраивались вокруг моей кровати и настойчиво молили Господа пощадить мою жизнь.

Я просил маму не пускать ко мне молитвенниц:

— Не приводи больше этих старых женщин.

Но через неделю они опять появлялись.

Моя неутомимая мама приводила женщин в комнату, они окружали меня и говорили всякие глупости типа: «О Боже, почему этот драгоценный и невинный ребенок страдает?» Я накрывался одеялом с головой и начинал ругаться. Если бы я ругался вслух, моя мама выпорола бы меня прямо в постели. А под одеялом я говорил сам себе: «Я вовсе не такой, как вы думаете. Я совсем не невинный и не ребенок. И я не хочу видеть вас здесь. Пошли все вон отсюда».

К семнадцатому дню рождения я лежал в постели уже в течение нескольких месяцев. Легочное кровотечение было очень сильным, и с мучительным нашлем из меня вытекала жизнь. Сбить высокую температуру было совершенно невозможно.

Я умирал.

Однажды около четырех часов утра вместе с кашлем из меня стали выходить большие куски разрушенных легких. Мне стало очень плохо. Я стал багровым, и мама сказал сестре: «Беги за доктором. Лестеру стало хуже».

Прибежал доктор, попытался нащупать пульс и взять немного крови для анализа. Затем он отвел маму в сторону и прошептал:

— Плохи дела. Все очень плохо. Пульс не прощупывается, и я не могу взять кровь.

Он мрачно посмотрел на мою мать и сказал:

— Позовите мужа. Мальчик умирает.

В комнате собралась вся мая семья. Доктор сказал им шепотом:

— Через два часа этот мальчик уже будет мертв. Это смерть хрипит в его горле, а синюшное лицо означает, что мозг не получает достаточного количества крови, чтобы дать жизнь его телу. Сегодня вечером он умрет.

Он положил руку на плечо отца и сказал:

— Мистер Самралл, сейчас я пойду к себе и выпишу свидетельство о смерти. завтра утром вы сможете забрать его в моем кабинете и заказать место на кладбище. Вам не продадут место под могилу, если у вас не будет свидетельства о смерти. Я оставлю его на своем столе.

Мама заплакала.

Я не слышал, о чем они говорили, но я понимал все, что происходит вокруг меня. Папа выглядел угрюмым, а мама плакала, из чего я заключил, что доктор сказал обо мне что — то очень плохое.

Я подумал: «Когда доктор уйдет, все кончится. Я умру».

Когда он вышел из комнаты, я запаниковал. Мне было всего семнадцать лет! Моя жизнь закончилась, не начавшись. Я не Был к этому готов. Но я умирал — и это меня сильно напугало.

И тогда я вцепился а жизнь.

Где-то в этой темной ночи я посмотрел вверх и вдруг с одной стороны кровати увидел открытый гроб. Он был изготовлен как раз на мой размер и с одного конца немного приподнят. Этот пустой гроб, обитый изнутри мягким белым сатином, терпеливо и уверенно ждал меня. Я знал, что он приготовлен для меня.

Я посмотрел на него и подумал: «А вот и мой гроб. Очень симпатичный гроб, но только я его не хочу».

Я повернул голову в другую сторону и там увидел самую большую Библию в мире. Она стояла на полу, а верхней частью доставала до потолка, и буквы на ее страницах были огромные. Я посмотрел на нее, и Бог сказал: «Это Мое Слово. Сегодня вечером

тебе придется сделать выбор».

Я сказал: «Да, Господи. Я пойду и церковь и буду вести себя хорошо».

Бог сказал: «Нет, все эта ты говорил и раньше. Сегодня ты выберешь либо ЭТОТ ГРОБ, либо ЭТУ КНИГУ. Я хочу, чтобы ты проповедовал Мое Слово, а иначе сегодня ты умрешь».

Как многие южане, я по привычке попытался оттянуть принятие этого важного решения. Я предпочел бы перенести этот важный момент на завтра, если возможно, но ничего не решать сегодня.

Я ответил: «Да, Господи, я это сделаю когда-нибудь». Господь сказал: «Тебе придется решить сейчас! Немедленно! Твое время истекло, ты больше не увидишь восхода и дневного света. Или тебя положат в этот гроб, или ты возьмешь Мое Слово и будешь провозглашать его!»

«Но, Господи, я не хочу умирать, — ответил я. — Я боюсь умирать. Я не готов умирать. По-видимому, мне действительно придется выбрать Слово, Библию».

Я не слышал никаких голосов, но тем не менее этот разговор был явственным, словно я все слышал своими ушами. Бог еще раз предоставил мне право выбора. Я презирал проповедников, и мысль о том, что мне самому придется проповедовать, ужасала меня, но я не хотел умирать. Приготовленный для меня гроб значил для меня нечто большее, чем просто могила. Он означал вечные и бесконечные адские муки. Я слышал достаточно много проповедей, чтобы не знать об этом. Посмотрев на Библию, я помолился: «Боже, если единственно возможной жизнью для меня станет проповедь Твоего Слова, ну что ж, значит, я буду проповедовать».

И затем, чтобы подтвердить все сказанное, я добавил: «Если я буду жить столько, сколько буду проповедовать, значит однажды я стану самым старым человеком на земле, потому что никогда не перестану проповедовать».

И тогда произошло чудо. Внутри меня что-то произошло.

Я знал, что если я сказал «да», это будет «да» навеки. Такое ощущение возникло в моей жизни впервые. Обычно если я говорил «да», то через десять минут оно могло превратиться в «нет», и мне дела не было до ваших чувств и мнения. Я делал все так, как хотелось мне, и именно поэтому навлек на свою голову столько проблем. Никто из моего окружения никогда не догадывался, что я сделаю в следующую минуту, потому что я мог переменить свое решение, чтобы угодить себе.

Но в ту ночь во мне что-то перевернулось.

я почувствовал это в своем чреве и сказал: «Боже, прости мне

мои грехи и прости, что я так плохо относился к другим людям. Пожалуйста, прости меня». В этот момент я ощутил, что внутри меня появилось что-то новое. Но в ту ночь я не отдал свое сердце Господу. Я не молился молитвой грешника. Я просто согласился проповедовать. Я по-прежнему оставался мятежником. Я не просил Господа спасти мою душу или крестить меня Святым духом.

Я просто вступил с Ним в сделку. Я согласился проповедовать. Это было деловое соглашение с Господом. Я хотел жить, а потому решил проповедовать. Я дал Богу твердое обещание и решил во что бы то ни стало выполнить его.

Затем я погрузился в сладкий, глубокий сон, и, пока я спал, Господь исцелил меня. На следующее утро я открыл глаза, осмотрелся вокруг и увидел маму, стоявшую рядом с кроватью. Ее глаза опухли от слез, и я понял, что в эту ночь она почти не спала.

— Я хочу есть, — сказал я.

— Ох, — сказала она, — я принесу тебе виноградный сок.

— Я уже выпил всю свою пожизненную норму виноградного сока.

— Чего же ты хочешь?

— Я хочу того, что сегодня съел на завтрак папа.

Много лет назад на юге на завтрак подавали настоящую еду! Мы не улыбались друг другу за столом, мы поедали огромные домашней выпечки пироги с белой подливкой, а потом яйца, ветчину и овсяную кашу.

Я сказал:

— Неси все это.

— Но ты не ел твердую пищу вот уже несколько недель. Ты умрешь, если съешь все это, — возразила мама.

Я посмотрел на нее с улыбкой и сказал:

— Может быть, но я хочу умереть с желудком, набитым яйцами, горячими пирогами и овсянкой! Давай неси все это, мама!

— Ну что ж, я слышала, что перед смертью положено выполнять последнюю просьбу, — сказала моя дорогая мама. — Доктор сказал, что ты умрешь, и, по всей видимости, ты просто бредишь.

Она не знала, что я исцелился. В то утро моя подушка оставалась чистой, но она не заметила этого. С того самого дня у меня изо рта не вышло больше ни капли крови. Больше не было высокой температуры. Все прошло. Бог исцелил меня. Решив выполнить последнюю просьбу умирающего человека, мама пошла, приготовила все, что

Я просил, и поставила на маленький столик рядом с кроватью. затем она вышла из комнаты. Она не хотела видеть мои безуспешные попытки проглотить твердую пищу.

Опершись на локоть, я дотянулся до столика и начал есть. Я съел все, что принесла мать. Тарелка стала такой чистой, словно ее вылизала кошка.

Когда мама вернулась, она спросила:

— Где завтрак?

Я показал на живот и ответил:

— Вот здесь.

— Ты все съел? — спросила она в изумлении.

— Да. Но я хочу еще.

— Ну нет, — сказал она, — не сейчас. Сначала я поговорю с доктором и посмотрю, что он скажет.

— Со мной все в порядке, — сказал я. — Доктор мне больше не нужен. Ночью у меня было видение. Я видел гроб. И я видел Библию. Я буду проповедником.

Знаете, я был самым непослушным из всех детей в семье. Мама лупила меня больше всех вместе взятых. Она грозилась отправить меня в исправительную колонию, и вдруг я заговорил о служении проповедника.

Она была вне себя от радости.

Она плакала и приговаривала:

— О Боже! Неужели это правда? Неужели это возможно?

— Да, я исцелен. Я выздоровел. Я больше не чувствую слабости.

Она обрадовалась и стала рассказывать об исцелении всей семье. Никто не верил, но через три дня я встал и обошел весь дом. Жизненная сила просто вливалась в меня.

Через десять дней ко мне пришел соседский парень

И сказал:

— Пойдем ловить рыбу.

— Отлично, — ответил я, и мы пошли на Мексиканский залив и там рыбачили весь день. Мы наловили кефали, на которой заработали немного денег.

Иногда мы ловили рыбу, а иногда искали крабов и устриц.

Через три недели Бог заговорил к моему сердцу:

— Ты обещал Мне, что будешь проповедовать?

— Да, обещал, — ответил я.

— В таком случае начинай! — приказал Он. — Не откладывай. Берись за дело прямо сейчас.

Я стремглав спустился вниз, где завтракал отец.

— Папа, — заявил я ему, — я буду проповедовать. И я начну проповедовать прямо сегодня.

Он в изумлении уставился на меня.

Затем он встал.

— Ты не сделаешь ничего подобного, — загремел он. — Ты еще слишком слаб для этого. Но даже если бы ты пошел, ты не знаешь, что сказать.

Я ответил, что совершенно здоров и мне есть что сказать.

— Я не позволю тебе попрошайничать, — продолжал бушевать отец. — Ты должен будешь найти нормальную работу.

— Папа, мне обязательно нужно проповедовать.

— Ты не сделаешь этого!

— Но Бог повелел мне.

— При чем тут Бог?! — возмутился он.

Я, тощий семнадцатилетний парень, стоял перед отцом весь дрожал от возбуждения. Затем повернулся и побежал наверх, в свою комнату.

Ты помрешь с голоду, если займешься этим! — ревел отец мне вдогонку. Затем он стал собираться на работу и на прощанье крикнул, обращаясь ко мне:

— Когда я приду с работы, я с тобой разберусь, парень.

В своей комнате я упал на пол и разрыдался: «Мой небесный Отец говорит „иди“, а земной отец говорит „нет“».

Я взмолился: «Что же мне делать?»

Бог побудил меня открыть Библию на Книге пророка Исаии (41:10, 11). Я не знал, что там написано, но Бог велел мне найти это место.

Я открыл Библию и прочитал сквозь слезы: «Не бойся, ибо Я с тобою».

В то же мгновение страх покинул меня. До того момента у меня внутри все дрожало, так сильно я боялся. Но когда я прочитал повеление не бояться, страх исчез. Бог сказал: «Я с тобой».

Я знал, что моему отцу не понравится мое неповиновение, но Бог сказал: «Не бойся, ибо Я с тобою; не смущайся». Мне говорили, что я не смогу проповедовать и что никто не захочет меня слушать. Меня это действительно сильно смутило.

Но, читая сорок первую главу Книги пророка Исаии, я увидел следующие стихи: «Ибо Я Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей. Вот, в стыде и посрамлении останутся все раздраженные против тебя; будут как ничто и погибнут препирающиеся с тобою». Когда Бог дал мне эти стихи, я встал с пола, наполненный великим миром. Я был полностью охвачен Божьей любовью. Он пришел ко мне и освободил меня от страха. И вдруг я стал плакать и смеяться одновременно. Я успокоился только через час.

«Хорошо, Господи, — сказал я громко, — если Ты со мной, я готов идти». Я оделся и огляделся вокруг. затем я собрал вещи. В чулане я нашел маленький коричневый чемоданчик. Очень скоро он был заполнен моими пожитками.

Папа уже ушел на работу, когда я спустился вниз с чемоданом в руках. Но мне еще нужно было поговорить с мамой.

Мамы — удивительные создания. С мамой не сравнится никто.

Она слышала нашу перепалку на кухне, но не вышла к нам. Моя мама всегда была очень мудрой женщиной. И старалась оставаться в сторонке, когда у меня с папой возникали конфликты.

И на этот раз она понимала, что я собираюсь выйти из-под воли своего отца и что ей не нужно было вмешиваться в то. Мы должны были сами решить этот вопрос между собой.

— Куда ты собрался? — спросила она, когда я стал спускаться по лестнице с чемоданом в руках. Она слышала, как я плакал у себя в комнате.

— Я же сказал, что Бог дал мне видение и велел проповедовать. Я иду проповедовать.

— Но куда ты пойдешь? — Мама хотела это знать.

— Мама, я не знаю, куда пойду. Но я ухожу прямо сейчас.

Она заплакала. Мамы умеют включать и выключать слезливое настроение, как никто другой в мире. Они могут плакать от радости, они могут плакать от горя, плакать тогда, когда еще не поняли, отчего плачут. Они в этом деле профессионалы. Итак, она стала плакать.

Я сказал:

— Ну вот, ты много лет плакала оттого, что я не был спасен. Ты годами молилась, чтобы я стал проповедником. И теперь, когда я действительно решил стать проповедником, ты опять плачешь.

— Это слезы радости, — сказала она. — Куда мне писать письма?

— Я сам напишу, — ответил я. — Я напишу тебе и сообщу, где я. И вот что. Я не вернусь назад. Я ухожу из дома насовсем, навсегда. Так что я прощаюсь.

И я пошел к двери. Я действительно не вернулся домой.

Иногда мои родители приезжали встретиться со мной где-нибудь во время моих странствий, но в штат Флорида я приехал только через много лет. Я оборвал все связи с домом.

Как только я вышел из дому, я увидел моего приятеля, с которым вместе ловил рыбу.

Он сказал:

— Эй, куда ты собрался?

— Я иду проповедовать.

Он оглядел меня с головы до ног и, когда увидел чемоданчик, понял, что я настроен серьезно.

— А можно с тобой? — спросил он.

Я об этом не думал.

— А что ты умеешь делать? — спросил я.

Он мог бы задать мне этот же вопрос, но не стал спрашивать.

— Ну, если ты будешь проповедовать, — сказал он, — я буду петь песни.

— Ты умеешь петь?

— Нет.

Он был хорошим парнишкой. Он не стал спрашивать: «А ты можешь проповедовать?», потому что в этом случае мне тоже пришлось бы сказать «нет».

Если и есть что — то, что лучше одного кочана капусты, то это два кочана, а мы как раз и были двумя зелеными головами.

— Ну давай, пошли, — согласился я.

Тогда он сказал:

— Ты знаешь, а моя машина ездит.

Это замечание было для того времени актуальным, потому что если у мальчишки была своя машина, то она, как правило, не работала. У той машины, по — моему, не было крыльев, но в те дни мальчишкам не нужны были крылья для машин. Если в машине был мотор и руль, а под ней хоть какая-нибудь резина, то и этого было вполне достаточно.

У него была модель «форд-Т», весьма примечательная машина. Она делала три шага вперед и два назад.

— Ты уверен, что она поедет? — спросил я скептически.

— О, да. Я сам ее ремонтировал.

Мы влили в эту машину больше воды, чем бензина. Каждые десять миль мотор настолько раскалялся, что отказывался дальше работать. Поскольку все время мы возились с машиной, нам некогда было беспокоиться о том, что с нами будет дальше.

Я собирался стать проповедником, но во мне не прекращался бунт, и я был полон святого ужаса от того, что Бог просто убьет меня, если я не проявлю послушания. Я не хотел проповедовать, но Бог поставил меня перед выбором: или проповедуй, или умри.

У меня не было сострадания к потерянным овцам, Великое поручение не имело никакого смысла для меня.

Я не имел ни малейшего желания питать Господних овец или спасать заблудших. Я спасал одного Лестера Самралла. Я стремился к одной цели — сохранить себе жизнь. Я знал, что мне нужно найти кафедру и немедленно начать проповедовать. Если я

не сделаю этого, то Всемогущий Бог немедленно уничтожит меня.

Как Иона, только что вышедший из чрева кита, я побежал исполнять свой призыв со страхом в сердце. Если вы помните историю Ионы, то знаете: он совершенно презирал жителей Ниневии даже после своего унизительного приключения в брюхе кита. И когда жители Ниневии упали на колени пред Господом, он впал в ярость, потому что хотел видеть, как Бог уничтожит их.

Предвкушая увидеть излияние огня и серы и разрушение города, он устроился на безопасном расстоянии от города. Но когда суд миновал покаявшихся грешников, он сильно расстроился и проявил свой эгоизм, вопросов Бога, по какой причине Он пощадит грешников. Несмотря на его ненависть к этому народу, Бог использовал его. Бог также настроился использовать и меня, несмотря на мое крайнее нежелание проповедовать Его Слово.

Вот так, в семнадцать лет, без специального образования, без духовного руководства со стороны более опытного пастора я отправился странствовать по южным штатам. У меня был опыт бунтарской жизни и сосредоточенность на себе. В результате мир получил молодого проповедника, пылкого и довольно сердитого, имеющего смутное представление о взаимоотношениях с Богом.

Я был всезнайкой Ионой, плохо представляющим, что такое истинная мудрость.

4. Маленький проповедник

Промучившись несколько часов с машиной, мы с напарником сильно устали. Мы завернули машину на обочину дороги на севере штата Флорида и остановились под деревом, на котором поспела хурма. Пока машина остывала, мы впервые после дома поели — причем бесплатно. Пока мы ехали, посреди хлопкового поля я увидел здание заброшенной школы.

— Останови машину! — закричал я. — Вот наше место!

Каким — то образом в этот момент я понял, что хочу проповедовать именно здесь. Проповедовать в церкви других служителей мне не хотелось. Я не любил церкви и не хотел, чтобы кто-нибудь приказывал мне, что я должен делать. Теперь я понял, куда мне нужно идти. Мне нужно было идти в хлопковые и кукурузные поля и искать фермеров и заброшенные школы.

Мы начали обходить близлежащие фермерские хозяйства, желая поговорить с владельцем школьного здания. У каждой двери я спрашивал: «У кого ключ от школы?» Я не спрашивал, кто хозяин этого здания. Мне нужен был только ключ. Я был уверен, что Господь уже устроил мою первую кафедру. Наконец кто-то сказал мне: «Ключ вон у того фермера. Он пашет в поле».

Я пошел к нему через поля. Когда я подошел к нему поближе, то заметил, что он был одет в два комбинезона сразу, и нижние брюки выглядывали из — под верхних.

— У вас ключ от школы? — спросил я фермера.

— Да, — ответил он, и у него изо рта по обеим сторонам побежали две струйки табачной слюны.

— Дайте мне ключ. Я буду проповедовать в этой школе, — заявил я.

Он моргнул, пытаясь найти слова, чтобы объяснить, что его школе не нужны юнцы-проповедники.

Понимая, что сейчас он мне откажет, я быстро сказал:

— Я был болен, но если я не буду проповедовать, то умру.

Затем я объяснил:

— Бог сказал, что позволит мне жить, если я буду проповедовать. Послушайте, я умирал от туберкулеза в городе Панама-Сити. Бог исцелил меня при одном условии — я должен проповедовать. Я еще не проповедовал, но мне обязательно нужно начать, и начать нужно прямо сейчас. Сегодня вечером я уже должен проповедовать. Если вы не дадите мне ключ от этой школы, я умру от туберкулеза, а вы будете виноваты в этом.

Он топнул ногой и закричал:

— Нет! Нет!

Я сказал:

— Да! Если не дадите мне ключ от школы и я не буду проповедовать, я умру, и это произойдет по вашей вине.

Рот старого фермера открылся, и табачная слюна побежала по подбородку.

— Нет сынок, — сказал он, — я не хочу, чтобы ты умер.

— Тогда дайте мне ключ, — попросил я.

Он покопался в карманах и нашел старый ключ в нижних штанах, а может, еще ниже. Наконец он вытащил ключ на засаленной веревочке.

— Вот он. Пойди открой школу, — сказал он неохотно.

— А у вас есть фонарь? Мне нужен фонарь. — В хлопковых районах в те времена еще не было электричества.

— Да, есть. Мой дом стоит вон там. Пойди попроси у моей жены, — сказал он и ушел, покачивая головой и тихонько посмеиваясь про себя. Я догадывался, что он будет всем и повсюду рассказывать о том, что в школе произойдет что-то необычное.

Мы с другом пошли в школу, подмели пол и приготовили церковь к вечеру. На собрание пришли восемь фермеров.

Но почему они пришли? Потому что мы для них были развлечением.

Шел 1929 год, год, когда в далеком Нью-Йорке произошел обвал биржи. Тогда не было телевизоров, и даже радио было относительной редкостью. Никто не мог позволить себе роскошь съездить в город, чтобы посмотреть кино. Ездили только по особым случаям. Юг и раньше был беднее, чем остальная часть страны, но теперь Великая депрессия принесла на Юг новые проблемы и трудности.

После долгого трудового дня на полях мы были для них таким же желанным развлечением, как любой заезжий жонглер, представление с пони и собакой или выступление мага. Эти грубые и простыв фермеры пришли послушать меня точно так, как пришли бы посмотреть на факира с дрессированной змеей. Они готовы были выслушать меня, но остаться при своем мнении.

Ни одной женщины среди собравшихся не было. Только мужчины. Они вошли, громко разговаривая и ругаясь, явно не осознавая, что пришли в церковь. Ни один из них не помылся перед тем, как прийти сюда, все они были очень грязными.

В школе не было скамеек, там стояли только грубые деревянные парты. Непривычные к такой мебели, мужчины втиснулись, сгорбившись и согнувшись, за парты, так что я видел только их лысые макушки. Сверху они мне казались инопланетянами. Но что хуже всего, они все жевали табак,

который сплевывали на пол. Они могли плюнуть и на стены. Поскольку я вырос в городе, мне было непривычно смотреть на все это. И это мне совсем не нравилось.

Я подумал, может быть, мне нужно было выбрать тот красивый гроб и умереть. То, что я наблюдал, было, пожалуй, хуже смерти. Настроение у меня было паршивое.

— Ну давай, веди прославление, — сказал я своему другу. Поскольку нас заставляли ходить на многочисленные пробуждения, мы по крайней мере знали общепринятый распорядок службы.

Через четыре минуты он повернулся ко мне и сказал: «Я закончил». Поскольку он не умел петь, как и присутствовавшие восемь мужчин, он передал бразды правления мне. Я смотрел на собрание и понимал, что не знаю, что говорить. Вспоминая многочисленные богослужения и слышанные мною свидетельства, я решил, что расскажу им о своем туберкулезе, о видении гроба и огромной Библии.

Я сказал:

— Ну ладно, я расскажу вам. Я был очень плохим мальчиком.

Они засмеялись.

— Я крал, и теперь мне стыдно, — заявил я со всей серьезностью.

Они захохотали.

— Потом я заболел туберкулезом.

Теперь они уже выли.

— Вы просто сумасшедшие, — сказал я им. — Что бы я ни говорил, вы все смеетесь. Только смеетесь, и все. Они стали чуть-чуть серьезнее, и я рассказал все свои свидетельства. Но они продолжали смеяться и иногда даже лупили ладонями по партам. Должно быть, у них это было первое представление за долгие годы. Когда я закончил говорить, я был не на шутку разгневан. Я сказал: «Идите домой». Я не просил их прийти на следующий день.

Про себя я добавил: «Надеюсь, вы все отправитесь в преисподнюю».

Поскольку нам негде было остановиться, мы с другом пошли ночевать к одному из фермеров. Когда я наконец остался один, я попытался решить, что делать дальше.

— Ну и ну, — бормотал я про себя, — думаю, лучше было бы мне умереть, чем вляпаться в такую историю. Они больше не придут. Я велел им отправляться по домам. Они больше не придут. Завтра в школе никого не будет, и я скажу Господу: «Ну вот, видишь, Господь, я сделал все, что мог. Я закончил свою работу. А теперь я поеду домой и стану бизнесменом».

Всю ночь и весь следующий день я говорил про себя: «Ну вот, все и кончилось. Вчера была последняя ночь моего служения. Я сделал все, что мог».

Но когда на следующий вечер я пришел в церковь, там собралось сорок человек, включая женщин и пару детей.

Я сказал себе: «Как это? Как это могло произойти?» Как оказалось, вчерашние восемь человек всем рассказали, что к ним приехал паренек, который пытается провести пробуждение. «Но это не пробуждение, — объясняли они, — это самый большой враль, которого вы только видели. Вы нигде больше не услышите того, что он нам наврал. Придите и сами увидите». Вот люди и пришли послушать лжеца, а не проповедника.

Когда я увидел всех этих людей, я понял, что надо что-то делать. Я знал, что мой солист много времени не займет. На этот раз он пел не более шести минут, а затем быстро передал собрание мне. Но зато он повел людей в молитве.

Я не знал, что делать, а потому сделал то же, что и накануне. Я сказал: «Я расскажу вам, почему я приехал сюда. Я родился в полухристианской семье. Моя мама была христианкой, а папа…»

Но они опять все хохотали от души.

«Проклятье, — подумал я, — опять пришли эти насмешники. Пришли плеваться табаком и смеяться надо мной». Я чувствовал себя раздавленным. Я рассказал всю свою историю, а они громко переговаривались. Они говорили: «Послушайте, я же вам говорил, что он обманщик. Вы слышите, что он говорит?»

Я все еще проповедовал, а они разговаривали между собой. Тогда я сказал: «Послушайте, это просто ужасно». Я не стал никого приглашать к алтарю для покаяния. Я не хотел, чтобы кто-нибудь из них спасся. Они слишком сильно расстроили меня.

На следующее утро фермер, у которого мы остановились, сказал мне:

— Молодой человек, если ты не работаешь, то и не ешь. А если собираешься остаться у меня еще на несколько дней, тогда иди кормить свиней.

— Кормить свиней? — переспросил я.

— Да. Если не работаешь, то и не ешь.

— Но, — запротестовал я, — я ведь проповедую.

— Это не работа, — засмеялся он.

Да, он был прав.

Никогда раньше я не кормил свиней. Всю свою жизнь я прожил в городе. У нас на столе бывали свинина и ветчина, но свиней у нас никогда не было. Раньше я не видел пищевых отбросов, которыми кормят свиней. Там можно было увидеть испорченный салат, обрезки моркови, тухлые яйца,

заплесневелый хлеб, куриные потроха. Все эти отбросы собираются в течение дня на кухне: скисшее молоко, прогорклый жир, червивые яблоки, испорченные остатки еды. Все эти отбросы, собранные в течение дня и оставленные на кухне на ночь, превращались в жуткое месиво, вонь от которого возносилась до небес.

Свинарник находился в нескольких сотнях футов от дома. Пока я нес тяжелые ведра с кормом для свиней, это мерзкое месиво выплескивалось и попадало на одежду и ботинки.

Я даже не знал, как позвать свиней на кормежку, поэтому я просто стал кричать, и они сами прибежали на крик. По моим щекам бежали слезы, когда я смотрел и слушал, как с хрюканьем и чавканьем они жадно заглатывают зловонную кашицу. Эти свиньи были самым неприятным зрелищем в мире. Они выглядели ужасно. Корм свой они ели отвратительно. Они просто заглатывали его с такой жадностью, словно им всегда его не хватало. Мне становилось все противнее.

Рядом со свинарником на поле росла кукуруза. Я пошел туда, лег на землю и сказал: «Боже, я, наверное, блудный сын. Видимо, так оно и есть. Я работаю в свинарнике, и я далеко от дома. Должно быть, я блудный сын. Наверное, Ты наказываешь меня за грехи, которые я натворил, когда жил дома».

Тогда Бог начал говорить ко мне. Он сказал: «Если ты будешь Мне верен в малом, Я над многим тебя поставлю. Если ты не сдашься и не остановишься, если ты пойдешь вперед, Я позволю тебе прикоснуться ко многим людям Моей силой, и ты благословишь огромные массы людей».

Я вышел из зарослей кукурузы и пошел обратно к дому, помылся, чтобы отбить запах свинарника. Затем я начал изучать Библию, чтобы решить, как проповедовать этим людям.

На следующий же вечер Бог начал спасать людей.

Это был Бог, потому что я говорил народу: «Если хотите получить спасение, преклоните колени перед алтарем». Затем я брал свою Библию и через боковую дверь уходил домой. Я не оставался, чтобы посмотреть, что люди делают. Эта часть не входила в условия договора. Я обещал проповедовать, а ко спасению людей не имел никакого отношения. Поэтому чтобы получить спасение, им нужно было захотеть его.

Но каждый вечер люди продолжали прибывать.

Когда я работал на своего фермера, я молился. Утром, еще до рассвета, я читал Библию, а затем начинал молить Господа, чтобы Он показал мне, что сказать людям, — и Он давал мне нужные слова.

Поверьте мне, это был Бог, а не я. Тогда я на самом деле не

любил людей. Но через полтора месяца весь тот район был спасен.

Они пришли ко мне и стали настаивать:

— Водное крещение. Давай водное крещение.

Я сказал:

— Ладно. Конечно. Но я раньше никогда и никого не крестил.

— Ты проповедник. Ты должен крестить нас.

— Хорошо. Да, — говорил я и продолжал тянуть время.

Они сказали:

— Тут недалеко есть небольшая речка. Пойдем туда и примем крещение.

Итак, в воскресенье днем мы отправились туда, где-то примерно две или три сотни человек.

— Сколько человек хотят креститься? — спросил я.

Их набралось шестьдесят семь.

Не имея в этом деле никакого опыта, я вошел в речку и стал лицом к берегу. В тот день я узнал то, что знает каждый опытный пастор. Находясь в реке, нельзя стоять лицом к берегу и нельзя пятиться назад, дальше в реку. Если человек перед пастором стоит по пояс в воде, то служителю вода будет по горло и служитель окажется в опасной ситуации.

Тогда я этого не знал и сделал то, что мне казалось наилучшим. Я повернулся лицом к людям, стоявшим на берегу. А нужно было поставить лицом к берегу человека, которого я намеревался крестить.

Первый фермер, вошедший ко мне в воду, был одет в свободный рабочий комбинезон, как и все остальные. Он весил, должно быть, не менее трехсот пятидесяти фунтов, а ростом был шесть футов и четыре дюйма. Я же был ростом в пять футов и восемь дюймов. Когда он вошел в воду, то затмил собой солнце. Перед собой я видел лишь нависшую надо мной громаду наподобие Голиафа.

«Дорогой Бог, почему именно он вышел креститься первым? — подумал я с тоской. — Первый, кого я должен крестить, закрыл собой ясное солнце».

Он встал передо мной, и я сказал:

— Ты мне помоги.

— Да, маленький проповедник, я помогу тебе, — ответил он.

Тогда я не весил и ста фунтов.

Я шепнул ему:

— Когда я скажу, что делаю это во имя Отца, ты быстренько присядь в воде.

Он сказал:

— Я сделаю все, что ты скажешь, маленький проповедник.

Одной рукой я ухватился за его штаны сзади, а другую протянул перед собой. У меня было ощущение, что я пытаюсь обхватить корову. Я никак не мог возложить руку на его голову.

Я сказал:

— Поскольку ты принял Иисуса Христа своим Господом и Спасителем, и поскольку ты отрекся от жизни грешника, и поскольку твердо принял Иисуса Христа как своего Спасителя, в соответствии со Словом Божьим, Библией, здесь и сейчас, перед группой свидетелей твоего водного крещения, я повинуюсь словам из Евангелия от Матфея и крещу тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Я потянул его и ушел под воду первым. Когда я начал тянуть его, он опрокинулся на меня и накрыл собой. Он просто был слишком большим парнем.

Когда я всплыл на поверхность, фермеры на берегу просто катались по земле от хохота. Все это им показалось очень и очень смешным.

Оно и на самом деле было очень смешно.

— Следующий, пожалуйста, — сказал я, стараясь вести себя с приличествующим положению достоинством.

Затем я сказал Голиафу:

— Ты останься здесь и помогай мне.

Я не хотел опять уйти под воду с очередным крещаемым. Остальные новообращенные были меньших размеров, и мы благополучно крестили всех — шестьдесят семь человек.

Из этой первой группы новообращенных во время моего первого пробуждения вышли два миссионера, уехавшие в Африку, и один из самых чудесных пасторов в нашей стране. Что касается той первой церкви, то люди поклоняются там Богу и до сего дня.

Далее из этой маленькой сельской школы я перебрался в другую маленькую сельскую школу. Насколько я помню, я нигде не встречал ни проповедников, ни церквей. Так я ездил по своей стране. Сельские жители принимают тебя так, как не принимает никто другой. Из раза в раз они приходят на собрания, а ты удивляешься, не понимая, почему они приходят.

Мой друг достигал все больших успехов и уже по-настоящему вел прославление. Он стал лучше петь. Говорят, и я стал лучше. Но я не был счастливым проповедником. Думаю, вы бы тогда могли назвать меня несчастным, неприятным и неблагодарным проповедником.

Мое сердце было по-прежнему ожесточенным. Я проповедовал из повиновения, не имея ни малейшего сострадания к людям. Мне было безразлично, спасутся люди или нет. Чувствуя внутреннее раздражение, не испытывая желания

проповедовать, я иногда говорил людям: «Не думайте, что я люблю вас, потому что я действительно вас не люблю. На самом деле я просто не хотел умирать от туберкулеза, и Бог сказал, что я буду жить, если стану Проповедовать. Я проповедую, чтобы не умереть. Надеюсь, вы все понимаете это. А если понимаете, тогда вы должны

знать, почему я это делаю».

Может быть, именно по этой причине жертвоприношения за неделю иногда насчитывали двадцать шесть центов. Правда, в Америке тогда господствовала депрессия. Двадцать шесть центов. Никто не бросал в ведерко монетку в пять центов. Пять центов тогда были большими деньгами.

Но нам нужно было на что-то жить, а потому, когда пожертвования были скудными, я вставал и спрашивал свой приход: «У кого из вас есть куры?» Все поднимали руки. И тогда я говорил: «Завтра вечером я оставлю клетку у дверей. Каждый из вас должен принести мне курочку или пару кур и посадить в эту клетку». На следующий день я находил три клетки, набитые курами. Затем я продавал их оптом на птицеферме и возвращался домой с деньгами.

Я получал деньги на жизнь, но мои проповеди были ужасными. Я рассказывал библейские истории и цитировал Писание. Я жестикулировал. Я видел много проповедников и знал, как можно грамотно составить проповедь. Единственная проблема заключалась в том, что у меня не было помазания, в результате чего я прибегал к разного рода ухищрениям и уловкам.

Чтобы мои проповеди были наглядными, я одевал прихожан в костюмы и инсценировал библейские истории. Это всегда срабатывало. Если сегодня старая миссис Джоунз должна была сыграть царицу Есфирь, вы могли быть уверены, что все ее дети, внуки, правнуки, племянники и племянницы, соседи и члены садового клуба придут, чтобы увидеть ее купающейся в лучах славы.

Поскольку ко мне стекались толпы народа, меня начали приглашать послужить в других церквях. Переходя от одной сельской общины в другую, я объездил со своими проповедями всю Северную Флориду, затем Алабаму, Миссисипи и Теннесси.

Мои проповеди становились все более пылкими, потому что, как мне казалось, людям именно это и нравилось. Я гордо выступал по церкви и громким голосом призывал грешников покаяться. Я мог выбежать в проход между рядами и грозить пальцем перед лицом грешников, описывая горящее озеро серы, ожидающее их в конце пути. К концу служения мой голос хрипел,

а сам я был мокрым от пота, — но все это была театральная игра.

Мне стыдно признаться, что я совсем не любил этих людей. Я просто выполнял свою часть договора, который заключил с Богом. Я проповедовал, потому что Он велел мне проповедовать, — но я ненавидел это.

Все свое возмущение я изливал на грешников. В своем «праведном» негодовании я метал громы и молнии на непокаявшихся прелюбодеев, любителей табака и жадных банкиров.

Но почему я был так зол?

Я повиновался Богу, но я не был радостным даятелем. Да, конечно, я читал Второе послание к Коринфянам (9:7). Там сказано, что мы должны давать по расположению сердца, не с огорчением, печалью или неохотой и не с принуждением.

Но я использовал этот стих только для того, чтобы люди почувствовали себя виноватыми. Я говорил, что они должны носить для меня кур и жертвовать деньги, причем радостно. Я перед седьмым стихом не видел пятый стих, в котором говорится, что эти дары, как благословение, должны были стать результатом радости Божьего народа и его желания давать. Я не понимал, что нельзя было проповедью вынуждать людей приносить эти дары.

В конце концов глубоко внутри меня поселилась мысль о том, что Всемогущий Бог шантажирует меня. Поэтому я выжимал из своих слушателей эмоции, чувство вины и сомнения, но отказывался подчинить Богу собственное сердце.

Я проповедовал, как разбушевавшийся безумец. Люди сжимались на своих местах и рыдали у алтаря. Но было ли это угодно Богу? Думаю, Он просто использовал меня, несмотря на мое человеческое и юношеское бунтарство. Спасались сотни и тысячи душ.

Но что в моем послании было неправильно? В конце концов Иоанн Креститель практически все свое служение тоже сердился, и ему это стоило его головы. У апостола Петра были настоящие проблемы не только с трудным, но и гневливым характером. Апостолов Иакова и Иоанна Иисус называл «сынами грома».

Если вы читали Ветхий Завет, то должны вспомнить множество примеров разгневанных мужей Божьих с ужасающими предупреждениями в адрес Иуды и Израиля в случае, если они не обратятся к Господу.

В Четвертой книге Царств «малые дети» стали насмехаться над лысой головой пророка Елисея. Библии сказано, что «он оглянулся и увидел их и проклял их именем Господним». Тогда вдруг из лесу вышли две медведицы и растерзали сорок два ребенка.

Вслушайтесь в слова пророка Осии, который в послушание Богу женился на проститутке в качестве наглядного примера того, как Божий народ проявляет поразительную неверность по отношению к своему Богу: «Дай им, Господи: что Ты дашь им? дай им утробу нерождающую и сухие сосцы. Все зло их — в Галгале: там Я возненавидел их за злые дела их» (Ос. 9:14, 15).

Четыре главы Книги пророка Ионы в подробностях описывают, насколько разгневан был Иона, когда, увидел, что Бог не уничтожил Ниневию. Но несмотря на все эти примеры, Библия полна предостережений против гнева.

Послания ветхозаветных пророков выражают их глубокое, сердечное сострадание к своему народу. Иеремия плакал и умолял Господа не наказывать Его неверный народ.

Книги пророков Наума, Аввакума и Малахии начинаются с описания того «бремени», которое эти пророки чувствовали по отношению к Божьим детям. Исаия во всех своих пророчествах с любовью умоляет своих современников вернуться к любящему Богу.

Мне недоставало сострадания этих древних пророков. Я только метал громы и молнии. У меня не было никакой любви к людям. И я откровенно говорил им об этом, даже слишком откровенно.

Я мог сказать: «Вы, ребята, воняете. Я даже со своего места чувствую эту вонь. Вы не моетесь перед тем, как прийти сюда. Я вырос в Новом Орлеане. Мы там моемся каждый день»

Вы сами знаете, восемнадцатилетние могут сказать все, что угодно.

Однажды вечером посреди проповеди я строго спросил одну молодую женщину:

— Хочешь отправиться в рай?

Она отрицательно покачала головой.

В ярости я плюнул на нее.

— Тогда отправишься в ад.

Она потеряла сознание.

5. Мои руки в крови

Однажды во время собрания пробуждения в здании школы, в Теннесси, я сидел сбоку и наблюдал, как мой друг ведет людей в прославлении. Теперь, через несколько месяцев практики, он действительно стал делать это намного лучше, и люди хлопали в ладоши и поклонялись Господу.

Внезапно, несмотря на то, что мои глаза оставались широко открытыми, я перестал видеть его. Я перестал видеть людей в собрании. Перед собой я увидел весь мир.

Я увидел людей из всех стран мира — людей разного цвета кожи, одетых в национальные костюмы. На меня произвело огромное впечатление то, как они горделиво и красиво шли по очень длинной и широкой дороге, уходящей от меня вдаль.

Я видел японцев в их ярких кимоно. Я видел монголов с резкими чертами непроницаемых лиц и небольшими бородками, они были почти страшными. Я видел самых разных китайцев. Некоторые из них были одеты очень элегантно. Я видел обнаженных жителей тихоокеанских островов со злобным выражением лица.

Я видел народы Южной Америки, Африки, Индии и Европы. Я видел весь мир. Это видение было настоящим, как моя плоть. Я видел людей каждой нации.

Миллионы и миллионы людей шли по широкому пути. Но они даже не шли, а двигались мелким и быстрым шагом. Я с интересом наблюдал за ними. Это было просто удивительно!

Затем в моем видении Бог поднял меня и понес над массами народа вперед, к концу пути. Там я посмотрел вниз.

Бог сказал:

— Это дорога жизни.

В конце пути я увидел зияющую пламенем бездонную преисподнюю. Языки огня обнимали и повторяли очертания того, что мне показалось ослепительным вулканом.

Бесчисленное количество людей в бесконечной процессии приближались к краю пропасти и затем, с раздирающими душу криками, падали в неугасающий огонь. Когда они приближались к краю и видели, что ожидает их впереди, то пытались отступить назад, но безуспешно. Сзади на них напирал неиссякающий поток людей. Великая, полноводная человеческая река опрокидывалась в пропасть.

Они падали с края обрыва по сотне тысяч человек за мгновение. Они падали с криками, воплями, плачем, хватаясь за голову, вырывая на себе волосы и царапая лица. Глядя на них, я

начал задыхаться: «Боже. Боже. Боже!..» — только и мог я сказать. Я видел, как мир ухо д ит в ад.

Бог открыл мне уши, чтобы я услышал крики обреченных душ, исчезавших в пламени ада. Затем Он подвел меня поближе, чтобы я мог увидеть мужчин и женщин разных национальностей, их искаженные от ужаса лица и руки, судорожно хватающие воздух.

Бог заговорил ко мне в этом хаосе: — Ты несешь ответственность за тех, кто обречен.

— Я, Господи? — запротестовал я. — Я не знаю этих людей. Я никогда не был в Японии, Китае или Индии. Я не могу отвечать за них!

Когда Бог заговорил опять, Его голос был спокойным, но твердым:

— Когда Я скажу беззаконнику: «Смертью умрешь!», а ты не будешь вразумлять его и говорить, чтобы остеречь беззаконника от беззаконного пути его, чтобы он жив был, то беззаконник тот умрет в беззаконии своем, и Я взыщу кровь его от рук твоих.

Это была самая короткая проповедь, какую я только слышал. И самая страшная. Сам Бог прочитал мне эту проповедь. И только неделю спустя я обнаружил, что Он цитировал отрывок из Библии — Книгу пророка Иезекииля (3:18).

Я продолжал смотреть, как люди пытаются отступить от края пропасти, но массы людей, напиравших сзади, сталкивали передние ряды вниз, и они падали в преисподнюю с криком и плачем.

Никто не думает о вечности, пока не подходит к краю погибели. Не удивительно ли это?

Не знаю, сколько времени я наблюдал за этой сценой. Что сказал мне Бог? «Ты виновен в их погибели», — так Он сказал.

— Я не виноват, — заявил я. — Я родился в Новом Орлеане, штат Луизиана. Я жил в Мобиле, штат Алабама, и в Панама-Сити, штат Флорида. Я никогда не был в других странах. Меня нельзя винить в этом!

Его ответ звенел в моих ушах:

— Если ты не будешь вразумлять беззаконника и говорить, чтобы остеречь беззаконника от беззаконного пути его, чтобы он жив был, то беззаконник тот умрет в беззаконии своем, и Я взыщу кровь его от рук твоих.

И вдруг я увидел, как с моих рук стекает кровь. Кровь народов.

Вот почему сегодня я обращаюсь к миллионам людей, ибо Бог вложил в мое сердце бремя за народы.

Бог знает, как сотворить миссионера, когда Ему это нужно.

Я увидел кровь и сказал:

— Боже, что мне делать?

Он сказал:

— То, что повелевает Слово. Говори им, напоминай, предостерегай все народы.

— Народы? — переспросил я.

— Ты видел, как целые народы отправляются в ад. Мое Слово говорит, что если ты не будешь вразумлять беззаконника от беззаконного пути его, то Я взыщу кровь его от рук твоих.

— Боже, почему тогда Ты не говоришь об этом всем людям, а только мне?

— Я говорю. Мои слова находятся в Моей Книге. — Затем Он сказал: — Я буду судить вас по этой Книге. Если вы придете в суд и заявите судье, что не знали о том, что совершаете преступление, то он объяснит, что незнание закона не освобождает от ответственности. Поэтому людям нужно знать законы страны, в которой они живут. Точно

так же вам лучше знать законы вечности.

Я сказал:

— Хорошо, Боже, что я должен делать?

В этот момент я пришел в себя. Видение внезапно исчезло. Я все еще дрожал.

Я открыл глаза и увидел, что дом собрания пуст и что

я остался один.

Не могу сказать, сколько времени я пробыл там, час, два или больше. Я так и не решился спросить у людей, пытались ли они привести меня в чувство. На самом деле я вообще ни с кем не говорил о том, что произошло в тот вечер. Мне было просто неловко.

В конце концов мне было всего девятнадцать лет. Не знаю, может быть, люди подумали, что я уснул, и решили подшутить надо мной. Но, так или иначе, все отправились по домам и забрали с собой фонарь.

Когда я пришел в себя, я понял, что нахожусь в темной маленькой школе в полном одиночестве.

Я сказал про себя: «Я в штате Теннесси. Я видел весь мир, — но ад, Лестер, дело реальное. Лучше держаться от него подальше. Ты видел его. Теперь ты не сможешь сказать, что ничего об этом не знаешь. Ты видел его! И если ты не будешь предостерегать людей от беззаконных путей, то их кровь будет на твоих руках».

Я крикнул: «Боже!» — и упал на пол.

В маленьких сельских школах очень грязно. На полу остаются комки грязи, потому что полы там никогда не моются, а только подметаются.

Я лег на пол, а в те дни я был очень элегантным молодым человеком. Я всегда проповедовал при белом галстуке, в белой рубашке, белых брюках, белых носках и белых туфлях. Я был молодым белым проповедником из Флориды, но тогда без всякого колебания я растянулся на грязном полу.

Я начал плакать и рыдать, моля о прощении своих грехов. Я просил прощения за свое отношение к людям. Я просил прощения за то, что не призывал людей к алтарю в конце собраний, как должно. Я просил прощения, потому что не спускался вниз, к людям, чтобы вместе с ними

Я очищал свой дух и душу. Затем я начал просить за народы:

— Боже, эти люди из Японии. Боже, эти люди из Китая. О Боже, все эти народы из Индии. Господи!

Так впервые в жизни я молился за нации и народы мира.

Я начал испытывать сильную боль. Пот лился с меня градом. Мой пот смешался с грязью.

Всю ночь напролет, до восьми утра, я плакал, молился, я выполнял молитвенный труд.

Может быть, вы не знаете, что такое молитвенный труд, но Иисус именно трудился в молитве в Гефсиманском саду. Этот труд был настолько тяжелым, что кровь проступила через кожу и стекала по Его лицу. Кровеносные сосуды разрывались от напряжения, и кровь выступила наружу. Он знал, что такое молитвенный труд.

Такое случалось раза три или четыре за всю мою жизнь. Но я усердно молился, чуть не до смерти, и чувствовал себя так, словно в ту ночь я могу умереть.

На следующее утро, в восемь часов, через ставни начал пробиваться свет.

Я встал. Я никогда раньше не бывал таким грязным. Моя белая одежда стала красной от грязи. Грязь была даже в волосах и на лице. Я молился на коленях, молился лежа на спине и на животе. Я принимал самые разные позы. Я был похож на свинью из грязного свинарника. Выглядел я ужасно.

Я сказал себе: «Мне нужно тихонько выбраться отсюда и помыться. Никто не должен видеть меня».

Никто меня не видел в то утро. Бог усмотрел это. Я прокрался к дому, в котором остановился, снял грязную одежду и помылся. Когда я вышел, люди стали расспрашивать меня: «Ты провел эту ночь в школе?»

— Да, — отвечал я. — С тобой что-то произошло, да?

— Да.

Я пролежал на грязном школьном полу в агонии всю ночь, молясь Господу. «О Боже, — просил я, — прости меня. Прости

меня за то, что я не любил меньших, заблудших и уничиженных мира сего».

Когда в то утро я вышел из здания школы, я был новым человеком. Что-то вызрело в моем сердце и душе. Бог отделил меня и призвал на служение. Бог дал мне сострадание, которого я не имел раньше. Он также наполнил меня ощущением безотлагательности, которое не покидает меня до сего дня.

Каждый день миллионы людей умирают и отправляются прямо в ад. Только лишь несколько лет назад я рассказал людям, что я видел той ночью.

На следующий день меня стали спрашивать, что произошло в ту ночь в школе, и я сказал: «Бог разговаривал со мной». Это все, что я мог сказать тогда.

Как я мог объяснить людям, что из забитой нищетой старой конфедерации, из Великой депрессии, из маленькой сельской школы выйдет тощий юнец, которого Бог призвал к служению на международном уровне? Как я мог объяснить, что Господь вменил мне в вину кровь погибающих миллионов людей?

В ту самую ночь мой друг, лидер прославления, увидел хорошенькую девушку по имени Лили Белл. Он так сильно в нее влюбился, что я стал бояться за его рассудок. Через десять дней он нашел мирового судью, который зарегистрировал их брак. После этого он покинул меня, даже не попрощавшись. По правде говоря, я даже не знал, что он собирается жениться. Позже я услышал, что он вернулся во Флориду.

Больше я его никогда не видел. Я даже не помню его имени.

Я остался один.

6. Рукоположенный Богом

Если бы Моисей стал дожидаться сбора совета для своего рукоположения, он никогда бы не избавил Израиль от египетского рабства. Иногда Бог делает что-то, используя одного человека, а не штат специа листов.

Божий призыв может сделать вас совершенно незави симым.

После того как мой друг покинул меня, я задумался о том, каким образом мне начать служить народам. У меня было очень мало денег.

Однажды я молился, и Бог заговорил ко мне: — Прочитай Евангелие от Иоанна 15:16. Там сказано: «Невы Меня избрали, а Я вас избрал».

Я прочитал этот стих и подумал: «Как я рад узнать это».

Во всех критических ситуациях моей жизни Бог всегда говорил ко мне через Свое Слово. Не через карточки с библейскими обетованиями, не через открытую наугад Библию, но каждый раз Господь говорил мне: «Вот твой стих, стих на данный момент».

На этот раз Он сказал:

— Я помазал тебя.

«Помазать» означает «рукоположить», «отделить» или «посвятить».

Бог сказал:

— Я отделил тебя. Я посвятил тебя. Я посылаю тебя вперед. Я рукоположил тебя на выполнение Своего при зыв а.

Ни один человек не сможет остановить вас, если вас рукоположил Бог на выполнение вашего предназначения. Когда Бог говорит: «Это делаю Я, а ты — Мой инструмент в выполнении Моих целей», — вы сделаете все, что нужно, какой бы сложной и ответственной ни была задача.

Я прочитал стих из Евангелия от Иоанна: «Невы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли». «Ах, так вот что я делаю, — понял я, хотя и находился на тот момент в штате Теннесси. — Я не сижу сейчас в кресле-качалке. Я нахожусь на пути к своему служению. Мой чемоданчик со мной, и я иду дальше».

Я желал этого. Я только не знал, как именно это должно произойти.

Бог сказал: «Вот это Мне нравится». Он увидел во мне то, чего другие увидеть не могли. Он сказал: «Не ты Меня избрал. Я избрал тебя — и поставил и рукоположил тебя».

Рукоположил меня? Меня называли вольным проповедником.

Меня никто не рукополагал и не выдавал мне разрешения на служение. Я был просто молодым проповедником, который повиновался Богу.

Через какое-то время мои крусейды стали привлекать внимание официальных церковных властей. Каждый раз после крусейда я оставлял новехонькую церковь. Обычно в течение нескольких недель я проводил собрания, а потом фермеры говорили: «Давайте построим церковь». В их сараях, как правило, находилось достаточно леса для строительства церкви.

Я отвечал: «Да, конечно», — и мы вместе возводили новое здание. Затем я писал в деноминацию, из которой вышел, и просил прислать в новую церковь пастора.

Через восемь-девять месяцев церковные власти начали интересоваться мной: «Кто этот молодой проповедник, который открывает все эти новые церкви?» У меня не было официального положения в моей деноминации. Я просто знал, что людям в их новой церкви нужны руководители. К тому времени, когда я добрался до Теннесси, ко мне из деноминации прислали представителей.

— Мы хотим выдать тебе лицензию, — сказали они. — А что это такое? — не понял я. — Мы дадим тебе документ, который ты сможешь повесить на стенку. С этим документом тебе позволят служить в больницах и тюрьмах.

У меня не было стен и не было проблем со служением в больницах и тюрьмах.

— Я там уже проповедую, — сказал я. — Я не очень понимаю, что вы мне предлагаете.

— Эта бумага поможет тебе получить официальное при знани е.

Я сказал:

— Да, думаю, мне это понадобится. Хорошо, давайте мне вашу лицензию.

Так на конференции в штате Теннесси мне выдали патент на проповедническое служение. В сущности, мне все это не очень нравилось, но я принял эти формальности как нечто необходимое.

Я шел все дальше на север — в Блайтвиль, Арканзас, затем Фейетвилл, Эврика-Спрингс и Форт-Смит — и проводил там собрания. Однажды ко мне пришли несколько подростков. Они были совсем еще дети, им всем не было и двадцати. Мне тогда тоже не было двадцати.

— Приезжай проповедовать в наш город Грин-Форест, Арканзас, — попросили они. — Нам тоже нужно пробуждение.

Мне понравилась их искренность, и я сказал: — Я приеду

туда, куда вы меня пригласите, и буду проповедовать.

— У нас есть здание церкви, которое принадлежит всей общине, — сказали они. — Ты тоже можешь проповедовать там.

Я согласился. Когда я приехал туда, то увидел, что у них действительно было очень симпатичное здание, построенное из горного камня. В дверях не было замков. Любой, кто хотел, мог использовать это здание.

Я обошел город, поговорил с людьми на площади, развесил множество объявлений о предстоящих служениях. Народу пришло действительно очень много, хотя ребята, которые пригласили меня, не могли оказать мне существенной помощи. Они приходили на служения, но ничего не делали, чтобы город узнал о крусейде.

Господь Сам посылал людей. Они шли и шли. Дня через четыре многолюдных собраний прямо перед началом вечернего служения ко мне подошли двое крепко сбитых парней вдвое выше меня.

— Ты уже свое отработал. Пора уходить. Сегодня мы будем проповедовать.

Я все еще был очень молод, и люди по-прежнему звали меня «маленький проповедник». Думаю, эти квадратные парни решили, что я неженка, только что закончивший семинарию, а потому попрошу у них извинения и уйду. Они не имели представления о том, что разговаривают с бывшим правонарушителем, драчуном и сыном духовной воительницы.

— Ничего подобного, — сказал я. — Нет, ребята, вы не встанете за кафедру. Я провожу здесь пробуждение.

— Теперь наша очередь, — сказали они, — эта церковь принадлежит всему народу.

— А это значит, что она принадлежит и мне, — сказал я, — и поэтому вам придется уйти.

— Послушай, мы здесь проповедуем уже много лет. Ты не посмеешь переманивать наших людей.

— Разговор закончен. Я приехал сюда проводить крусейд. И приехал я не на день и не на два.

— Это место принадлежит всем жителям, — продолжали они настаивать, — а мы и есть жители. Тебе придется уйти.

— Ну так знайте, — заявил я, — я не собираюсь уходить. Раньше здесь проповедовали вы, а теперь буду проповедовать я.

Когда они поняли, что не сумеют заставить меня уехать, то сказали:

— Увидим, как ты будешь проповедовать. Завтра увидим.

На следующий день я сделал две вещи. Во-первых, я поговорил с шерифом. Он приходил к нам на служения почти

каждый вечер, поэтому я знал его.

— Они собираются сегодня выкинуть меня из церкви. Вы сможете помочь мне? — спросил я его.

Он сказал:

— Конечно. Я знаю этих парней. Если они что-нибудь попытаются сделать, я посажу их на ночь в камеру.

Затем я пошел поговорить со стариком, который построил для города эту церковь. Он жил за городом, и ему было больше восьмидесяти лет.

— Я проповедую в церкви, которую вы построили, — сказал я, поздоровавшись с ним. — Вы слышали о наших крусейдах?

— Да, слышал, — сказал он. — Я очень рад, что вы приехали к нам.

— Эту церковь использовали неверные люди, — сказал я ему. — Они считают, что она принадлежит им. Мне не понравилось, как они разговаривали со мной, и я слышал, какие ложные доктрины они проповедуют. Мне кажется, было бы лучше, если они убрались из этой церкви.

— Вы правы. Я не хочу, чтобы такие люди пользовались моей церковью. Но что я могу сделать? — спросил он.

— Я думаю, вам следует отдать эту церковь мне, — ответил я.

Весьма дерзкое заявление, скажете вы. Но я совсем не удивился, когда он ответил:

— А почему бы и нет?

Мы сели за стол, и он подписал бумагу, в которой передал мне право на владение этим зданием. Я со своей стороны пообещал, что передам эту церковь официальным представителям юридически зарегистрированной церкви, чтобы здание не было моей частной собственностью.

После этого я сразу отправился в церковь, на случай, если те парни придут туда пораньше. И действительно, задолго до начала собрания они пришли, чтобы занять мое место. Но я уже стоял за кафедрой.

Они принялись спорить и попытались даже запугать меня, но тут стали появляться люди, и я крепко держался за свою кафедру. Новости о возможной угрозе для меня распространились по всему городу, и в здании яблоку было негде упасть, отчего многие люди не смогли попасть внутрь и толпились снаружи.

Мы немного попели, а потом я сказал собравшимся:

— У меня есть для вас чудесные новости. Во-первых, здесь сидит шериф, и если кто-нибудь попытается сегодня вечером сорвать собрание, то он попадет за решетку.

Затем я вытащил документ и объявил: — И кстати, сегодня я виделся с джентльменом, который владеет этим зданием. Он

оформил это здание на меня и подписал вот этот документ. Завтра утром я зарегистрирую все как положено, и эта церковь будет принадлежать деноминации, из которой я вышел.

Эти большие парни рассвирепели и не знали, что делать. «Почему нам самим не пришло в голову оформить это здание на себя?» — спрашивали они друг друга.

Затем они ушли, и мы их больше никогда не видели. Я остался в этом городе еще на шесть или семь месяцев, наставляя людей в Слове. Я учил их любить Бога, служить Ему и жить праведной жизнью. Когда я решил, что среди верующих появилось сильное ядро, то списался с конференцией, и они прислали пастора.

По всему Арканзасу разлетелась новость: «Этот парень действительно чего-то стоит. Он забирает у других людей церкви и отдает их нам».

Все это произвело сильное впечатление на официальных представителей моей деноминации, и один из исполнительных пресвитеров сказал мне:

— Я думаю, нам следует рукоположить тебя. Помните, мне не было еще и девятнадцати лет. Я ответил: — У меня уже есть один документ, но я его еще никуда не повесил.

Они сказали:

— Тот документ не такой важный, как этот.

Я согласился:

— Хорошо, вы, наверное, сами знаете, что лучше. Что я должен делать?

Они ответили:

— Ты уже все сделал. Ты подарил нашей деноминации это каменное здание, а в этом районе у нас вообще не было церквей. Мы очень тобой гордимся. Человек, способный на такое, должен быть рукоположенным служителем.

И хотя я не видел между всем этим никакой связи, я согласился:

— Ну, хорошо, делайте, что считаете нужным.

Когда я приехал на собрание Совета в Литл-Рок, самое главное лицо нашей деноминации совершило торжественное богослужение. Сначала он немного проповедовал, а потом сказал, что собирается рукоположить нас.

Нас, молодых проповедников, было человек тридцать или сорок, и мы все выстроились перед собравшимися.

Этот важный руководитель подходил к каждому из нас, гладил каждого по головке и произносил: «Оп», затем переходил к другому и опять: «Оп».

После того как он отошел немного подальше, я спросил

стоявшего справа от меня молодого служителя:

— Ты что-нибудь получил?

— Нет, я ничего не получил, — ответил он.

Тогда я повернулся к человеку, стоявшему слева от меня:

— А ты получил что-нибудь?

Он сказал:

— Нет.

— А зачем тогда все это, если мы ничего не получили? — спросил я.

Примерно через час после окончания службы я стоял на церковном дворе, когда главный руководитель, очень строгий и суровый, быстрой походкой направился к выходу. Я остановил его и сказал:

— Как поживаете, сэр?

Он пожал мне руку.

Я сказал:

— Меня зовут Лестер Самралл.

Он ответил:

— О

— Вы рукоположили меня.

— О! — воскликнул он, повернулся и ушел.

Я почувствовал себя разочарованным.

Я был молодым и не знал многого, однако я знал точно, что все это неправильно. Мои лучшие чувства были оскорблены. Человек, рукоположивший меня час назад, не знал ни моего имени, ни меня самого.

Я подумал: «Что-то здесь не так». Когда мне было всего восемнадцать с половиной лет, я решил, что служителя должен рукополагать его собственный пастор в его собственной церкви, там, где его отделили на служение, где его любят и помогают, и поддерживают, когда он падает.

У меня начались проблемы с этой деноминацией еще раньше, чем я начал служить, но меня по крайней мере рукоположили и выдали второй документ.

Почти каждого человека кто-нибудь рукополагает, но мне Господь Сам сказал: «Я помазал и рукоположил тебя».

Бог не только выбирает нас, Он дает нам силу и власть следовать за своим призванием. Ни одна церковь или деноминация не в состоянии совершить это.

Когда Иисус наделяет Своей силой того, кого Он призвал и рукоположил, тогда этот избранник знает об этом совершенно точно! Вы сразу начинаете чувствовать святое помазание! Оно нисходит на вас, и вы уверены, что действуете в области сверхъестественного. Вы знаете, что пришли под помазанием

Того, Кто избрал вас, — не только рукоположил, но и помазал вас для служения.

Помните, Господь сказал мне: «Не ты Меня избрал, а Я тебя избрал».

Это был Его выбор.

7. Пробуждение с перестрелкой

Вскоре после моего официального рукоположения ко мне присоединилась моя сестренка Леона. К моей радости, у меня опять появился лидер прославления. Ее помазанная игра на гитаре и пение вносили в наши служения сладкий дух.

Это было хорошее время в моей жизни. Я становился настоящим проповедником. Иногда я даже выходил к людям в зал и лично приглашал присутствующих выйти к алтарю.

Однажды вечером я обратил внимание на человека, который выглядел очень расстроенным. Я подошел к нему и сказал:

— Выйдите вперед и отдайте свое сердце Богу. — Маленький проповедник, — ответил тот человек, — я бы с радостью, но дайте мне время до следующего воскресенья, и, клянусь, тогда я выйду к алтарю.

— Знаете ли, я слышал такие слова и раньше. А что, если вы не доживете до следующего воскресенья?

— Нет, доживу.

— Но почему вы не хотите выйти сегодня? — спросил я.

— Видите ли, — сказал он прямо на собрании, понизив голос так, что только я мог слышать его, — я скажу вам почему. Моя жена гуляет с одним человеком, и они спят вместе. Я поклялся убить его.

Он распахнул пальто и сказал:

— Видите, я все время ношу с собой это оружие, чтобы убить его. Но теперь, когда я услышал вас и поговорил с вами, я не хочу его убивать. Теперь мне нужно попросить у того человека прощения и сказать ему, что он может остаться с моей женой, если хочет.

После мне рассказывали, что всю следующую неделю он искал своего соперника, но тот прятался от него. В следующее воскресенье я уже проповедовал минут десять, когда в церковь через боковую дверь вошел один человек. В то же мгновение муж загулявшей жены вскочил со своего места в зале.

Оба мужчины схватились за оружие. Но прелюбодей был чуть быстрее. Прозвучали выстрелы, и обманутый муж был убит прямо в церкви. Шериф и все присутствовавшие на собрании вскочили со своих мест. Но убийца не собирался бежать. Он стоял на месте и ждал, когда его арестуют.

В церкви началась суматоха. Дети кричали. Отцы прижали к себе дочерей. Женщины теряли сознание. Но я приказал людям вернуться на свои места: «Немедленно сядьте! Я приказываю всем сесть на свое место!»

Растерянные, они сели. Я тут же призвал людей к покаянию.

— Этот человек, лежащий мертвым на полу, в прошлое воскресенье обещал мне, что сегодня вечером покается. Вы видели собственными глазами, что он остался лежать в пятидесяти футах от спасения, и вот он отправился в ад.

Люди потоком устремились к алтарю.

Пока тело заворачивали и выносили, пока смывали кровь на полу, спасение обрели почти все, кто находился в церкви.

На следующий день весь город говорил о том, что произошло на собрании. В течение многих недель церковь была переполнена. Чтобы попасть в зал, приходилось приезжать в церковь на час раньше.

Позже, во время собраний в Чарльстоне, штат Арканзас, молодой буян со своими дружками стоял на тротуаре, наблюдая за богослужением через окно. Вдруг этот молодой повеса увидел, что его сестра отозвалась на призыв выйти к алтарю. Он ворвался к нам в собрание, схватил сестру, взвалил ее себе на плечо и вынес на улицу, к своим пьяным дружкам, после чего категорически запретил ей ходить в церковь.

Через несколько дней он работал в поле, и в него попал разряд молнии, убив его тут же, на месте.

Когда наступило время закрывать собрания пробуждения и мы с сестрой укладывали вещи в машину, вокруг нас собрались люди и стали умолять нас остаться. Они ложились на машину и со слезами просили, чтобы мы остались: «Вы не можете уехать. У нас есть близкие люди, которые еще не спаслись, и они отправятся в ад».

Мы распаковали вещи, и пробуждение продолжалось еще неделю.

В другой раз ко мне в церковь пришел человек, чтобы убить меня.

Накануне, посреди проповеди, мы все услышали, как на улице рядом с церковью резко заскрипели тормоза. Все повскакивали со своих мест.

«Человека задавили!» — закричал кто-то. Другие стали кричать, что на проезжую часть дороги вышел пьяный человек и машина сбила его насмерть.

Я тут же пригласил людей выйти к алтарю, призывая их не думать о судьбе человека, перед которым сегодня вечером был выбор, — пойти в церковь или напиться допьяна в баре через дорогу. Я сказал, что теперь он находится в аду.

На улице выла полицейская сирена и было очень шумно, а в церкви все молились.

На следующее утро в мою дверь постучали четыре молодых

человека и потребовали, чтобы я вышел к ним. Когда я ступил за порог, один из них толкнул меня, а другой закричал:

— Мы убьем тебя, маленький проповедник. — Что случилось? — удивился я. — Наш отец не был пьян. Его вчера задавила машина, а ты сказал, что он был пьян.

— Простите, — извинился я, — я не хотел вас обидеть. — Однако обидел, — заорал другой. — Ты сказал, что он горит в аду.

— Простите, — повторил я.

Потом ребята прыгнули в свою машину и уехали, а я остался стоять, совершенно потрясенный. Я просил Господа простить меня и защитить.

Я приехал в церковь на час раньше и был поражен, увидев, что те ребята уже сидят там. Настроение у меня было отвратительное.

— Я ухожу домой, — шепнул мне пастор той церкви, — а тебя собираются убить. — И ушел.

— Что ты будешь делать? — спрашивали меня люди. — Эти ребята собираются убить тебя сегодня вечером. Ты плохо говорил об их отце. Они поклялись застрелить тебя, если ты встанешь за кафедру.

— В таком случае, — сказал я, — пусть убивают. Я встал и начал прославление, но остановил пение еще прежде, чем Леона вышла на сцену. Я начал проповедовать, но люди постоянно прерывали меня, чтобы предупредить, что моя жизнь в опасности и что мне следует уехать из города.

В раздражении я закричал: «Послушайте, Бог со мной! Любой, кто попытается стрелять в меня, тут же умрет. Сам Бог уложит его на месте. Поэтому попробуйте только выступить против меня. Давайте, не тяните. Если хотите попробовать, выходите и делайте свое дело прямо сейчас». На всех этих людей снизошел страх Божий. Они сидели в полном молчании. Я закончил проповедь и призвал людей к покаянию.

В те дни я часто вглядывался в сидящих в зале людей, и Господь показывал мне тех, кто нуждался в спасении. В тот раз я сказал молодому человеку с угрюмым лицом:

— Молодой человек, Бог обращается к тебе сегодня!

— Откуда ты знаешь? — огрызнулся он, вставая.

Все присутствующие ахнули.

— Бог говорит мне, что Он сейчас разговаривает с тобой.

— А ты знаешь, кто я?

— Нет, не знаю, но Бог знает.

— Это моего отца ты вчера оговорил, — крикнул он. — Я пришел сюда, чтобы убить тебя. — С этими словами он вытащил

оружие.

Я не узнал в нем того, кто приходил ко мне вчера с группой других парней.

— Послушай, я не знаю, где твой отец, — сказал я ему, — и я не должен был говорить про него, не узнав вначале истины. Но я знаю, что ты точно пойдешь в ад за свои грехи, если не примиришься с Богом.

Он разрыдался. Я подошел к нему, и мы вместе преклонили колени.

Вместо того чтобы убить меня, он отдал свое сердце Иисусу! Какой славный вечер! Многие души спаслись в тот день, — включая его душу.

Несмотря на возникавшие опасные ситуации, я был рад, что Леона служит вместе со мной. Я очень любил свою младшую сестренку. Мы выросли вместе. К тому времени, когда мне было десять лет, старшие все уже выросли и были женаты, поэтому, когда мы с Леоной были маленькими, мы всегда играли вместе.

Вскоре после того, как я стал проповедником, она приехала послушать меня. Во время призыва к алтарю я подошел к ней и сказал: «Леона, выйди вперед и отдай свое сердце Иисусу». Она прошла вперед, встала на колени и отдала свою жизнь Иисусу. Я был рад, что она помогает мне проводить крусейды. Я знаю, что очень часто грешники приходили ко мне в церковь только для того, чтобы послушать, как она поет.

Кроме того, тот факт, что она была рядом, не позволял местным девушкам докучать мне. Леона не подпускала их ко мне.

Она ездила со мной примерно год, а затем стала проводить собственные собрания как проповедник. В Луизиане она решила построить церковь еще прежде, чем люди начали спасаться. Вместе с ней работала моя мама. Она просила разных людей в городе пожертвовать строительные материалы. Очень скоро у них была своя церковь.

Люди приходили отовсюду, чтобы посмотреть на пожилую женщину и молодую девушку, которые проводят евангелизационные собрания. Прихожане очень полюбили их. Многие люди были спасены, а в городе росла сильная и здоровая церковь.

Однажды на ее собрание пришел молодой человек, служивший на военной базе недалеко от Батон-Ружа, штат Луизиана, где Леона проводила крусейд. Он стал посещать ее собрания даже тогда, когда она проводила крусейды в штате Индиана. Они полюбили друг друга и через некоторое время поженились.

Я всегда радовался мощным проповедям Леоны. Она знала

то, что хотел бы знать и я. Хотя я вырос среди пятидесятников, но никогда не испытывал исполнения Святым Духом. Я повиновался повелению Господа идти и проповедовать. Я научился любить заблудших, но в жизни мне недоставало силы Духа.

Несмотря на то, что я, как маленький проповедник и дерзновенный юноша, становился все более популярным, меня беспокоило ощущение внутренней пустоты. Я хотел, чтобы во мне жил Святой Дух. Все те годы, что моя мама заставляла меня посещать собрания в церкви, я видел демонстрацию Его великой силы. Я отчаянно искал исполнения Духом.

Очень часто я проповедовал о Святом Духе, но основывался не на собственном опыте, а на том, что слышал и видел, а также, что об этом говорит Библия. я призывал с кафедры других людей искать этого благословения. Многие выходившие к алтарю получали его, но люди говорили: «Этот маленький проповедник не имеет права учить о Святом Духе. Он сам не крещен Святым Духом».

Они были совершенно правы. Я призывал прихожан искать исполнения Духом, а затем присоединялся к ним у алтаря, чтобы самому получить крещение Духом.

Другие, следуя моему призыву, получали у алтаря этот дар, и иногда они окружали меня и молились, чтобы я тоже исполнился Духом. Помню, как часто люди пытались «промолить своего пастора». Они возлагали на меня руки, велели мне произносить бессмысленные звуки или слова типа «аллилуйя», «слава, слава, слава». Но я восставал против такого метода. Я не хотел никаких подделок. Я не хотел пытаться вызвать Дух, впадая в неистовое состояние. Я хотел, чтобы Дух излился на меня естественно и реально.

Когда мне было девятнадцать, я проповедовал в небольшой сельской школе, недалеко от того места, где жили мои старшие братья. Мой брат, у которого я остановился, не смог прийти, но пришла его жена. В ту ночь, когда я уже лег спать, я через стенку услышал, как брат спросил у нее:

— Ну, как Лестер справился?

Громко и четко она ответила:

— Даже если он будет проповедовать и тысячу лет, у него ничего не получится.

Потрясенный, я стал плакать перед Господом. Я ничего не мог понять. Я возопил к Господу и стал спрашивать Его, не пора ли мне закончить свое служение. Я лег на пол, внутри у меня все болело, и я молил об ответе.

И я получил его.

— НЕТ! — сказал Он. — Ты не можешь оставить служение.

Прочитай Евангелие от Луки (4:18, 19)!

Я открыл Библию и прочитал: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное».

— Господь, Ты имеешь в виду. — спросил я.

— Да, — ответил Он. — Мой Дух на тебе, и когда люди увидят тебя, они поймут, что на тебе пребывает Мой Дух.

— Это правда? — спросил я.

— Да, — ответил Он.

— Ты не всегда будешь проповедовать в сельских школах. Сейчас ты проходишь период подготовки. Мой Дух на тебе, и Я помазал тебя!

Я внимательно исследовал эти стихи. Меня учили, что крещение Святым Духом проявляется внезапным говоре нием на языках.

Однако ничего не произошло. Однажды вечером, после того как десять человек на собрании были спасены и исполнены Святым Духом, я пришел домой удрученный. И хотя я стоял вместе с другими у алтаря и искал дара Святого Духа, но опять ничего не получил. Я вошел в комнату и лег на кровать в полном отчаянии. Я. посмотрел на потолок и громко сказал сам себе. «Что со мной не в порядке?»

Бог ответил: «Ты считаешь, что можешь получить все, что угодно, когда и как тебе хочется?»

Это было сильное обличение.

И это была правда. Я решил, что люди получают крещение Святым Духом, нажимая на нужные кнопки. Я думал, что если следовать определенным формулам, Бог обязательно ответит. Однако такой вариант не сработает. Бога невозможно заставить действовать. Ему нельзя приказывать. Мы ничем не сможем заполучить Святого Духа. Тогда Он заставил меня вспомнить многие случаи, когда Он никак не проявлял своего присутствия и даже не отвечал на искренние и пылкие молитвы. А иногда отвечал коротко: «Нет».

Вот почему Он позволил мне унижаться перед десятками церквей, давая тысячам обращенных мною людей дар Святого Духа, но удерживая этот дар от меня.

Теперь, когда я внимательно слушал Господа, Он сказал мне очень просто: «Поскольку ты не получил Святого Духа так, как тебе хотелось, Я даю Его тебе как подарок». В тот же момент Божья слава заполнила всю комнату. Дух, казалось, пронизывал все мое тело и изливался через меня, и я заговорил небесным

языком.

Сегодня, когда я вижу, как ужасающий эгоизм и материализм захватывают всю нашу страну и даже церкви, я знаю, почему Господь так настойчиво показывал мне, что Он не реагирует на наши приказы.

Он Бог, а мы — нет.

За долгие годы служения я видел множество разочаровавшихся верующих, которые отпали от Господа, потому что провозглашали весь набор заклинаний для того, чтобы Он исцелил их любимых или благословил их богатством. Но Бог не реагирует на такого рода манипуляции. Ему нельзя приказывать.

«Вчера я получил благословение», — объявил я за завтраком людям, у которых остановился. Они посмотрели друг на друга. «Об этом уже все знают», — сказала жена фермера с улыбкой.

Больше никто ничего не говорил. Не знаю, может быть, я молился слишком громко, или же присутствие Господа было явлено всему дому, но я знаю, что после того, как я получил дар Духа, мои проповеди стали намного сильнее.

Я погрузился в свое призвание с новой радостью. Теперь во мне трудился Святой Дух. Это было чудесно.

Но меня ожидало еще одно немыслимо чудесное благо словение.

8. Так где же этот Ховард Картер?

В ту ночь, когда я получил видение о миллионах людей, падающих в адскую огненную пропасть, за четыре тысячи миль от меня, в Лондоне, молился тридцатидевятилетний ректор библейского колледжа по имени Ховард Картер. Бог начал говорить к нему, и Его послание настолько взволновало брата Картера, что он его записал:

«Я нашел для тебя спутника. Я призвал работника, который будет стоять рядом с тобой. Он принял Мой призыв, он ответит на него и присоединится к работе, к которой Я призвал тебя.

Я призвал его к работе с тобой, хотя он не знает тебя. Он призван и избран, и присоединится к тебе. Смотри, вот, он придет издалека. Он придет, чтобы помочь тебе нести твое бремя и стать опорой для тебя, и тебе будет приятно его служение рядом с тобой, и ты будешь радоваться общению с ним.

Он придет во время, назначенное Мною, и не замедлит. Он появится, когда ты не будешь ждать его, когда ты будешь выполнять Мою работу. И вот что он скажет: „Куда пойдешь ты, туда пойду и я. Через высокие горы, через бурные моря, через глубокие равнины и долины. Я буду помогать тебе, я буду укреплять и поддерживать тебя, и в час нужды я буду с тобой. Когда ты состаришься, я буду опорой тебе и буду помогать во всем. Я приду тебе на помощь в старости, и ты будешь мне, как отец“.

Брат Картер задумался над этими словами. Он был одним из руководителей в крупной британской деноминации и ректором престижного библейского колледжа. Ему было почти сорок лет, и он не был женат. Поэтому на какой-то момент ему показалось, что Господь посылает ему жену, — но в Божьем пророческом слове было сказано, что кон придет издалека».

Это значило, что Бог говорил не о жене. Брат Картер прочитал послание своим коллегам в библейском колледже. «По-видимому, вам предстоит женитьба, — сказал один из профессоров. — Бог пошлет вам хорошенькую женщину из какой-нибудь далекой страны». Картер покачал головой. Нет, объяснил он, в послании ясно говорится о «нем». «Он» придет издалека, «он будет помогать тебе». В пророчестве ничего не говорится о женщине. Бог посылает ему мужчину, с которым Картер будет вместе путешествовать.

Затем брат Картер прочитал это послание студентам.

— Это пророчество, — объяснил он. — Если я лжепророк, откажитесь от меня, но если это пророчество исполнится, тогда

вы будете знать, что я истинно Божий пророк.

Один из студентов сказал:

— Хорошо, посмотрим. Здесь речь идет о женщине?

Брат Картер прочитал послание еще раз и сказал:

— Здесь везде говорится о «нем». Это не женщина.

Каждый день Картер ожидал обещанного помощника. Прошло полтора года, и Картер стал подумывать о поездке на Дальний Восток, чтобы навестить миссионеров своей деноминации.

Получив неожиданное приглашение на конференцию в Эврика-Спрингс, штат Арканзас, он немедленно отклонил предложение, потому что этот пункт слишком далеко отстоял от его пути на Дальний Восток. Он поблагодарил их за приглашение и выразил сожаление, объяснив, что приехать не сможет. Затем он забыл об этом письме.

Через некоторое время он получил телеграмму из Арканзаса с вопросом о том, когда он собирается приехать. По-видимому, они не получили его ответа. Но эта телеграмма неожиданно взволновала его. И конференция была очень короткой. Было ли разумно тратить Божьи деньги на такую далекую поездку, чтобы присутствовать на такой короткой встрече?

Он стал искать Господа, запершись в одиночестве в церкви. Он просил у Господа ясное слово. Во время молитвы он почувствовал, как Господь сказал ему: «Отправляйся в это путешествие и приготовься к пути, потому что Я посылаю тебя туда, и Я пойду с тобой. Ты искал Меня, и хорошо сделал, потому что твой поиск есть твоя мудрость, и ты увидел путь, и Я дам тебе благодать, чтобы пройти его. Ты скажешь там Мои слова, и Я поведу тебя, и ты исполнишь Мою волю».

Далее Господь сказал, что не люди побуждают Картера приехать в Америку, но Он Сам направляет его туда. Господь поставил перед ним задачу пойти к народам, где трудятся Его служители, и напутствовал: «Ты утешишь Мой народ и поддержишь тех, кто трудится для Меня. В темных местах ты окажешь им помощь, потому что Я с тобой». Картер понял, что ему следует лететь в Арканзас. Он послал трансатлантическую телеграмму, в которой просил аннулировать свое письмо, и сообщил, что принимает приглашение.

Я часто вспоминал свое видение и с нетерпением ожидал, когда Бог откроет двери для его выполнения. Я очень хотел служить народам, но не знал, как это сделать.

Я никогда не слышал о Ховарде Картере, а он ничего не слышал о Лестере Самралле, «маленьком проповеднике»

Тем временем я проповедовал в Оклахоме, насколько помню, в городке Семиноле. Там я остановился в семье, которая жила за

городом. Однажды утром я встал очень рано и пошел в сосновый лес, куда часто уходил, чтобы помолиться.

И там Господь сказал мне:

— Я хочу, чтобы ты сегодня же уехал в Эврика-Спрингс.

Я спросил:

— Зачем?

Он сказал:

— Там будет конференция. Я хочу, чтобы ты поехал на эту конференцию.

Я вернулся в дом и сказал сестре:

— Укладывай вещи в машину. Мы уезжаем. По пути мы заедем к пастору и попрощаемся с ним.

Когда я сказал пастору, что нам нужно уехать, он очень рассердился.

— С вами, молодыми проповедниками, всегда так, — накинулся он на меня. — Вы совершенно не уважаете старших. Вы не делаете того, что вам велено делать. Ты обещал провести служение, и ты должен остаться.

Я сказал:

— Я знаю, что мы должны сдержать данное слово. Тем не менее Бог велел мне ехать на эту конференцию. Простите, но такого со мной раньше никогда не было. Бог велел мне ехать, и мы должны ехать. Сегодня вы можете проповедовать на собрании, а потом распустить его.

Пастор был страшно разгневан и сказал, что я не добьюсь успеха в своей жизни и что человек, который не умеет держать слово, ничего не стоит.

— Вы спросите Бога об этом, — сказал я ему. — Я еду не по своей воле. Бог велел мне ехать в Эврика-Спрингс, и потому я еду.

— Я скажу всем пасторам, чтобы тебя никогда и никуда больше не приглашали, — гремел он. — Я скажу, что тебе нельзя доверять, что ты можешь бросить дело на полпути. Более того, я не выплачу тебе никаких денег.

— Мне не нужны деньги, — сказал я, — я не просил у вас денег. Я только сказал, что Бог велел мне ехать в Эврика-Спрингс, Арканзас, на собрание, и потому я должен ехать.

— Это не от Бога. Ты не прав.

Мне казалось, я разговариваю с кирпичной стеной. Он не мог думать ни о чем другом, как только о личных неудобствах, связанных с тем, что ему самому придется завершать крусейд.

— Благослови вас Бог, — сказал я ему на прощанье.

Больше я его никогда не видел.

Мы с сестрой Леоной проехали по горным дорогам сто пятьдесят миль до Эврика-Спрингс, штат Арканзас. И хотя ехать

было недалеко, но поездка по извилистым горным дорогам заняла все утро.

Когда мы приехали, конференция уже началась. В качестве выступающих были приглашены два иностранца — Ховард Картер из Англии и человек из Германии по имени Отто Дж. Клинк. Поскольку я южанин, то не был в восторге от того, что приходится слушать людей, речь которых плохо понимаешь.

В то утро выступал англичанин, ректор библейского колледжа Хемпстед в Лондоне. Я ничего не знал ни о нем, ни о его школе и с трудом понимал его, поскольку он говорил на британском английском.

Однако я сидел и внимательно слушал. Он говорил о дарах Святого Духа. Никогда раньше я не слышал, чтобы кто-нибудь учил о дарах. Я был сильно удивлен.

Я не знал, что существует девять даров Духа. Я думал, их сорок четыре.

После того как доктор Картер завершил выступление, он вышел на улицу, и я последовал за ним. Мы пожали друг другу руки, и я сказал: «Спасибо за Божье Слово, которым вы поделились с нами».

И вдруг я стал говорить самые странные слова, какие только можно представить. Неожиданно я услышал, как мои уста произнесли следующее: «Куда пойдешь ты, туда пойду и я. Через высокие горы, через бурные моря, через глубокие равнины и долины».

Он был очень вежливым человеком и стоял, кивая головой. Смущенный, я уже собрался покинуть его, как вдруг изнутри меня поднялись новые слова. Они шли не из моей головы, а из духа: «Я буду помогать тебе, я буду поддерживать тебя, — говорил я ему, — я буду укреплять тебя и помогать тебе, и в час нужды я буду с тобой. Когда ты состаришься, я буду поддержкой тебе и буду помогать во всем. Я приду тебе на помощь в старости, и ты будешь мне, как отец».

Я не понял, что происходит и что все это могло бы значить.

Я замолчал, а потом стал извиняться:

— Сэр, простите меня, раньше со мной никогда ничего такого не происходило. Вы меня простите, и я пойду. Извините. Обычно я не говорю людям такие вещи.

Он улыбнулся мне и сказал:

— Пойдемте со мной в мой гостиничный номер, и я объясню вам, почему высказали мне все это.

Мы пришли в его гостиницу и вошли в номер, где он представил меня человеку по имени Стэнли Фродшэм, который был издателем известного христианского журнала. Пока я ждал,

Ховард Картер и мистер Фродшэм отошли в уголок и начали шептаться друг с другом. Я молча сидел. Ховард Картер говорил что-то Фродшэму и показывал на страницы маленькой черной записной книжки.

Затем они повернулись ко мне, и Картер сказал:

— Похоже, Бог сделал сегодня нечто необычное.

Я ответил:

— Да? Я знаю лишь то, что говорил забавные слова.

— Кто ты такой? — спросил меня Картер.

— Я евангелист. — А ты никогда не хотел стать миссионером?

— Миссионером? Сейчас я уже нахожусь на пути к международному служению.

— Вот как? Когда ты получил это призвание? — Полтора года назад, когда Бог показал мне видение мира, идущего в ад.

Они посмотрели друг на друга в абсолютном изумлении.

Затем доктор Ховард Картер сказал:

— А ты знаешь, что Бог полтора года назад дал мне пророчество?

Мы стали сравнивать время и поняли, что видение и пророчество Бог дал нам в один и тот же день.

Картер сказал:

— Бог сообщил мне, что нашел для меня спутника для путешествий. Он должен был прийти издалека. Ты находишься на расстоянии в четыре тысячи миль от Лондона. И вот что ты должен был сказать при встрече. — И он показал мне маленькую записную книжку.

— Вспомни, что ты мне сказал там, на тротуаре. И вот что говорится в пророчестве. Ты в точности повторил слово, которое Бог дал мне в Лондоне.

Он спросил:

— Хочешь ездить со мной?

— Я готов ездить с кем угодно. Я готов ехать, — сказал.

Он посмотрел мне прямо в глаза и сказал:

— Это ты. Мое видение начало осуществляться! Хочешь поехать со мной?

— Да, — ответил я, — если это то, чего хочет Бог. Он сказал мне, что я должен буду ездить повсюду.

— Хорошо, — ответил Картер, — я буду учить тебя, и ты будешь евангелистом, потому что я совсем не евангелист. Я буду возлагать руки на людей, чтобы они приняли Духа Святого, а ты будешь возлагать руки, чтобы они ис целились.

— О, мне это нравится, — ответил я. — Спасибо, я со гласен.

Так мы договорились путешествовать вместе и вместе

исполнять международное миссионерское служение. Это было здорово!

Он сказал:

— Сейчас я еду на Западное побережье.

Я вышел из гостиницы и вернулся к машине, где меня ждала сестра.

— Мы закончили здесь все свои дела, — сказал я, — и мы едем домой.

Мои родители переехали в Мобил, штат Алабама, поэтому мы направились на юг.

— Ты знаешь, — сказал я сестре, — я познакомился с мистером Картером.

— Я так и подумала. Я видела, как вы пошли куда-то вместе.

— Он хочет, чтобы я путешествовал вместе с ним.

— Правда? — спросила сестра.

— Да. Но я совершил одну ошибку. Я забыл попросить у него адрес, и он не попросил у меня мой. Так что я Картера уже потерял.

Так я потерял его в тот же час, когда нашел.

Когда мы приехали домой к родителям, я молился о случившемся, и Господь сказал мне: «Продай машину, получи паспорт и отправляйся на запад».

Я повиновался. Через две недели я держал в руках новый паспорт. Я продал машину, и теперь у меня были деньги на поездку. И хотя я не имел ни малейшего представления, где искать брата Картера, я направился в Калифорнию.

Я сел в Мобиле на поезд, который направлялся в Лос-Анджелес. Поездка заняла несколько дней. Когда я пересекал Техас, мне показалось, что я объехал чуть не весь мир. Я просыпался в Техасе и ложился спать в Техасе. Я думал: «О Боже, этот Техас когда-нибудь закончится?» Поезд останавливался на каждом полустанке, и на протяжении двух дней кондуктор кричал: «Техас!»

— А что-нибудь, кроме Техаса, есть? — спросил я его саркастически.

— Здесь ничего, — ответил он.

Когда наконец мы прибыли в Калифорнию, я сошел с поезда и стал ждать. Но Картера я нигде не увидел. Я почему-то думал, что он будет на станции. Мне, молодому человеку, Лос-Анджелес показался громадным, потому что я вырос в небольшом городке и несколько лет проповедовал только среди фермеров и нефтяников. Я не имел ни малейшего представления, где мне искать Картера.

Я решил, что нужно найти какую-нибудь церковь. Я знал, что

одной из крупнейших церквей в Лос-Анджелесе был Храм Вифлеема, поэтому я пришел туда и представился доктору Тэрнбуллу, пастору церкви.

— Я Лестер Самралл, — сказал я.

— Очень рад, что вы наконец приехали, — сказал он.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

— Дело в том, что Ховард Картер предупредил нас о вашем приезде и просил хорошо принять вас. Мы вам приготовили номер в гостинице и хотим попросить вас проповедовать у нас в церкви.

— Кто здесь был, вы сказали? — переспросил я.

— Ховард Картер.

— И он сказал, что я приеду сюда?

— Да. Мы уже ждали вас.

Я подумал: «Постой-ка, постой». Мы с Картером общались после того, как впервые встретились в Эврика-Спрингс. Я не знал, где он находится, и он не мог знать, куда я поеду. Но он предупредил этих людей, что я сюда приеду. Мне стало страшно, когда я понял, что вхожу

в мир, в котором ничего не понимаю.

— А где он сейчас? — спросил я с надеждой. — Я думаю, он в Японии, — ответил доктор Тэрнбулл. В Японии? Он уехал без меня! Я немного расстроился, но не потерял надежды.

Оглядываясь назад, я понимаю, что этот разговор был совершенно необычным. Известный пастор огромной церкви предложил мне проповедовать, хотя видел меня всего в течение пятнадцати минут. Я был в восторге. Мне, совсем еще юнцу, представилась возможность встать за кафедру самой большой церкви в Лос-Анджелесе, где меня приняли, как какую-нибудь знаменитость. Это было просто невероятно!

После того как я провел там служение, я пошел прогуляться и на побережье увидел еще одну церковь. Когда я вошел туда и представился, пастор сказал:

— Добро пожаловать, я так рад видеть вас.

— Вы меня знаете? Но я вам не писал, — сказал я, удивленный его радушным приемом.

— Зато здесь был Ховард Картер.

— Правда? — спросил я. — И что он сказал?

— Он сказал, что вы приедете к нам, и просил, чтобы о вас хорошо позаботились.

— А вы не знаете, где можно найти Ховарда Картера? — спросил я. — Вы ведь друзья, не так ли?

— Да, очень близкие, — ответил пастор с сильным британским акцентом, — мы оба англичане из Лондона.

— Но где Картер?

— В Китае, — ответил он.

Я подумал: «В Японии сто миллионов жителей, а в Китае пятьсот миллионов. Думаю, среди шестисот миллионов людей я смогу найти его».

Этот пастор рассказал обо мне Лилиан Йоумэнс, благочестивой женщине, которая преподавала в библейском колледже неподалеку. Она тоже была близким другом Ховарда Картера. Она пригласила меня на обед.

Прежде чем мы сели за стол, она сказала: «Встаньте на колени на этот молитвенный коврик. В нем есть Дух Святой».

Я спустился с Арканзасских гор и равнин Оклахомы, я приехал из Флориды, Алабамы и Миссисипи, где растет высокий строевой лес. Я был земным человеком, не верившим в волшебные коврики, но я послушался. В конце концов, она была доктором медицины, и ей было восемьдесят пять лет.

Я встал на колени, и она стала молиться за меня. Не знаю насчет коврика, но в ней точно была сила Божья. Когда она закончила молиться, я спросил ее:

— Вы знаете, где сейчас Ховард Картер?

Она сказала: — Да, знаю. Он в Индии.

Я подумал: «Дорогой Бог, он где-то там, среди ста миллионов в одном месте, миллиарда в другом и еще пятисот миллионов в третьем. Я точно найду его. Итак, я отправляюсь на поиски».

Что-то внутри меня подсказало: «А почему бы тебе не помолиться об этом?» Если бы мы все больше молились и меньше разговаривали, мы бы намного больше преуспе вали во всем.

И я помолился:

— Господи, как мне найти этого человека?

Господь сказал:

— Ты не спрашивал Меня об этом. Ты все время расспрашивал других людей.

— Да, Господи, я совершил ошибку, — признался я. — Куда мне теперь идти?

Господь сказал: — Отправляйся в нижнюю часть мира и там все узна ешь.

Иногда Господь говорит самым необычным образом о том, что нужно сделать. Он не сказал, где находится брат Картер. Он сказал: «Отправляйся в нижнюю часть мира».

Я спросил:

— А где нижняя часть?

— Австралия, — ответил Он.

Прекрасно, но до сих пор никто не говорил, что мистер Картер поехал в Австралию. Говорили, что он в Индии, Китае и

Японии.

Я сказал: «Хорошо, так и сделаю». В конце концов, я не представляю, где на самом деле брат Картер. Поскольку у меня уже был куплен билет в Японию, мне пришлось пойти и поменять его, что само по себе было чудом. В те дни пароходные компании не всегда отдавали деньги за возврат билетов, особенно если вы собирались купить билету конкурента, причем все это происходило во времена депрессии. Но я без затруднений сдал свой билет.

Я купил билет в Австралию, и мои сбережения на этом растаяли. Денег хватило только на билет в одну сторону, и у меня осталось еще двенадцать долларов. Один из служителей, раза в три старше, в день отплытия привез меня на морской вокзал. Он спросил о состоянии моих финансов.

Поскольку мы с Ховардом Картером договорились путешествовать исключительно по вере в Божье обеспечение, я считал, что мне не следует ни о чем беспокоиться.

— Но, молодой человек, — сказал этот брат, — ты же умрешь с голоду.

— В таком случае пришлите небольшой надгробный памятник, — ответил я, — на котором будет написано: «Здесь лежит Лестер Самралл, доверившийся Иисусу и умерший с голоду»!

Это были дерзновенные слова, но когда я сел на пароход и спустился в свою маленькую каюту, то заплакал. Я отправлялся в безграничную и неведомую даль. Я не знал, что буду делать, куда еду или как долго мне еще ехать. Один проповедник уже сказал, что я умру с голоду.

Через некоторое время я собрался с духом и решил евангелизировать людей на борту судна. Однако реакция публики была далеко не восторженной. Один неверный буквально разодрал на мне одежду, а церковные люди насмехались над тем, что я проповедую веру. Дьявол разыгрывал это представление в течение тридцати дней. Поездка была незабываемой!

Через три недели мы прибыли в Веллингтон, Новая Зеландия. Мне так надоело сидеть на корабле, что я решил сходить на берег.

«Завтра пойду в город», — подумал я.

Поскольку судно в основном перевозило груз, ему нужно было освободиться от привезенного товара и принять на борт другой. Я знал, что у меня в запасе есть несколько часов, поэтому рано позавтракал и покинул корабль. Затем я стал бродить по Веллингтону, пытаясь найти церковь, где бы слышали о Ховарде Картере.

Тогда я не знал, что он успел побывать в Новой Зеландии.

По пути в Японию Картер остановился в Гонолулу на Гавайях и проповедовал на собрании. Там он получил телеграмму из Новой Зеландии, в которой его приглашали на семинар служителей в горах, поскольку запланированный выступающий внезапно заболел.

Корабль из Гонолулу в Новую Зеландию отправлялся в тот же день. Поэтому вместо того, чтобы ехать в Японию, он поменял билет и отплыл в Новую Зеландию.

Когда мой корабль причалил в Веллингтоне, Ховард Картер находился на семинаре служителей в горах. В тот день он стоял на коленях в своей спальне и молился.

Он сказал:

— Боже, Ты дал мне спутника для совместных путешествий. Господи, меня беспокоит судьба этого молодого человека. Ты сказал, что он будет со мной. Ты сказал, что он будет для меня благословением. Но уже в течение нескольких месяцев я ничего не слышал о нем. Я потерял его.

Господь ответил:

— Я его не терял.

Картер сказал:

— Похоже, мы оба потеряли его.

— Нет, — повторил Господь, — сейчас он находится на борту парохода, который приближается к Веллингтону. Завтра утром он сойдет на берег и потратит несколько часов в поисках церкви. Он будет искать церковь Божьих Ассамблей и найдет ее в одиннадцать часов утра. Пошли туда весточку и скажи ему, чтобы он плыл дальше в Австралию и что вы там встретитесь, когда ты закончишь здесь свои дела.

После этого брат Картер спросил группу проповед ников:

— Здесь есть кто-нибудь из Веллингтона?

В ответ на это встал огромного роста новозеландец.

— Вы поедете сегодня домой? — спросил брат Картер. — Завтра утром к вам в церковь придет один молодой американец, мой друг. Передайте ему эту открытку.

На обратной стороне почтовой карточки Картер написал: «Плыви дальше в Австралию, и через три месяца мы с тобой встретимся в Сиднее». И все.

— Откуда вы знаете, что он в Веллингтоне? — спросили его служители.

— Мне сказал об этом Святой Дух, — ответил брат Картер.

Он получил эти сведения через дар слова Божьего знания. Бог всегда давал брату Картеру сверхъестественное знание того, что он не мог видеть глазами и слышать ушами.

Услышав это, новозеландцы сильно разволновались и сказали: «Ну, посмотрим. Посмотрим, правду он говорит или нет. Посмотрим, какого учителя мы слушали. После возвращения расскажешь нам обо всем».

Огромный новозеландец сел в машину и направился домой, в Веллингтон. Весь день он вместе со своей женой ждал гостя из Америки.

Когда я сошел с корабля, то совершенно не знал, какую церковь искать. Я подумал, может быть, в городе есть одна из церквей Божьих Ассамблей, в которую ходила моя мама, когда я был маленьким. Я подошел к большой церкви, но то была англиканская церковь. Я спросил: «Вы когда-нибудь слышали о церкви Божьих Ассамблей?»

Они сказали, что не слышали.

Я спросил человека на улице:

— Вы когда-нибудь слышали о церкви, которая называется Божьи Ассамблеи?

Он засмеялся и сказал:

— Божьи грешники. Вот так звучит лучше. Я могу присоединиться к такой церкви.

— Я не говорил о грешниках Божьих. Я сказал: Ассамблеи Бога.

— Нет, никогда не слышал о такой церкви, — ответил он.

Я обошел церкви Армии спасения, пресвитерианцев и баптистов. С восьми часов утра и до одиннадцати я обошел весь город, но никто не слышал об Ассамблеях Божьих. Я заходил даже в суд.

Опершись о столб в центре города, я сказал: «Господи, я уверен, в городе есть церковь Ассамблей Бога. Я слышал, что здесь проповедовал Смит Виглсворт, и я слышал о пробуждениях в этом городе. Как же мне найти эту церковь?»

Тут я увидел человека, шедшего мне навстречу, и Господь вложил в мое сердце другие слова. Когда он подошел поближе, я спросил его: «Послушайте, я ищу церковь, где люди собираются и иногда целыми днями кричат, „аллилуйя“».

Он посмотрел на меня несколько странно, а потом ответил: «Ах, да! Это через железнодорожное полотно. Выйдите за город, а затем поверните налево и на небольшом пригорке увидите эту церковь».

Я последовал его инструкциям и вскоре подошел к маленькой церкви, стоявшей на бугорке. В ней, пожалуй, могло разместиться не более ста человек, но я не мог не восхищаться красотой здания с маленьким шпилем и белыми ступеньками, ведущими к небольшому крыльцу. Рядом с церковью стоял дом священника,

который выглядел, как кукольный домик.

Я подошел и постучался в дверь.

Дверь открыл громадного роста человек, заполнивший собой весь проем, и сказал глубоким и резонирующим пасторским голосом:

— Да?

Более робкий человек убежал бы оттуда сразу.

Я сказал:

— Вы меня не знаете…

— Нет, знаю.

— Нет, вы меня не знаете.

— Нет, я вас знаю.

— Но я никогда не писал вам, и я даже не знаю вашего имени, а вы не знаете меня!

— Вы Лестер Самралл!

Я молча смотрел на него.

— Ничего не понимаю, — сказал я. — А что, Ховард Картер сейчас в вашей стране?

— Да. Проходите.

— Где же Ховард Картер? — спросил я.

— Он в сотнях миль отсюда, в горах, — ответил пастор. — Он прислал вам открытку. Он хочет, чтобы вы плыли дальше в Австралию, и он вас там встретит.

Он вручил мне открытку от Картера. Я поблагодарил его и пошел обратно на судно, чтобы продолжить путешествие в Австралию. Меня немного смущало то, что я находился всего в сотне миль от Ховарда Картера, а он отсылал меня в Австралию. С другой стороны, я уже не хотел его видеть. Этот Ховард Картер казался мне таким сверхдуховным, что мне стало немного неуютно. Если бы я стал думать об этом, то, наверное, вовсе отказался бы работать с человеком, который настолько близок к Богу. Как можно находиться с ним рядом?

Но я повиновался и поплыл дальше в Австралию. К этому времени я потратил оставшиеся двенадцать долларов, и пророчество проповедника из Калифорнии гулким звоном отдавалось у меня в ушах.

Да, я уже готов был сесть на мель и даже умереть с голоду, но у Бога были другие планы.

Он хотел убедиться, буду ли я повиноваться Ему.

9. Деликатный британец

Прибыв в Австралию, я быстро познакомился с поместными церквями, и меня пригласили выступить в нескольких приходах.

Мое первое выступление состоялось в Мельбурне. Пастор церкви с приходом в тысячу человек пригласил меня провести недельный крусейд. Однако когда неделя закончилась, он не дал мне собранных пожертвований. Как многие иностранцы, он думал, что все американцы обязательно богатые.

Он сказал мне:

— Интересно встретить молодого американца, который может позволить себе путешествовать по всему миру.

Я ответил ему:

— Да, я путешествую, но я вам не сказал, что при отъезде из Америки у меня в кармане было всего двенадцать долларов.

Он сильно удивился.

— Но каким образом австралийская иммиграционная служба вообще позволила ваш въезд в страну? — воскликнул он. (Оказывается, при отсутствии у пассажира обратного билета его могли не допустить на борт судна.)

— Как же вы собираетесь жить? — спросил он меня.

— Верой! — сказал я просто. Меня никто не обещал поддерживать. Даже моя деноминация, которая рукоположила меня и выдала лицензию, не знала о моем отъезде. Я не просил их финансировать меня. Меня не поддерживали ни церкви, ни члены моей семьи.

Теперь я прибыл в Австралию, и первая же церковь, в которой я проповедовал, отказалась выплатить мне деньги.

В ту воскресную ночь, в конце крусейда, длившегося неделю, я вернулся в дом, где остановился, и стал молиться. «Господи, — сказал я, — у меня нет возможности уехать из этого города».

Я должен был ехать за две сотни миль, но у меня не было денег на дорогу. Совсем не было.

Я сказал Богу: «Боже, у меня есть для Тебя новости. Я не выйду из этой комнаты, пока не получу билет. Я не выйду на улицу с этим большим чемоданом, если у меня не будет билета. Я не пойду на вокзал и не буду стоять там, как глупец, ожидая, что у меня появится билет. Сделай так, чтобы билет принесли в эту комнату, иначе я умру прямо здесь!»

Затем я упал духом, лег на пол и всю ночь проплакал, потому что не представлял, как мне уехать из города. Я находился за двенадцать тысяч миль от дома, один и без гроша в кармане.

На следующее утро я услышал вкусные запахи, доносившиеся

из кухни. Жена хозяина постучала ко мне в дверь и сказала:

— Брат Самралл, завтрак готов.

Я ответил:

— Я не буду есть. Большое спасибо, завтракайте меня.

Я упаковал чемодан и поставил его рядом с дверью вместе с дорожной сумкой и Библией. Я был готов ехать, вот только билета у меня все еще не было.

Семья села за завтрак примерно в семь утра, а затем муж ушел на работу. Жена занялась хозяйством.

В восемь часов она подошла к моей двери, постучалась и сказала:

— Брат Самралл, вы здесь?

Я ответил:

— Да, я здесь.

— К вам пришел человек из церкви. Вы спуститесь к нему?

— Да! — Я с волнением открыл дверь и увидел крупного, приятного на вид австралийца, Он плакал.

Я подумал: «О нет, еще одна жалостная история», решив, что этот человек пришел пожаловаться на свою судьбу и просить у меня совета. Довольно часто люди приходили к приезжим проповедникам на консультацию, вместо того чтобы исповедаться перед своим пастором.

Мне тогда было двадцать лет, но я уже точно знал, что не призван быть консультирующим душе попечителем. «Это не мое дело, — подумал я про себя, — я евангелист».

Человек сказал:

— Этой ночью я никак не мог уснуть.

— Я тоже не спал, ну и что из этого?

— Если все это неправда, я больше никогда не буду пытаться делать это.

— О чем вы говорите? — спросил я его.

Он сказал:

— Даже не знаю, как сказать. Мы все знаем, что вы очень богаты.

Я улыбнулся.

Он сказал:

— Вы должны проповедовать в… — И он назвал город. Я подтвердил это.

— Сегодня вечером? — спросил он, глядя на меня.

Я опять подтвердил.

— Вы знаете о том, что в этот город идут поезда по заказу и никто не может купить на него билет без заранее оформленного заказа? Вы уже заказали билет?

Я ответил:

— Сэр, я даже не знал, что этот поезд заказной.

Он сказал:

— Бог показал мне, что вы не знаете особенностей работы нашей железной дороги. Он велел мне пойти и заказать вам билет, а также удостоил меня чести купить этот билет для вас. Я знаю, что вы не нуждаетесь, что у вас много денег. — И затем он спросил: — Вы не заказывали билет?

Я ответил:

— Нет.

— А билет у вас есть?

— Нет.

— Тогда вот вам билет, — сказал он, протягивая мне два билета. Один билет был для заказного поезда, а другой билет был в город.

Затем он сказал:

— Пойдемте.

Я положил билеты в карман, он взял мой чемодан, я — свою Библию и дорожную сумку, и мы отправились.

По пути я сказал ему: «Сэр, я не получил никаких денег за недельную работу в вашей церкви. У меня не было денег, чтобы купить билет на поезд. Поэтому Бог сказал вам, что делать».

Видели бы вы, какую радость испытал этот австралиец. Он чуть не прыгал на улице при мысли о том, что Бог заговорил к нему ночью и велел позаботиться об американце, которого он почти не знал. Он видел меня за кафедрой в своей церкви, но даже близко не подходил ко мне.

По пути на вокзал мы смеялись над собой и говорили о том, что значит довериться Всемогущему Богу. Мы также восхищались Им, для Которого нет ничего невозможного, Который может сделать намного больше того, о чем мы просим или помышляем.

— До свидания, — сказал я ему на прощанье, — увидимся на небесах.

Бог жив. Я знаю Бога Живого.

Я провел несколько собраний в той местности, затем отправился в Брисбейн, арендовал палатку и провел крусейд, который растянулся на несколько месяцев. В результате появилась новая церковь. Сегодня это одна из прекраснейших церквей в Квинсленде, Австралия, и ее посещает около тысячи человек.

Мне помогло то, что я американец. Я привлекал толпы народа. Но этот же факт работал и против меня, потому что они не понимали мой южный акцент, а я с трудом понимал их австралийский сленг.

Одна женщина призналась мне, что стала понимать мои

проповеди только через неделю. Она сказала: «Я твердо решила узнать, о чем вы проповедуете. Я приходила на ваши собрания каждый день и наконец стала понимать вас».

Наша палатка была установлена как раз напротив паба. Паб — это австралийская закусочная.

Однажды вечером, когда я готовился проповедовать и уже стоял за кафедрой, двое пьяных пробрались в палатку и стали оскорблять меня. Я подозвал к себе двух ашеров.

— Выведите этих пьяных, пожалуйста, — попросил я.

— Зачем? — спросили ашеры. — Они же не трогают вас.

Я сказал:

— Они мешают вести собрание.

— Они мешают только вам, — заявили ашеры, — остальным они не мешают.

Я попытался проповедовать, но эти пьяницы смеялись над тем, что я американец, и обзывали меня всякими оскорбительными кличками. Наконец я сказал: «Давайте споем все хором».

Пока присутствующие пели, я прошел к задней стенке палатки, схватил одного из пьяниц за ворот, развернул его и пнул в то место, на котором обычно сидят. Затем я ударил его еще разок, потом еще раз, после чего поволок к выходу из палатки. Когда я ударил последний раз, его ноги подкосились.

Второй пьянчуга подхватил его, и, выбегая из палатки, они закричали: «Лучше оставить этого американца в покое!»

Когда я вернулся на свое место, то не знал, захочет ли аудитория после всего случившегося слушать меня. Но, к моему удивлению, все люди встали и в течение пяти минут аплодировали мне.

На следующий день народу пришло вдвое больше, чем в предыдущий вечер. С тех пор австралийцы стали относиться ко мне более уважительно, и я проповедовал в Брисбейне полтора месяца.

Затем я вернулся в Сидней, где провел Рождество с приходом, который пригласил меня вести там собрания. Пришлось привыкать к реалиям рождественских праздников в южном полушарии. Всегда несколько удивительно слышать рождественские песни, когда на улице 90 градусов по Фаренгейту и люди договариваются провести праздни ки на пляже.

За неделю на собраниях мы видели великое излияние Божьих благословений, которые завершились ночной службой в канун Нового года.

Когда я услышал, что в первый день нового года в город прибывает корабль, то решил пойти на пристань. Прошло уже три

месяца с тех пор, как я получил открытку от Ховарда Картера, и я надеялся, что он может прибыть на этом судне. Но я не увидел его среди пассажиров, со шедших с корабля, и с тяжелым сердцем собрался покинуть пристань.

Однако по какой-то причине я остановился у таможни, наверное, чтобы убедиться, что его здесь нет.

Я много раз рассказывал об этой сцене и теперь предлагаю вам отрывок из первой моей книги о приключениях со Христом («Adventuring With Christ»), которая была опубликована в 1938 году:

В первый день нового года, в 10.30 утра, я наблюдал за тем, как великолепный и величественный белый пароход устремился к пристани и причалил.

Я нетерпеливо всматривался в лица пассажиров, сходивших с трапа, но напрасно. Затем в здании таможни я случайно столкнулся лицом к лицу с братом Картером. В порыве чувств я обнял его перед всеми. Прошло уже пять месяцев, как Господь в Своем провидении чудесным образом свел нас вместе для выполнения Его работы.

Вы можете подумать, что наша долгожданная встреча с братом Картером стала драматическим и трогательным событием, как встреча Стэнли с доктором Ливингстоном в джунглях Африки. Но когда в тот день я нашел его, он не выразил никакого удивления или других эмоций. Он терпеливо снес мои объятия, но я даже не помню, что мы говорили друг другу.

Он не плакал, не кричал «аллилуйя». Он просто пожал мне руку.

— Я так рад, что мы снова вместе, — сказал я взволнованно, — нам вместе будет просто здорово.

Конечно, он ведь англичанин, а они очень сдержанные, особенно на публике.

В Сиднее мы остановились в доме пастора, в церкви которого я проповедовал. После своего приезда брат Картер проповедовал дня два или три, а я сидел на его собраниях.

Оттуда мы направились на север, а затем расстались. Так бывало часто. Поскольку брат Картер получал очень много приглашений и не успевал побывать везде, где его хотели видеть, он предлагал прислать вместо себя молодого американского евангелиста, который путешествовал вместе с ним.

Когда мы расстались в первый раз, он поехал в Мельбурн и выступал там на собрании, а я поехал куда-то еще и провел крусейд, но большую часть времени мы все же проводили вместе.

Несмотря на его сдержанность, чувствовалось, что я ему нравлюсь и что он относится ко мне, как к сыну, хотя ему было всего чуть за сорок, а мне — двадцать лет. Для чопорного и церемонного англичанина он был очень деликатным человеком.

Если я произносил слова неправильно или допускал в своей речи грамматические ошибки, он просто показывал мне, как нужно говорить правильно. Он был хорошо образованным человеком, и поэтому я вскоре стал отсылать свои письма только после его проверки.

Однажды он предложил: «Вам нужно написать о нашем совместном служении». Поэтому я стал записывать события нашей жизни, а позже издал книгу о приключениях в жизни вместе с Иисусом («Adventuring With Christ»).

Брат Картер попросил меня писать для журнала «Redemption Tidings», который расходился по всей Америке, Англии и Канаде. Пока мы были вместе, я писал по статье почти каждый месяц. Господь использовал этот журнал для того, чтобы открыть передо мной самые разные двери.

Через несколько лет я познакомился с великим пионером веры Смитом Виглсвортом. Он сказал, что очень хотел встретиться со мной. Почему? Он пояснил, что читал обо мне в «Redemption Tidings» и всегда хотел увидеться со мной.

Однажды, когда мы плыли из Сингапура в Гонконг, я расположился у перил парохода. Я писал очередную статью и любовался морем. Вдруг моя авторучка выскользнула из пальцев и упала за борт. Это была серьезная утрата. В те дни люди имели по одной ручке. Ни у кого не было запасных, потому что тогда не было дешевых шариковых ручек.

Брату Картеру, который увидел, что я перестал писать, я объяснил:

— Моя ручка лежит на дне Южно — Китайского моря, я уложил ее спать. И она уже никогда не проснется.

Он посмеялся и сказал:

— Очень плохо.

Когда мы прибыли в Гонконг, я вошел в свой номер и на кровати увидел новенькую ручку.

— О, вы только посмотрите на это! — воскликнул я. — Да, Владыка послал вам ручку, — сказал брат Картер.

— Но вы ведь не называете себя моим владыкой, не так ли? — улыбнулся я.

Он засмеялся и ответил: — В конце концов вы пишете для меня. Брат Картер был полной противоположностью моего отца. Он был твердым, но нежным и заботливым. Он мог проявить теплоту и часто это делал, но очень по-британски. Если мне

нужна была рубашка, мне приносили ее еще раньше, чем я осознавал свою нужду в ней.

Из-за моей открытости и дерзкой манеры речи многие, особенно те, кто не привык иметь дело с американцами, иногда неправильно толковали мои намерения. Но брат Картер всегда понимал меня правильно.

Если меня рядом с ним не было, а кто-нибудь говорил обо мне что-то нелестное, он отвечал: «Это не так. Я хорошо его знаю. Вы неправильно поняли его. Я могу подтвердить это фактами из его жизни».

Однажды брату Картеру пришлось защищать не только меня, но и себя.

У одной миссионерки, которую мы встретили в Японии, была дочь восемнадцати или девятнадцати лет. Когда мы встретились с ними, она решила, что из меня получится очень хороший муж для ее дочери.

Я знал, что Господь приготовил для меня жену и что я встречу ее в Его совершенное время. Я слишком серьезно относился к своей работе и вообще не думал о девушках. В конце концов мой учитель тоже был холостяком в свои сорок лет, надеясь жениться когда-нибудь, но не скоро.

На самом деле брат Картер женился только лет через двадцать пять. Он встретил свою будущую жену в моем доме, когда ему было чуть за шестьдесят, и я был шафером на его свадьбе. Вместе они прожили еще три десятка лет. Когда мы обедали с той миссионеркой в Японии, она вдруг сказала следующее:

— Брат Картер, почему бы вам не попытаться стать таким же джентльменом, как брат Самралл?

Я готов был провалиться сквозь пол. Он и был прекрасным английским джентльменом, а я обыкновенным мужланом. Все знали об этом, включая меня самого.

Я не успел встать на его защиту, как Картер ответил:

— Весьма лестно с вашей стороны. Знаете ли, брат Самралл работает надо мной вот уже два года. Вы просто не представляете, каких успехов я уже достиг. Спасибо.

Я подумал: «Как он может быть таким добрым?» Ведь он знал, что я собой представляю. Практически каждый достаточно быстро обнаруживал, каким я был неотесанным человеком.

Сконфуженный, чувствуя неловкость, я вышел из-за стола и ушел в свою комнату. Через некоторое время пришел и Картер. Он сел, упершись обеими руками в колени и засмеялся так, что стал раскачиваться от смеха.

— Ты когда-нибудь слышал что-нибудь забавнее?

Я сказал:

— Нет. Это самое нелепое, что мне доводилось слышать в жизни. Вы знаете, она…

— Да, конечно, — ответил он, — она хочет, чтобы ты женился на ее дочери.

— Но я не собираюсь даже разговаривать с ее дочерью. Давайте уедем отсюда.

Но он продолжал смеяться, как всегда, упершись руками в мои колени.

Мы были хорошей командой — щепетильный и старомодный британский ректор библейского колледжа, полный мудрости и решительности, и его юный, дерзкий и любящий пошутить американский конфедерат.

Ховард Картер был единственным человеком, который по — настоящему ценил меня. Я мог прочитать совершенно убогую проповедь, но он говорил: «Ты знаешь, мистер Самралл, — он всегда называл меня мистером Самраллом, — проповедь была чудесная». А затем в своей мягкой манере добавлял: «Я могу лишь подсказать тебе кое-что, что впоследствии поможет сделать эту проповедь еще лучше».

Отличный знаток английского языка, он происходил из очень богатой семьи. Его отец был знаменитым изобретателем.

Брат Картер был моим наставником в ораторском мастерстве, дикции, в основах психологии и, конечно, в Библии. Я получал самое великолепное назидание от одного из самых мудрых учителей, которых когда-либо встречал. Будучи богословом и ученым, он всегда начинал изучение Библии с молитвы и с желания быть ведомым Духом Божьим. Я уважал его за искренность и за то, что он жил верой, но не часто говорил об этом. Он всегда хранил свои нужды между собой и Богом.

Раньше я не доверял проповедникам и пренебрежительно относился к идее получения образования в библейских колледжах. Я всегда называл себя «независимым», говорил, что Господь Сам научит меня всему, что мне нужно знать. Поэтому Господь послал мне собственного учителя Библии, который стал для меня наставником, старшим братом и примером.

По-настоящему мы узнали друг друга во время поездки из Австралии в голландскую колонию на острове Ява. Мы плыли на корабле в течение двух недель.

Я полюбил этого благочестивого, ставшего мне родным англичанина, и он начал учить молодого американца. Он тоже полюбил меня, потому что я умел смеяться.

Я стал для него вдохновением, а он был для меня большой поддержкой.

До своего последнего дня он считал меня своим Тимофеем и учил жить и ходить по путям Господним.

Но я знаю, что я тоже значил для него немало. Он был холостяком среднего возраста, проповедником, который нуждался в спутнике. Я стал для него жаждущим наставничества Тимофеем, а он стал для меня библейским учителем, воспитателем, старшим братом и духовным отцом.

10. Знакомство с демонами

Покидая Австралию, мы с братом Картером сели на пароход, который был построен как яхта для свергнутого короля Германии, кайзера Вильгельма. Это был великолепный и шикарный пароход. Он ходил между Австралией и голландской Ост-Индией.

Я никогда не видел ничего более красивого. После того как Британия выиграла в Первой мировой войне, она конфисковала эту яхту в качестве военной добычи.

Шли 1930-е годы. Гитлер только что пришел к власти в Германии и вел политическую игру против Австрии и Чехословакии. Но он еще не вступил в альянс с итальянским Муссолини или японским императором Хирохито и не начал свой блицкриг против Польши, который ознаменовал начало Второй мировой войны.

Но грозовые тучи над миром уже сгущались. Муссолини вторгся на территорию Эфиопии, однако мир предпочел не слышать мольбы о помощи ее императора Хайле Селассие I.

Сталин все крепче сжимал горло России, уничтожая миллионы людей, насаждая коммунистический режим на всей территории России и там, где теперь образованы свободные и независимые государства — Казахстан, Грузия, Белоруссия и Украина.

Япония оккупировала Корею и китайскую провинцию Маньчжурия и жадными глазами заглядывалась на голландские и французские колонии, которые сегодня представлены такими странами, как Индонезия, Малайзия, Вьетнам и Сингапур. В Европе, однако, все еще господствовал мир, и Америка решительно настроилась держаться подальше от военного конфликта, в который были втянуты Россия, Италия, Германия и Япония.

Великобритания и Голландия по-прежнему владели обширными колониями в Индии, Пакистане и Ост-Индии. Мы провели три месяца на густонаселенной Яве. Этот крупный, заросший джунглями остров голландской Ост-Индии лежит недалеко от побережья Китая, и теперь там находятся такие страны, как Малайзия, Бруней и Индонезия.

Жители Явы — в основном язычники. Там проживает много мусульман, а также китайцев и иммигрантов из Ост-Индии, которые верят в странную мешанину из даосизма, буддизма, индуизма и других языческих религий, как, например, демонический спиритизм и поклонение духам умерших предков.

С большим уважением там относились к астрологам и

медиумам, умеющим вызывать «духов» умерших. Они хорошо наживались на своей способности якобы защищать людей от сглаза и многочисленных демонов, которым они поклонялись и которых боялись. Некоторые люди знали имена тысяч демонических богов и считали, что те господствовали над их территорией. Жертвоприношения животных в сочетании с жестоким членовредительством и развратными церемониями, по их уверению, задабривали демонов.

Христиане, с которыми мы общались, спокойно рассказывали об одержимости демонами и их изгнании, экзорцизме. Я с большим скептицизмом слушал, когда местные пасторы делились с нами историями об изгнании нечистых духов, как это делал Иисус в Библии.

Брат Картер учил меня быть достойным и уважаемым евангелистом, а не охотником за бесами, наподобие тех, кто рекламирует себя и приглашает на сеансы изгнания демонов из людей или дьявола из города. Я не хотел иметь ничего общего с такого рода представлениями. Я не отношусь к породе мистиков, и изгнание нечистой силы не по мне. Я хотел быть рациональным и рассудительным, как мой наставник, брат Картер.

Но у Бога были на меня Свои планы.

На Яве у нас было так много приглашений, что почти каждый вечер мы с братом Картером были вынуждены выступать в разных местах. Мы жили и готовились к проповедям вместе, то есть днем мы общались, но по вечерам проповедовали в разных местах, чтобы охватить как можно больше желающих.

На одном из таких собраний в Сурабайе впервые в своей жизни я столкнулся с демонической одержимостью. Я проповедовал большому скоплению народа, может быть, в полторы тысячи человек, когда вдруг заметил, что рядом с первым рядом что — то движется. К моему ужасу, я увидел девочку лет двенадцати или тринадцати, которая извивалась на полу, словно змея.

Она высовывала язык, и ее глаза горели нездоровым и диким блеском. Это было страшно. Она извивалась всем телом, как кобра. За всю свою жизнь я не видел ничего подобного. Изо рта девочки показалась омерзительная зеленая пена.

У меня создалось впечатление, что никто, кроме меня, ее не видел или не замечал. Люди продолжали петь как ни в чем не бывало. Даже служители на платформе рядом со мной продолжали вести прославление, возносили молитвы, читали Библию, словно ничего странного не происходило

«Когда они остановят эту девочку? — подумал я. — Почему они ничего не делают?»

Прямо в разгар собрания пробуждения эта девочка исполняла то, что казалось языческим змеиным ритуалом, или имитировала женщину-змею из мифологических книг.

Я начал молиться:

— Господи, помоги мне спасать души, несмотря на все это. Мне нужно спасать души, спасать души.

Господь сказал:

— Я займусь спасением душ, а ты займись этой проблемой там, внизу.

В это время девочка стала извиваться перед алтарем, проползая то вправо, то влево от центра. Она высовывала язык, быстро двигала глазами, как змея, а изо рта у нее шла пена.

Я помолился:

— Господи, займись ею!

— Нет! — сказал Бог. — Это твоя проблема.

«Моя проблема? — подумал я. — Это что — то новенькое. Я никогда не видел ничего подобного».

Около часа девочка, извиваясь, ползала взад и вперед, оскаливаясь, но всегда держа в поле зрения платформу. Когда она ползла в одну сторону, ее лицо обращалось к платформе, когда она ползла в другую сторону, она опять разворачивалась лицом к платформе.

Я не имел ни малейшего представления, что делать и как поступить. Почти целый час я просто сидел, надеясь на то, что кто-нибудь займется этой ситуацией, но никто не обращал на девочку никакого внимания.

Меня стало охватывать чувство боли и смущения. Я здесь был иностранцем, и в этой церкви я тоже был впервые. Кроме того, я не говорил на местном языке.

Когда пение закончилось, меня представили собравшимся, и я подошел к платформе, чтобы начать проповедь, но не смог. Я не знал, что делать. Я никогда не слышал проповеди об одержимости демонами и не читал книг об изгнании нечистой силы. Я ничего не знал о служении избавления, но я знал, что девочка не разыгрывает представление. Она действительно была одержима демонами.

И вдруг меня охватило глубокое чувство сострадания к этой маленькой девочке, глаза которой были направлены на меня снизу вверх. Рядом со мной стоял переводчик, но вместо того чтобы приветствовать публику какими-нибудь приятными словами, я наклонился вперед и, указав пальцем на маленькую девочку, сказал: «Ты, немедленно встань и сядь на стул!»

Я не собирался говорить ничего подобного. Слова просто вырвались из моих уст. Переводчик был настолько сбит с толку,

что не перевел сказанного. И хотя девочка не понимала английского, а я не понимал яванского, дья вол понял каждое слово.

Девочка тут же встала, вытерла зеленую пену с губ и села на первый ряд, как зомби. Ни один мускул не шевельнулся на ее лице. Все сорок пять минут моей проповеди она сидела, как изваяние.

Закончив проповедовать, я опять перегнулся через кафедру.

На этот раз я крикнул:

— А теперь выйди из нее!

Я никогда раньше не слышал, чтобы кто-нибудь делал это, но я крикнул так громко, что меня, должно быть, было слышно даже на улице. Я и близко не подошел к девочке, но когда я говорил, на нее тут же снизошел Дух Святой. Ее глаза стали сосредоточенными, а прежде искаженное лицо стало нормальным. Тело расслабилось. Все произошло мгновенно и без напряжения.

Когда она вышла из ступора, ее глаза прояснились. Теперь это была хорошенькая маленькая девочка. Она выглядела очаровательной. Я знал, что она получила мгновенное избавление.

Ребенок огляделся в недоумении.

— Где я? — спросила она. — Что я здесь делаю?

Она была настолько одержима сатаной, что даже не знала, где она была и как сюда попала.

Пастор объяснил ей, что только что она освободилась дт злого духа.

Она кричала от радости, после чего рассказала нам, что была одержима этим нечистым духом довольно долгое время, но не знала, как освободиться от него. — Теперь демон ушел? — спросил я ее. — Да, да! — закричала она радостно. Силой Святого Духа она была полностью освобождена. И вдруг сотни людей соскочили со своих мест и побежали по проходам к платформе, чтобы освободиться, избавиться от демонов и спастись. Я не просил их выходить. Когда они увидели, что девочка освободилась, они сами побежали к алтарю!

Когда мы наконец закрыли собрание, я вернулся в свой номер, чувствуя себя подавленным. Это было неприятное чувство. Я очень сожалел о том, что сделал.

— Сегодня я попал в переделку, — признался я брату Картеру и рассказал о происшедшем во всех подробностях.

Он засмеялся:

— Ты все сделал правильно.

— Но, — запротестовал я, — из-за этого пострадала моя

репутация!

— Забудь об этом, — посоветовал мне знаменитый учитель.

— Брат Картер, теперь ты, наверное, не захочешь вместе со мной путешествовать.

— Почему? — спросил он.

— Все это было очень неприятно. Я кричал, и я не знаю, почему я кричал. Девочка была освобождена, а несколько сот человек обрели спасение.

— Ну что же (нужно слышать, как англичане умеют произносить это), все это звучит вполне правильно.

— Правда? — переспросил я.

— Да.

— Надеюсь, такого больше никогда не повторится, — сказал я. — Надеюсь, с этим навсегда покончено.

— Ну что же, посмотрим, — сказал он.

— Я так кричал на нее, — продолжал я. — Она освободилась, но я ни в одной церкви не делал ничего подобного.

Брат Картер просто улыбался, а потом заметил:

— Мне кажется, все нормально.

Может быть, ему казалось все это нормальным, но я не был уверен, что я все сделал так, как надо. За всю свою жизнь я не делал ничего подобного!

— Не знаю, — сказал я ему, — мне кажется, моя репутация из-за этого пострадала.

Он опять многозначительно улыбнулся. Затем посове товал:

— Забудь об этом.

Я попытался последовать его совету. «Господи, — молился я горячо и с волнением, — я не хочу изгонять бе сов».

Из-за того, что я пережил, какое-то время я не хотел выступать самостоятельно. Брат Картер, увидев, насколько я был потрясен и переживал из-за своей репутации, согласился некоторое время брать меня с собой.

Однако в тех странах приглашения сыпались в таком количестве, что нам опять пришлось расстаться. Он отправился учить пасторов, а я — проповедовать Евангелие заблудшим.

Через неделю я очутился в другом городе, где церковь была заполнена до отказа. Стулья стояли даже в проходах между рядами.

Когда вместе с переводчиком я вошел в зал, мне пришлось пробираться между стульями, расставленными в узком проходе. Вдруг я почувствовал, как женщина, сидевшая рядом с проходом, крепко схватила меня за пиджак и не отпускала.

Сначала она просто улыбалась мне, а потом стала гладить мою руку в обольстительной манере. Ее намерения были явными.

Я испытал такой шок, что готов был ударить ее.

Но тут же я подумал: «Это отсталый регион мира. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы проповедник повел себя грубо по отношению к людям».

Но она не отпускала мой пиджак. Переводчик прошел вперед и поднялся на платформу. Как я мог вырваться от этой женщины, если она с такой силой вцепилась в мой пиджак?

Конечно, я мог сделать тоже, что сделал Иосиф из книги Бытие, когда ему пришлось спасаться от похотливой жены Потифара. Я мог оставить свой пиджак у нее в руках, но он мне самому был нужен, и я не хотел отдавать его этой женщине.

В довершение всего я уронил портфель, а она расплылась в странной улыбке, в то время как ее глаза бегали, как язычок ядовитой змеи. Она сказала по-английски: «В тебе есть черный ангел, а во мне — белый ангел», — и завершила свое предложение отвратительным смешком.

Во мне поднялся Дух Господень. Я почувствовал при лив гнева.

Я вырвал руку, в которую она вцепилась. Затем я освободил другую руку, обеими руками крепко сжал ее голову и провозгласил: «Ты лжешь! Во мне пребывает Иисус! Он чист! Он свят! А в тебе дьявол со всей тьмой преисподней. Демон, выйди из нее!» Мой голос можно было слышать по всей церкви и даже далеко на улице.

Никто не учил меня делать такие вещи. Она тут же выпустила мой пиджак. Ее искаженное лицо изменилось. Она улыбнулась, и глаза ее смягчились. Ее переполняла радость, и она отпустила меня. Из ее глаз ушло нездоровое и дикое выражение.

Я спросил ее:

— Сколько лет вы страдали этим?

Она ответила:

— Пятнадцать лет назад я пошла к знахарю с одной домашней проблемой. И вот тогда дух овладел мною. С тех пор я не была нормальным человеком. Но когда вы приказали злому духу выйти из меня, он ушел. Теперь он ушел.

Но я видел, что она не освободилась окончательно.

— Выйди из нее, каждый демон, который находится в ней, а ты будь свободна! — провозгласил я, и она освободилась.

В тот вечер служение было великолепным. Слава Божья излилась на все собрание. Мне не пришлось долго проповедовать. Я назидал людей всего несколько минут, после чего толпы народа побежали вперед, чтобы отдать свои сердца Богу.

Во время моей молитвы за них у алтаря я стал понимать, что происходит. Если ты освобождаешь людей от демонической силы,

тогда спасаются самые разные люди.

Господь прошептал мне:

— Если ты свяжешь сильного, то можешь захватить его дом.

Я понял, что все грешники представляют собой добычу дьявола. Если ты сначала свяжешь его, даже прежде проповеди, тогда ты сможешь отнять у него его добычу. Ты сможешь отнять у него тех, кого он держал в плену в своей темнице. Ты распахнешь ворота тюрьмы, если вначале освободишь людей от нечистой силы.

Я вернулся к себе в номер и сказал:

— Брат Картер, послушай, что произошло сегодня. Теперь я уверен, ты не захочешь больше со мной путешествовать. В прошлый раз я даже близко к девочке не подходил, но на этот раз я схватил одну женщину за голову.

— Я считаю это вполне нормальным, — сказал он.

— Но это не по Библии, — сказал я, — я не хочу делать что-либо неправильно.

— Если люди спасаются, значит все правильно.

— Но я не хочу, чтобы такое повторялось. Я хочу быть таким проповедником, как ты, и проповедовать с достоинством и блеском.

— Ты и будешь таким, — сказал он, — все правильно. Но и эта сторона служения тоже важна. Когда такое происходит, просто делай свою работу, вот и все.

Мы объехали с ним весь остров Ява, на котором проживало в то время более пятидесяти миллионов человек. Почти в каждом городе Бог освобождал людей от демонической силы таким образом, что это видели все собравшиеся. Раз за разом сердца людей открывались для спасающей силы Евангелия демонстрацией силы Божьей над злом.

Вскоре я понял, что в этом конфликте задействован не я, а Христос во мне. И со мной в борьбу вступал не человек, а дьявол, обитавший в нем.

Я обнаружил, что мне незачем было бояться. И хотя одержимые дьяволом люди кричали или причиняли себе вред, они не пытались причинить вред мне или прикоснуться ко мне. Во время изгнания нечистой силы я чувствовал себя в полной безопасности.

На самом деле демоны обычно пытались убежать и старались не связываться со мной. Через своих пленников они часто говорили мне: «Нас здесь нет. Мы ушли. Оставь нас в покое».

Почти каждый раз, когда происходили подобные случаи, я исполнял служение в одиночестве. Брата Картера со мной не было. Сначала я подумал, что дьявол манипулирует ситуацией,

чтобы поддразнить меня, поскольку я был молодым и неопытным в Божьей работе. Но затем я понял, что Бог использовал каждый такой случай, чтобы учить меня, и Он даже обеспечил меня опытным учителем, которому можно было доверять.

Брат Картер уже проповедовал во всем мире и сталкивался со всеми немыслимыми ситуациями, с которыми странствующий миссионер может столкнуться. Когда мы обсуждали каждый случай, он учил меня из Божьего Слова, как освобождать людей от силы дьявола.

Когда мы служили вместе, у нас были мощные пробуждения.

Тысячи людей исполнялись Святым Духом через возложение рук мистера Картера. Я тоже служил им, и многие получали мгновенное исцеление Божьей силой и отдавали свои сердца Иисусу. Мы составляли чудесную команду.

Мы работали вместе, как Павел и Тимофей, двигаясь в силе и власти Господней по всему миру.

11. Бандиты и исцеление в Тибете

Затем мы с братом Картером поехали в охваченные войной внутренние территории Китая, где Япония воевала с китайским президентом. Чан Кайши на востоке. Коммунисты под руководством марксиста и атеиста Мао Цзэдуна делали все возможное, чтобы не допустить правления Чан Кайши на севере страны, и при помощи российского оружия уничтожали целые деревни.

Война велась на многих фронтах, и в этот период в Китае погибло много миссионеров. Местные властители разного калибра и сторонники свергнутого императора вели борьбу за власть, выступая против коммунистов, республиканской армии, японцев и русских, внося таким образом свой вклад в уничтожение этой прекрасной и легендарной страны. Чан Кайши, глава республиканского правительства Китая, со своей стороны тоже делал все, что было в его силах.

Верхом на муле мы поднялись в Тибет. Считалось, что эта крошечная страна в Гималайских горах на границе с Индией и Непалом осталась в стороне от военного конфликта, по крайней мере нам так говорили. Но очень скоро мы обнаружили, что и там были нарушены все законы.

Кровожадные бандиты и соперничающие шайки терроризировали население. Мы видели разрушенные горные деревушки и сожженные древние ламаистские монастыри, во дворах которых валялись разорванные книги тысячелетней давности. На месте деревушек, подвергнувшихся нападению, остались страшные озера из крови жителей, которых вырезали бандиты.

Наша первая встреча со смертью произошла, когда мы пересекали горы с караваном из мулов. Мы поднимались в горы в течение многих часов, но не останавливались на привал, потому что в том районе было много разбойников. Мы уже приближались к горному перевалу, когда я и мистер Картер слезли с мулов, чтобы напиться из родника. Затем мы пошли рядом с неторопливо идущими животными, переговариваясь между собой. Но как только мы сделали крутой поворот, огибая огромный валун, из высоких кустов на обочине дороги к нам вышли три человека и навели на нас ружья.

— Брат Картер, — выдохнул я, — бандиты!

Их глаза были холодными и жестокими.

— Несомненно, — шепотом ответил Картер в своей бесстрастной британской манере.

Оборванные и грязные, они нацелились на нас и что-то сказали.

Я повернулся к переводчику и спросил:

— Что они говорят?

С лицом, перекошенным от ужаса, он прошептал:

— Они велели мне слезть с мула.

Очень осторожно он сполз с мула.

Мы с братом Картером молча стояли. Мы не стали поднимать руки вверх.

Затем вооруженные люди приказали на своем языке:

— Вперед!

Мы пошли перед своими мулами. Наш переводчик брел рядом с нами.

Мулы в нашем караване везли продукты и гуманитарную помощь, а также местную валюту в нескольких коробках. На самом деле денег было немного, но из-за немыслимо высокой инфляции один доллар равнялся двум с половиной тысячам их обесценившейся валюты. Чтобы купить немного еды, человеку приходилось расплачиваться чуть ли не полной сумкой денег.

Один из бандитов выступил вперед и приставил ружье к моему затылку. Я старался не замечать этого. Мы послушно маршировали, как было приказано.

По мере того как мы шли, дьявол начал наполнять меня страхом, говоря: «Тебя убьют. Они тебя убьют».

Я повернулся и взглянул на ствол ружья, приставленного к моей голове. «Нет, я не умру, — сказал я про себя. — Боже, я приехал в Тибет, чтобы умереть?»

Он сказал: «Нет».

Я сказал Ему: «Тогда скажи об этом бандиту, который идет за мной. Ему тоже нужно об этом узнать».

Господь сказал: «Твой ответ содержится в книге Откровение 19:6». Я осторожно засунул руку в карман пиджака и вытащил маленький Новый Завет, который постоянно носил с собой. Брат Картер взглянул на меня вопросительно, а я нашел этот стихи начал читать его. И очень удивился: «И слышал я как бы голос многочисленного народа».

Дьявол тут же прокомментировал: «Видишь? Через несколько минут ты окажешься в раю. И услышишь голос многочисленного народа».

Я сказал: «Нет, тут что-то не так». И стал читать дальше: «Как бы шум вод многих».

Я спокойно сказал: «Ага, вот оно. Я стою на берегу бурного Иордана и задумчиво смотрю на него».

Ну, хорошо, мы были у вод Иордана. Я прочитал дальше:

«Затем я услышал как бы голос громов сильных, говорящих: аллилуйя! ибо воцарился Господь Бог Вседержитель».

И тогда весь стих для меня ожил. Я начал смеяться. Я повернулся и продолжал смеяться прямо в лицо бандиту.

Он был настолько изумлен, что опустил ружье, стоял и таращился на меня. Через переводчика я крикнул ему:

— Чего тебе, собственно, надо?

— Нам нужны деньги, — ответил через переводчика потрясенный бандит, — у нас совсем нет денег.

Помните, наш доллар стоил две с половиной тысячи их денег.

Тогда я сказал переводчику:

— Отдай ему одну коробку…

Мы отдали ему коробку.

Он заглянул туда и увидел настоящие деньги. По его улыбке можно было понять, что он остался доволен. Затем я спросил:

— Что еще тебе нужно?

Он сказал переводчику:

— У нас нет продуктов.

У нас в коробках также были продукты питания. Поэтому мы дали ему коробку и с продуктами: рис, бобы и прочее.

Затем я опять спросил его:

— Что еще?

Он не знал, что сказать.

Тогда мы сели на мулов и поехали дальше, а за нами последовала вся наша группа. Бандиты стояли и смотрели на нас, затем ушли в лес и исчезли.

Мы ехали по горной тропе, которая привела нас в деревню. К нам навстречу с криками выбежали люди:

— Вы живы!

Мы ответили:

— Да, мы живы. А что?

— Вы единственные, — ответили они, — кто добрался до нас. Остальных убили на горной дороге. Их убили бандиты.

Я сказал: «Аллилуйя! Если Господь хочет, чтобы ты остался жив, ты будешь жить. Он хочет, чтобы мы провозглашали Его Слово, и тогда ничто не повредит нам».

Итак, та встреча была моей самой тесной встречей со смертью.

Следующая подобная встреча состоялась также во время войны в горах Юго-Восточной Азии.

Мы путешествовали с караваном, словно передвижной лагерь. У нас было семнадцать мулов, на которых мы перевозили продукты, рабочих, гидов, повара и переводчика. Местную воду пить было невозможно, поэтому нам приходилось кипятить ту,

что мы везли с собой.

Может быть, мы не прокипятили воду достаточно тщательно, или же я слишком хотел пить и выпил некипяченую воду, но факт тот, что я сильно заболел.

Это была дизентерия с высокой температурой и сильным поносом, в результате чего я бегал в кусты каждые десять минут. Я ничего не мог есть. И мы были в пути, а вокруг — ни единого населенного пункта.

У меня началось кишечное кровотечение, и кровь шла в течение почти двух суток. Высокая температура и боль были почти невыносимыми.

Мои спутники видели, что я болен, но я не жаловался на свое самочувствие. Я не жаловался, потому что знал: если хочешь быть хорошим путешественником, держи язык на привязи, иначе никто не захочет находиться с тобой рядом.

Обычно, когда мы утром отправлялись в путь, я выводил своего мула вперед, но в то утро я пошел не первым, а, напротив, последним. Я даже не знаю, какое именно место в караване занимал брат Картер. Учитывая, что во время движения каравана всегда достаточно шумно, мулы брыкаются и фыркают, а погонщики бьют их по головам палками, никто даже не заметил моего состояния, тем более что я ехал последним. Мы вышли из городка около семи утра, чтобы по горной дороге добраться до другого города, когда я вдруг почувствовал себя совсем плохо и упал с мула. У меня хватило ума и сил затянуть поводья мула на кустике, росшем рядом.

Затем я потерял сознание. Когда я упал, никто не видел этого. Караван продолжал свой путь, не зная о моем отчаянном положении, и никто не замечал моего отсутствия до глубокой ночи.

Я пролежал без сознания до полудня.

Когда я наконец пришел в себя на этой каменистой почве, то понял, что меня исцелила сила Божья. Боли не было совсем, температура прошла, и понос также прекратился. Я был вне себя от радости и славил Господа.

Хотя я даже не молился и не просил Господа о помощи, Он явил мне свою милость. Но я узнал причину моего чудесного исцеления только несколько лет спустя, когда вернулся в Америку…

Когда я проповедовал в Мобиле, штат Алабама, муж и жена, работавшие преподавателями в школе, пригласили меня остановиться у них. Я с радостью согласился.

Когда мы сидели у них в гостиной, наслаждаясь теплом и угощением, они сказали мне, что сохранили все статьи из

«Redemption Tidings», которые я написал о брате Картере и о наших совместных путешествиях.

Вдруг жена спросила:

— А вы ведете дневник?

Я сказал:

— Да, у меня с собой дневник с записями за последние пять лет.

Она заинтересовалась:

— А вы не сможете прочитать нам запись одной конкретной даты?

— Какой именно даты?

Она назвала число, а я прошел в свою спальню и открыл дневник. И понял, что это тот самый день, когда я получил чудесное исцеление на горной дороге.

Я сказал:

— Хорошо, я прочитаю вам запись того дня. Я умирал от дизентерии, а Господь внезапно исцелил меня.

Они оба начали плакать. Я сказал:

— Не надо плакать. Я же не умер.

И тогда они объяснили:

— Но вы не слышали нашу историю. Когда там, в горах, было утро, здесь была ночь. Бог заговорил к нам и сказал, что вы умираете, но не сказал, где вы находитесь, просто сообщил, что вы умираете. Мы стали плакать и взывать к Господу: «Спаси его, спаси его. Не дай ему умереть. Спаси его, спаси его». В одиннадцать часов Бог опять заговорил и сказал: «Он будет жить».

Сравнив свой дневник с их записями, я увидел, что в то утро, когда я лежал в бессознательном состоянии там, высоко в горах, эти учителя почувствовали острую потребность молиться за меня.

Своими ходатайственными молитвами они спасли мне жизнь.

Просматривая наши записи, составленные на расстоянии в двенадцать тысяч миль друг от друга, я особенно остро ощутил реальность Бога. Ходатайство действительно может спасти жизнь человека. Я получил исцеление благодаря молитвам двух учителей, которые молились до тех пор, пока не прорвались.

И это лишь один пример того, как Божьи люди молились и ходатайствовали за меня.

На территории континентального Китая я с братом Картером молился за многих людей, угнетаемых дьяволом. Как и в Японии, здесь повсюду можно было видеть демонические образы для того, как они считают, чтобы отгонять дьявола. Люди там живут в абсолютном страхе. Мы постоянно встречали людей, одержимых нечистой силой.

Когда мы сели на транссибирский экспресс, на котором

должны были пересечь сталинскую Россию, чтобы добраться до Европы, я сказал брату Картеру: «Благодарение Богу, все кончилось благополучно. Наконец-то мы будем далеко от этой юго-восточной болезни. Эти люди одержимы демонами. Я теряю очень много сил, когда молюсь за них. Я так рад, что мы уезжаем отсюда».

Я считал, что одержимость встречается только на Востоке и что мне больше никогда не придется иметь с этим дело.

Через девять дней из Маньчжурии, оккупированной империалистической Японией, мы попали в Польшу, которая еще не была захвачена нацистами. Мы провели пару дней в Москве, осмотрели город и посетили такие места, как Красная площадь, где находится одна из достопримечательностей, которую показывают иностранным туристам.

Затем мы отправились в Польшу. Мы не пробыли там и недели, когда на одном из собраний, где присутствовало огромное скопление народа, в первом ряду встала женщина и стала кричать: «Аллилуйя, аллилуйя!»

Я сказал: «Мне это не очень нравится». Она кричала в самых неожиданных местах и всегда невпопад. «Неужели никто не может остановить эту женщину», — подумал я.

За сорок пять минут предварительного служения перед крусейдом — во время пения песен, молитв, чтения Библии — она все время кричала: «аллилуйя». Это было ужасно.

Я подумал: «Совершенно определенно, это не Бог. Это не Бог». Но я не знал, что с этим делать. Я стал молиться: «Господи, спасай здесь души. Спасай души».

Господь сказал:

— Сначала тебе нужно разобраться с той проблемой, внизу.

— Но это Твоя проблема, Господи.

— Это не Моя проблема, — быстро ответил Он мне. — Это твоя проблема.

В этом коротком разговоре что-то мне показалось удивительно знакомым. То же самое говорил мне Бог на острове Ява, когда маленькая девочка ползала и извивалась перед алтарем, как змея.

Я сидел на платформе и не знал, что делать. Я знал, что не смогу проповедовать, пока эта женщина пронзительно вопит «аллилуйя» так, словно сам дьявол пришел к нам на собрание.

Когда я подошел к кафедре, я не стал приветствовать людей, но сделал то же самое, что сделал тогда на Яве.

Я перегнулся через кафедру и сказал:

— Сейчас же замолчи!

Вот так я начал свою проповедь, однако вместо того чтобы

замолчать, женщина стала лаять, как собака. Ее слышали все присутствующие. Тогда помощники организаторов соскочили со своих мест и уже собрались вывести ее, но я сказал им:

— Не нужно. Вы не стали выводить ее, когда она вопила «аллилуйя». Поэтому оставьте ее в покое.

Я снова перегнулся через кафедру и сказал:

— Немедленно замолчи и пошел ВОН из нее! Вдруг она замолчала, стала оглядываться и заулыба лась.

Дух Божий излился на собравшихся, и служение получилось на славу. Многие люди обрели Господа Иисуса Христа как Спасителя.

В Польше, Германии, Франции, Норвегии, Швеции и Дании я встречал такие же случаи демонической одержимости, что и на Яве, в Сингапуре, Гонконге, Тибете, Маньчжурии, Японии и Корее.

— Оказывается, — сказал я брату Картеру, — эта восточная болезнь встречается и здесь, в Европе.

Он только улыбнулся.

12. Противостояние силам тьмы

Демоническая активность в нацистской Германии была не такой явной, как в других частях Европы. Силы зла работали в этой обманутой нации намного более тонким и зловещим образом.

Когда мы приехали в Берлин, тайная полиция стала

Когда мы приехали в Берлин, тайная полиция стала следить за нами с того момента, как мы вышли из поезда. Нам пришлось зарегистрироваться в гестапо, и каждый раз, когда мы проповедовали, нам нужно было получить новое разрешение. Обычно пастор шел к властям и получал это разрешение для себя. Таким образом, полиция всегда знала, где мы находимся, и всегда могла прислат ь к нам на собрание информаторов.

В те дни не было миниатюрных записывающих устройств, но тайные агенты весьма искусно владели скорописью и записывали практически все, что мы говорили. Конечно, наши проповеди совершенно не касались политики, поэтому им не о чем было докладывать. В отличие от Советской России, там можно было говорить об Иисусе, и это не считалось противозаконным делом. Гитлер до этого еще не дошел. Правительство не возражало против нашей деятельности, пока дело касалось только церковных богослужений, однако нам нельзя было проповедовать на улицах.

В Гитлера верили далеко не все пасторы из тех, в чьих церквях мы проповедовали. Мне было трудно понять тех, кто верил в него. Они могли часами рассуждать о том, какой у них чудесный фюрер.

Некоторые из них гордились тем, что Гитлер избавил страну от цыган и других нежелательных элементов, и рассуждали о том, что скоро он очистит страну от коммунистов. Полагая, что он стабилизировал правительство Германии, они верили, что вскоре он стабилизирует всю Европу.

Особенно им нравилось то, как он выступил против католиков и против евреев, которых они считали богатыми и нечестными гражданами. Некоторые прихожане церквей были членами нацистской партии, носили коричневые рубашки и нацистские знаки отличия. Это было страшно.

Я человек чувствительный, как и брат Картер. Когда мы видели, как бандиты взрывают дома евреев, нам хотелось плакать.

Очень отчетливо я помню наше последнее воскресенье в нацистской Германии.

Когда мы уезжали на вокзал, чтобы сесть на поезд из Берлина в Данию, пастор, вызвавшийся довезти нас на вокзал, сказал:

— Брат Картер и брат Самралл, я знаю, что сегодня вы получили хорошие пожертвования.

— Да, — сказали мы осторожно, зная, что он симпатизирует новому правительству.

— Я не могу позволить вам вывезти эти деньги из страны. Наше правительство не разрешает вывозить немецкую валюту за пределы Третьего рейха. На границе у вас эти деньги отберут в любом случае, так почему бы вам не оставить их мне?

Я хотел сказать, что мы успеем потратить эти деньги на железнодорожном вокзале, но брат Картер опередил меня. Он ответил:

— Думаю, это хорошая мысль. Брат Самралл, пожалуйста, отдай деньги, которые его церковь пожертвовала нам.

Я неохотно отдал деньги пастору.

— О, большое спасибо, — обрадовался пастор. — Гитлеру нужны эти деньги. Очень мило с вашей стороны так благословить его.

Мы уже подъезжали к вокзалу, когда брат Картер попросил остановить машину, чтобы купить марку для почтовой открытки. Он всегда посылал своим друзьям открытки. И на этот раз он написал своему брату Джону в Англии и сказал мне:

— Я хочу отправить открытку прежде, чем мы приедем в Норвегию. Я хочу, чтобы она была отправлена из Германии, но мне нужна марка.

— А у вас остались немецкие деньги? — спросил пастор. Он знал, что немецких денег у нас нет. Мы отдали ему все.

Брат Картер ответил:

— Нет, немецких денег у нас нет.

— А американская или британская валюта есть? — спросил пастор.

Я сжался, но брат Картер вытащил свой бумажник. Он достал британскую банкноту, равную примерно пяти аме риканским долларам.

С широкой улыбкой пастор сказал:

— Я могу разменять британские фунты на немецкие марки.

Я был страшно зол. Этот человек забрал все наши деньги, но не может расстаться с двумя или тремя пфеннигами, чтобы купить нам марку. Зато как у него загорелись глаза при мысли о том, что он может заполучить британскую валюту.

Я собрался сказать брату Картеру, что мы скоро будем в Дании и что он сможет отправить открытку оттуда, — но брат Картер такой деликатный. Он отдал пастору и эту банкноту.

Пастор сказал:

— Я могу дать вам сдачу, но при проверке у вас все равно отнимут немецкие деньги.

И он дал брату Картеру мелочь для покупки почтовой марки, а банкноту оставил себе.

Позже я спросил:

— Брат Картер! Почему ты сделал это?

— Библия говорит, что если у тебя просят, отдай, — ответил он. — Господь воздаст нам во много раз больше.

У брата Картера был такой чудесный дух. Я никогда в жизни не встречал никого, подобного ему. Как всегда, брат Картер был прав. Бог действительно обильно восполнял наши нужды, но я часто думал, что же случилось с тем пастором.

Очень скоро нацизм Гитлера стал единственной религией, разрешенной в «новой Европе». Протестантские церкви закрылись, и даже нацистские пособники сели в тюрьмы вместе с другими протестантскими лидерами. Насколько я знаю, ни один пастор, с которым мы встречались в Берлине, не выжил в этом кошмаре.

Пасторы, которые не стали защищать евреев и проявили равнодушие во время преследования католиков, теперь сами подверглись гонениям. Гитлер послал их в угольные шахты, рудники и соляные копи, и они поняли, что происходит, когда начинаешь уповать на кого угодно, кроме Иисуса Христа. Они поддались и поверили ужасному обману со стороны сил зла.

Я увидел, что демоническая одержимость — явление достаточно распространенное в Европе. Мне постоянно приходилось противостоять силам зла. Сотни людей освобождались, но я не искал столкновения с тьмой, не хотел этого и никому не рассказывал о своей борьбе.

В то же время я понял, что не могу оставаться спокойным, когда на мои служения приходят угнетаемые и одержимые люди, которым нужно освобождение. Они нарушали ход собраний, и я выступал против нечистой силы. Бог освобождал их, и свидетелями этого становились тысячи людей, убеждаясь в силе Божьей и обретая спасение.

Я не имел ни малейшего желания сделать этот аспект служения центром всей моей деятельности. Вернувшись в Соединенные Штаты, я не хотел бы видеть рекламные листки, где Лестера Самралла называли бы «охотником за демонами». Мне не нужна была такая репутация.

Помню, я думал: «Значит, и в Европе есть эта болезнь. Надеюсь, Господь сохранит меня от этого места».

Мне скоро должно было исполниться двадцать три года, и я

понял, что стал не только старше, но и мудрее, чем был несколькими годами ранее. Я действительно становился служителем Евангелия, хорошо подготовленным братом Картером.

Вернувшись в Соединенные Штаты, я подумал: «Слава Богу, я вернулся в Америку. Теперь я смогу просто проповедовать Иисуса и жить нормальной жизнью, и все». Я боялся, что если в Америке узнают, что я изгонял бесов по всей Европе и Азии, то мое служение может пострадать.

Когда я был в Сент-Луисе, местный пастор попросил меня приехать к нему в церковь, чтобы провести служение. Поэтому в воскресное утро я уже был у него. Днем он попросил меня сходить вместе с ним к одному из членов его церкви. Я согласился.

Когда мы вошли в маленький скромный домик, я увидел человека лет двадцати шести или двадцати семи, сидевшего в кресле-качалке с бессмысленным выражением лица.

Его мать стояла рядом с ним на коленях и говорила: «О, сынок, поговори со мной. Пожалуйста, поговори со мной». Посмотрев на него, я увидел в его глазах некоторую странность. Про себя подумал: «Я уже видел такие глаза раньше — на Яве, в Китае, Японии и в Европе!»

Я прыгнул к нему через всю комнату, как тигр, зажал голову парня между ладонями и сказал:

— Ты, нечистый дух, выйди из него немедленно! Затем я посмотрел на него и сказал: — Я освобождаю тебя Божьей всемогущей силой. Говори с матерью прямо сейчас.

Он повернулся к ней и сказал:

— Мама, прости, пожалуйста, что я так вел себя. Пожалуйста, прости меня.

Когда я спросил, каким образом он оказался в таком положении, он рассказал, что ходил на сеанс общения с духами мертвых. И хотя он вырос в христианской семье, вера автоматически не проявилась в нем так же, как преданность моей матери не сделала меня рожденным свыше верующим.

Он сказал, что не знал, что там было, но во время сеанса он просто сошел с ума. Позже мать нашла его на крыльце их дома. Его одежда была разорвана, и он был весь в кровоподтеках, словно его сильно избили.

В течение полугода он не вымолвил ни слова. Его поведение также было очень странным. Если кто-нибудь поднимал ему руки, то он мог остаться в таком положении в течение целых суток, не уставая, продолжая смотреть прямо перед собой. За ним пришлось ухаживать, переносить его с места на место. Он

оставался недвижимым, куда бы его ни посадили или положили, словно он был мертвым.

Когда в тот день я покидал эту семью, молодой человек ходил по комнате и говорил:

— О, слава Богу. Я буду жить для Иисуса, я больше никогда не пойду на спиритические сеансы, я никогда не отдам себя дьяволу. Я всегда буду жить для Бога. Я всегда буду служить Господу. Я так рад, что вы пришли.

Он был полностью и чудесным образом освобожден Божьей силой.

Тогда я вздохнул и сказал про себя: «Значит, эта проблема существует не только на Востоке и в Европе, но и в Америке тоже».

Когда я приехал навестить родителей, меня там ждал сюрприз. Прошло семь лет с тех пор, как я покинул свой дом.

Мой отец сказал:

— Я спасен, и я хочу проповедовать.

Он отдал свою жизнь Господу. Я не знаю, как это произошло, и никто мне об этом не рассказывал. Он не посвящал меня во все подробности, но я видел, что он сильно изменился. Мы не обнимались и не вспоминали «добрые старые дни», но я был сильно благословлен, узнав, что мой отец хочет жить для Господа.

Он много ездил и проповедовал, пока не стал совсем старым. Тогда он переехал, чтобы постоянно жить с моим братом Хьюстоном, а мама проводила собрания пробуждения вместе с моей сестрой Леоной.

Мы с отцом примирились, но нам так и не удалось сблизиться, даже теперь, когда я стал взрослым. Конечно, я очень любил его. Когда он решил путешествовать как евангелист, я даже купил ему машину.

Он умер христианином в Мобиле, штат Алабама, у прекрасного залива, который так любил.

Я с радостью жду встречи с ним в вечности.

Он был моим отцом.

13. В разных направлениях

Через несколько недель пребывания в Америке я уже стремился вернуться на миссионерское поле. Я очень обрадовался, когда брат Картер предложил навестить миссионеров в Южной Америке.

Сначала мы отправились в Бразилию и там еще раз лицом к лицу встретились со смертью.

В течение трех дней мы шли вдоль берегов Бразилии из Джойнтвилля в Сантос на тяжело нагруженном грузовом судне, перевозившем бревна для деревообрабатывающих заводов. В первую же ночь поднялся сильный ветер, превративший воды южной части Атлантического океана в горные массивы и глубокие каньоны. Гигантские волны подбрасывали наш стофутовый корабль, словно щепку.

Обрушившиеся на нас массы воды начали разрушать корабль, и морская вода просачивалась через все щели старой посудины. В нашей каюте уровень воды поднялся до двенадцати дюймов. Нас швыряло и подбрасывало, и я, намертво вцепившись в койку, бессильно наблюдал, как моя шляпа и Библия плавают от стенки к стенке. Все, что не было прикреплено к полу или стенам каюты, пребывало в свободном плавании.

Вдруг к нам в каюту ворвался капитан.

— Вы, проповедники! Мы тонем! Молитесь! — прика зал он.

Мы стали молиться, и через шесть мучительных часов шторм наконец утих. Когда наступил рассвет, мы были едва на плаву, настолько был поврежден корабль. Мы с трудом добрались до порта и встали на ремонт.

В ту ночь моя мама увидела нас в своем видении в море. Она пошла в церковь и стала усердно ходатайствовать. Баптистский пастор заметил свет в окне церкви, заглянул туда и увидел Иисуса, стоявшего рядом с мамой. Тогда он тоже встал на колени и молился вместе с ней, умоляя Отца о нашем спасении.

Затем он пошел в свою церковь и в роще за церковью всю ночь молился о нас. Наконец, на рассвете Господь дал ему уверенность, что наши жизни спасены. Он вернулся в церковь к моей матери, которая все еще упорно молилась перед Господом, и сказал ей:

— С твоим сыном все в порядке. Бог проговорил к моему сердцу. Теперь иди домой.

Мы опять спаслись от неминуемой гибели.

Мы с братом Картером служили по всей Бразилии, а затем от Боливии до океана. После этого мы отправились через

Атлантический океан во Францию, Испанию, Португалию, Англию, объездили всю Европу, и везде, где мы побывали, проводили крусейды.

Шел 1939 год, и Европа стояла на пороге Второй мировой войны. Когда гитлеровские танки вторглись в Польшу, Европа стала очень опасным местом для тех, кто там жил, но в то же время поля там поспели для жатвы. Люди были напуганы. Как никогда раньше, они устремились к Богу.

Мне выпала огромная честь познакомиться в Англии с легендарным гигантом веры Смитом Виглсвортом, прославленным автором многих книг, чьи труды сегодня используются в колледжах в качестве учебников. Его служение было ознаменовано многочисленными чудесами и верой Елисея. Я познакомился с ним, когда ему было за семьдесят.

Он много рассказывал мне о своей жизни и служении, а также о секретах своей веры. Он проводил много времени за чтением Слова Божьего и даже как-то раз заявил, что не бывает случаев, когда его можно застать без Библии.

Однажды я спросил его, почему я никогда не видел его в расстроенном или угнетенном состоянии. Он ответил, что встает очень рано утром, но никогда не спрашивает Смита Виглсворта, как тот себя чувствует. Вместо этого он славит Господа, танцует перед Ним и ищет в Слове Божьем водительства и ответов на свои вопросы.

В мое последнее посещение Смит Виглсворт сказал мне: «Я хочу благословить тебя моим духом».

Мы встали на колени, и он возложил руки мне на плечи и стал молиться: «Отец, пусть вера моего сердца изольется в сердце этого молодого человека, и пусть он творит в своей жизни и служении дела, которые я видел Тебя творящим. Пусть благословение, которое Ты мне дал, будет и его благословением. Пусть святое помазание, которое пребывало на моей жизни, пребывает и на его жизни».

Я знал, что теперь в моей жизни и служении будет явлено новое измерение Божьей силы. От Смита Виглсворта я многое узнал о вере, но в нашем с ним общении величайшим благом для меня стало то духовное благословение, которое осталось со мной и сформировало мою жизнь и служение.

Начались бомбардировки Великобритании, но в это время я открывал в Англии три новые церкви, которые действуют и по сегодняшний день. Я также сдружился с британской разведкой, которая внимательно следила за всеми иностранцами, путешествовавши ми по странам, теперь оказавшимся под нацистами.

Могли ли они думать, что я шпион? Конечно, я совершил много подозрительных поездок в те страны. Я ездил в нацистскую Германию и встречался с нацистскими проповедниками. И теперь многие из стран, в которых я побывал, находились в зоне оккупации фашистами.

Я воспользовался этим случаем, чтобы свидетельствовать британской военной разведке каждый раз, когда мне приходилось встречаться с ними. Наконец они решили, что я слишком религиозен, чтобы быть нацистом.

Пока солдаты воевали, орудия гремели и Европа переживала первые годы Второй мировой войны, я насаждал поместные церкви и помогал им стать местным организмом, способным приводить ко Христу собственный народ. Но я занимался этим в одиночестве. Ховарда Картера отозвали в библейский колледж в Лондоне. В связи с войной возникли различные проблемы и трудности, и он нужен был у себя дома.

Когда Польша пала, а Бельгия, Люксембург, Голландия, Дания, Греция, Венгрия, Румыния, Болгария и Франция отчаянно сражались за свою свободу, власти в Великобритании предупредили всех иностранцев, в том числе и меня, о необходимости покинуть страну. Все американские граждане, имевшие временные визы, должны были уехать.

В Европе бушевал пожар, раздутый нацистами, а мне очень не хотелось уезжать от брата Картера. Когда он провожал меня, мы не знали, встретимся ли мы опять. Я вернулся домой в печальном настроении. Нужно было привыкать работать самостоятельно.

Затем осенью 1940 года в Саут-Бенде, штат Индиана, я услышал, как один миссионер плакал, рассказывая, как трудно было достучаться до огрубевших и независимых, пропитанных алкоголем людей, живших в полной изоляции на Аляске. Он сказал, что холодная Аляска была самым тяжелым местом в мире для проповеди Евангелия, потому что люди там проявляли совершенное равнодушие к Благой вести.

Я почувствовал сильное желание поехать туда. Я видел пьяниц в Австралии, я помнил перестрелку в Арканзасе, и поэтому я сказал сам себе: «Я поеду туда».

Сев в Сиэтле на поезд, я затем пересел на корабль, направлявшийся на Аляску.

Однажды звездной ночью я стоял со старым обветренным капитаном на палубе. Я почувствовал, как Господь побудил меня вступить в сражение за душу этого человека.

Я повернулся к нему и спросил:

— Что вы думаете об Иисусе Христе?

Вынув трубку изо рта, он удивленно посмотрел на меня, а

затем перевел взгляд на мерцающее звездами небо.

— Эти звезды — мой бог, молодой человек, — сказал он. — Они сделали для меня больше, чем кто-либо другой. С малых лет я живу на море. Ночь за ночью эти чудесные звезды ведут мое судно. Они никогда не уводили меня в сторону. Для меня это самое чудесное зрелище во всем мире. Я восхищаюсь ими, может быть, даже поклоняюсь им.

— Но кто создал эти сияющие звезды? — спросил я. — Кто поставил их и наблюдает за ними, чтобы они оставались на местах и вели вас в ночи?

— Не знаю, — ответил он, — и не думаю, чтобы это кто-нибудь знал.

Я оперся рукой оперила и сказал:

— Капитан, мой Бог создал все эти звезды. Он усмехнулся и ничего не ответил. Иногда мы призваны только сеять семена Евангелия. Я молюсь о том, чтобы кто-нибудь полил мои семена в этом милом, старом капитане. Когда я окажусь на небесах, я буду искать того морского капитана.

Я причалил в Принс-Руперте, Канада, чтобы в течение недели проводить собрания, а затем купил билет дальше.

Мой корабль уже готовился к отплытию на север, когда пастор восторженно сообщил мне, что через час к ним прибывает очаровательная молодая миссионерка из Южной Америки по имени Луиза Лейман.

К сожалению, мы тогда не встретились.

Ее имя почему-то осело в моей памяти. Помню, что я подумал о том, как хорошо было бы встретиться с молодой и одинокой миссионеркой.

На Аляске я обнаружил, что эта земля уже не была страной длиннобородых золотоискателей, промывающих песок в надежде разбогатеть. Но я не увидел там также и арктического безмолвия. Пролетая на маленьком самолете над прекрасным ландшафтом, я увидел живописные, но необжитые и опасные территории.

Я проповедовал в церквях, клубах, на радио и в школьных классах. В морозы я летал в города на полуострове в Баренцевом море всего в нескольких милях от России.

В Фейрбенксе я проповедовал в самом большом зале города. Поскольку я свидетельствовал о том, что происходит в России и нацистской Германии, то много говорил об их безбожной философии и стиле руководства. Я рассказывал о том, что видел: о закрытии церквей и христианских школ и захвате предприятий. Я говорил о ненависти антисемитов к евреям и о том, что, по моему мнению, произойдет с многомиллионным еврейским населением Европы. Я выразил озабоченность тем положением, в

котором оказались наши братья и сестры во Христе в этих странах.

Вдруг несколько человек в собрании встали со своих мест, сжали кулаки и, отшвырнув прочь стулья, вышли, хлопнув за собой дверью.

В их действиях я почувствовал большую угрозу. Моя тревога была настолько явственной, что на другой день утром я пошел в местное отделение ФБР и рассказал о случившемся офицеру.

Он сообщил мне, что они, оказывается, уже пытались выяснить личности некоторых нацистов, которые передавали по радио сведения о движении судов и дислокации войск. Если нацистская Германия когда-нибудь захочет напасть на Америку, сказал он, она вполне может воспользоваться путем, который пролегает через Северный Ледовитый океан. Офицер объяснил, что они надеются обнаружить этих нацистов, и попросил меня посодействовать в этом.

— Каким образом? — спросил я. — Дайте в газете и по радио объявление о том, что вы собираетесь прочитать еще одну разгромную проповедь о Гитлере и нацистской Германии.

Я так и сделал. И, конечно, эти люди пришли на мою проповедь, но на этот раз для того, чтобы помешать мне выкриками и оскорбительными замечаниями. Я не прекратил свое выступление, и они продолжали шумно реагировать на мои слова. К моему великому удивлению, агент ФБР, с которым я разговаривал, тоже присоединился к ним и стал выкрикивать оскорбления в мой адрес, швырять стулья, потом ушел вместе с ними, хлопнув на прощание дверью.

На следующий день он позвонил мне из своего офиса и извинился. Он сказал:

— Когда мы вышли на улицу, нацисты меня приняли за своего и предложили участие в своей организации. Они даже привели меня в свой штаб. Теперь семеро из них сидят у нас в камере вместе со своим радиопередатчиком. Большое спасибо за помощь. Извините за все, что вам пришлось услышать от меня.

Я засмеялся:

— Нет проблем. Я часто выслушивал насмешки и колкости в адрес Иисуса. Но я впервые сделал это ради своей страны.

По пути домой на поезде я остановился в Британской Колумбии, чтобы провести евангелизационные собрания в городах Терсае, Смитерсе и Принс-Джордже. В каждом из этих городов я слышал о Луизе Лейман, хорошенькой и милой миссионерке из Аргентины. Везде, где она бывала, она становилась щедрым благословением для людей. Теперь я очень хотел увидеть ее. Похоже, она была неустрашимой миссионеркой.

Какой смелостью должна была обладать эта девушка, чтобы поехать в Канаду зимой! Обычно Евангелие несли сюда только очень ревностные миссионеры.

Интересно, встречусь ли я с ней когда-нибудь?

14. Роман на расстоянии

Соединенные Штаты Америки были вынуждены вступить в войну после того, как армия империалистической Японии 7 декабря 1941 года нанесла неожиданный удар по Пирл-Харбору.

Вместе с тысячами других молодых людей я кинулся записываться в военно-морские силы. Мне сказали, что они могут призвать двадцатидевятилетнего проповедника только в качестве армейского капеллана, но на данный момент таковые им были не нужны. Меня попросили поддерживать с ними контакт.

Разочарованный, я вступил в духовную битву. Я решил поехать в единственную часть света, до которой война еще не докатилась, — в Мексику и Центральную и Южную Америку. Там я восстал против источника зла и всех войн на земле — против сатаны, который ненавидит человека и жаждет крови, насаждая насилие против драгоценных творений, созданных по образу Божьему.

Я не знал, что гитлеровские агенты пытались заручиться помощью Мексики в оккупации Америки, лелея планы использования мексиканской территории для вторжения. В обмен они обещали Мексике территории Техаса, Нью-Мексико, Аризоны и Калифорнии.

Господь повел меня кружным путем, минуя столицу Мексики и другие крупные города, где были сильны антиамериканские настроения. Я поехал в отдаленные горные регионы Мексики, где стал служить индейцам, жившим в лесах, людям, которые никогда не видели часов или фотоаппарата. Я получил огромное наслаждение, рассказывая им об Иисусе.

Я многое узнал о смирении, вкушая с ними их пищу, я научился уважать их наследие, не упуская возможности проявить к ним любовь Христа. Одно из их любимых блюд — жаркое джунглей — готовилось из целой птички вместе с клювом, перьями, лапками и всем остальным.

Через два с половиной месяца я попал в центральноамериканскую республику Гватемала.

Было печально видеть положение христиан в этой стране. В течение четырех сотен лет потомки племени майя практиковали форму христианства, которая лишь отчасти напоминала католицизм, насажденный мечом и штыком охочими до золота испанскими конкистадорами. Эти лицемерные захватчики обратили в рабство целые народы, предлагая им выбирать между смертью и обращением в христианство.

Но вера не приживается таким образом. Результатом

насильственного насаждения христианства стала ужасающая ненависть по отношению к Богу белого человека, мешанина из местных традиций и далеко не самой лучшей разновидности католицизма.

Я обнаружил, что большая часть местных жителей ничего не знала о спасении. Они приходили на мессу и ставили свечки в честь старых демонических богов племени майя.

Я принял приглашение миссионера Перри Даймонда и в течение полутора месяцев проповедовал в южной части республики Сальвадор, где население жило в страшной нищете. Мы ездили из деревни в деревню в районах, где даже сегодня господствует отсталость и нищета.

Наступил сезон дождей, и тропические джунгли казались непроходимыми. Верхом на муле мы взбирались по крутым, вулканического происхождения горам, и я невольно вспоминал путешествие в Тибет и Китай. Но теперь мы были в дождливом лесу, где водились злобные ягуары, ядовитые змеи, дикие кабаны, ярко раскрашенные птицы и разнообразные обезьяны. Некоторые из обезьян попадались нам на пути, а пронзительные крики других мы только слышали.

Уже стемнело, когда мы добрались до деревни Лас-Делисиас, в которой находилось всего около шести хижин. Интересно, подумал я, откуда же придет народ на наше собрание. Но примерно в половине восьмого вечера из джунглей вышли несколько сотен мужчин, женщин и детей. Они собрались внутри и вокруг грубо сколоченного здания церкви, построенного местным христианским лидером по имени синьор Гутьеррес.

Несколько лет назад он умирал от тяжелейшей формы лихорадки, когда услышал весть о спасении и принял Иисуса своим Господом. Он получил не только спасение, но и чудесное исцеление. Его родственники и друзья, попрощавшиеся с ним, уже приготовили для него гроб.

Когда в благодарность Иисусу он построил хижину для собраний, то подвесил свой гроб у входа в церковь. Он висит там до сих пор как молчаливый свидетель силы истинного Бога.

Я стоял за импровизированной кафедрой в одном конце длинного помещения, а индейцы все входили, заполняя церковь до отказа. Многие прошли долгие мили, чтобы послушать меня. Те, кто не смог пройти внутрь, стали распевать христианские песни снаружи.

Это было мощное собрание, где несколько человек получили избавление от демонов и многие обрели спасение.

После собрания люди зажгли факелы и отправились через джунгли в долгий и опасный путь домой. Яркий свет факелов

отпугивал диких зверей и освещал путь на горных тропах.

Перед моим мысленным взором до сих пор предстает эта картина — выстроившиеся в длинную цепочку люди с факелами в руках, воспевающие песни Сиона. Живая иллюстрация к стиху из Псалма (118:105): «Слово Твое — светильник ноге моей и свет для пути моего».

Далее наш путь лежал на юг в Никарагуа, затем в Панаму, Колумбию, Венесуэлу и Бразилию.

В Бразилии я сел на автобус, чтобы добраться до отдаленных районов. В одном маленьком городке мы остановились, чтобы высадить некоторых пассажиров, и там, прямо перед остановкой, я увидел человека, привязанного к столбу. Это был сумасшедший. Он бросался на своих мучителей, как разъяренный зверь, и выкрикивал страшные ругательства. Это был очень крупный, почти полностью обнаженный человек с длинными и нечесаными волосами. Он был страшно грязным, поскольку жил в грязи, как животное. Дети бросали в него все, что попадало им под руку, а взрослые стояли и смеялись. Мне сказали, что у этого человека нет семьи. Он был очень опасным, поэтому его привязали и выставили на всеобщее обозрение.

Наш старенький автобус поехал дальше по разбитой и грязной дороге, а я все вспоминал только что увиденную сцену. Во время проповеди в тот вечеря никак не мог забыть того несчастного. Он был человеческим существом и в то же время уже не был им. Он обладал бессмертной душой, но теперь его контролировал демонический дух. Он имел Богом данное право быть свободным и нормальным, но был низведен до уровня дикого животного.

Только дьявол мог находить радость в такой печальной ситуации.

Несмотря на то, чему стремится научить религия, она не в состоянии удовлетворить эмоциональные потребности современного поколения, и именно поэтому такие случаи, как одержимый демонами несчастный, привязанный у столба в деревне, приводят мне на память Послание к Евреям (13:8): «Иисус Христос вчера, сегодня и во веки тот же».

Но вернулся ли я, чтобы помолиться за того человека? Нет. Я был иностранцем в центре неизвестной мне страны на пути к месту назначения, где ждали мою проповедь. Я молился, чтобы Господь направил к нему кого-нибудь, кто мог бы освободить пленника сатаны от нечистой силы. Я не могу перечислить все те волнующие встречи, что произошли во время моих путешествий. Я видел христиан, гигантов веры, в джунглях и горных деревнях, многие из которых жили в победе посреди ужасающей нищеты и

гонений.

Далее я поехал в Перу и Парагвай. Я побывал в лепрозориях и тюрьмах, а также в домах сильных мира сего и в домах отверженных. Я видел стада лам в высоких горах Анд и захватывающие дух своей красотой реки, водопады и озера.

Куда бы я ни пошел, меня изумляла и вдохновляла вера христиан и ужасающее неведение неспасенных. Я видел некоторые из этих народов в своем видении, когда был молодым человеком.

К декабрю 1942 года я обошел с проповедью территорию от Аляски на севере Америки до прекрасной Аргентины на самой южной оконечности Американского материка.

Я не знал о том, что война коснулась и Аргентины. И здесь у нацистов были сторонники в правительстве, которые не прочь были присоединиться к гитлеровской коалиции, но оставались нейтральными до последних дней войны. Они стали оказывать помощь нашим союзникам только после того, как поражение Гитлера стало очевидным.

Именно в Аргентине я увидел то, что навсегда пленило мое сердце и изменило всю мою жизнь. Меня пригласили на венчание, и там на церковном органе играла свадебный марш молодая леди, при взгляде на которую я буквально перестал дышать. Я не мог оторвать от нее глаз, и тогда она повернулась ко мне и посмотрела прямо на меня. В какой-то краткий миг мы улыбнулись друг другу.

Мне нужно было узнать ее имя. Осторожно я спросил об этом одного из местных пасторов, который пригласил меня на венчание.

— О, это миссионерка из Канады, — сказал он. — Ее зовут Луиза Лейман. Я был ошеломлен. Это была та самая смелая миссионерка, о которой я слышал по пути на Аляску. Я подумал: «Вот девушка, на которой я хотел бы жениться».

Я попросил пастора представить нас друг другу.

Мы поговорили, и я удивился тому, как много у нас с ней общего. У нас также было много общих знакомых. С ней было очень легко разговаривать! Как раз накануне встречи с ней я уже решил было, что мне суждено остаться холостяком. Я не умел быть обходительным с женщинами. На самом деле я с большой осторожностью относился к тем, кто мог бы претендовать на мое полное внимание и потребовал бы осесть на одном месте.

Я усвоил слишком много такого, что было присуще моему наставнику брату Картеру, а у него никогда не было времени для сердечных дел. У меня тоже не было — до сего момента.

Луиза спросила меня, как мне понравилась ее родная

Британская Колумбия. Позже она рассказывала друзьям, что по «блеску моих глаз» она сразу поняла, что я полюбил прекрасный и суровый Север.

Во время нашего разговора она призналась, что тоже слышала обо мне.

Второй раз мы встретились с ней на Рождество в миссии в Хендерсоне, небольшом городке в семи часах езды поездом от Буэнос-Айреса. Меня пригласили туда проповедовать, и я был приятно удивлен, увидев ее там.

Она объяснила, что это ее миссионерская база. Когда по приглашению ее пастора я пришел к нему на празднование Рождества, я почувствовал себя польщенным, увидев под елкой красиво упакованную коробку с моим именем, подписанную Луизой.

Я открыл ее и обнаружил там маленького деревянного ослика с колесами под ногами. Когда ослика передвигали, его задние ноги очень смешно двигались. Я сразу назвал его Луизой.

Из Хендерсона я отправился вверх по реке Ла Плата, а затем по реке Парагвай в Асунсьон, столицу Парагвая, после чего попал к индейцам ленгуа-моской. Верхом на лошади и в примитивных лодках я все время размышлял об этой прекрасной девушке.

Я написал ей небольшое письмо, в котором выражал благодарность за гостеприимство, оказанное мне на Рождество в доме ее пастора. Я также рассказал, что написал ее имя на деревянном ослике и подарил его ребенку миссионера. Я сообщил имя нового владельца чудесного ослика и место, где находиться новая «конюшня» этого животного.

Вскоре я получил ответное письмо. Я был взволнован сверх всякой меры. Мне было почти тридцать лет, но я чувствовал себя, как школьник. Я находил особое удовольствие в том, что каждый день перечитывал ее письмо.

Я опять написал ей, и она ответила. В нашей постоянной переписке мы все больше убеждались в том, что между нами очень много общего. Мы родились в одном и том же году, в одном и том же месяце с разницей всего в одиннадцать дней. Мы оба приняли Христа своим Спасителем в подростковом возрасте и сразу посвятили свою жизнь служению Христу.

Во время переписки мы обнаружили, что оба с самого начала стали проповедовать в церквях. Сразу после обращения мы стремились к миссионерской работе, за рубежом. В один и тот же год мы оба ушли из родительского дома в Северной Америке в ответ на Божий призыв: она — в Аргентину, а я — на поиски Ховарда Картера.

Я узнал, что, когда мы разминулись в Британской Колумбии

на один час, она остановилась в той же комнате, где жил до нее я. Там она нашла маленькую рекламку с моей фотографией и объявлением о евангелизационных собраниях.

Вернувшись в Аргентину, она удивилась, услышав по коротковолновому радио серию моих проповедей, которые были записаны на пленку. Ведущий программы HCJB «Голос Анд» из Кито, Эквадор, представил меня как «евангелиста Лестера Самралла, писателя и проповедника пробуждений, путешествующего по всему миру». Он сообщил, что мои проповеди будут транслироваться трижды в день. Она постоянно слушала их.

Узнав, что я должен приехать в Южную Америку, она интересовалась тем, приеду ли я в Аргентину. Но об этом нигде не сообщалось.

Она сказала, что очень хотела познакомиться со мной. Я был польщен этим признанием. Через два года постоянной переписки было вполне естественно просить ее выйти за меня замуж. Поэтому в своем очередном письме я так и сделал.

Она приняла мое предложение также в письме! В день, когда я получил ее славное, чудесное письмо, я сделал такую запись в своем дневнике:

Сегодня я обручился! Через месяц и три дня после того, как я отправил письмо с предложением, я получил ответ.

Сейчас я сижу в огромном аэропорту в Мехико и жду самолета на Такспэн, откуда вернусь обратно к индейцам отоми. Я все читаю и перечитываю письмо от Луизы, которое мне переслали из дома в Чикаго и которое я получил сегодня утром.

Она согласилась уехать из Аргентины и вернуться домой в Канаду, где чуть позже в этом году мы поженимся. Пусть Бог объединит наши жизни с тем, чтобы мы могли выполнить великую работу для Него во всех частях мира. Она сказала, что молилась о моем предложении в течение недели и советовалась со старшими миссионерами.

Моей одинокой жизни пришел конец. Мое сердце чувствует уверенность в том, что она будет чудесным спутником жизни, потому что это Божий выбор и мой.

У меня на счету в банке лежит пятьсот долларов. Я выписал чек на эту сумму, добавил двадцать четыре доллара наличными и отправил все это авиапочтой, чтобы моя избранница могла приехать домой.

Расстояние между нами так велико, а военные ограничения и цензура работают так медленно, что на обмен информацией уходит очень много времени. Надеюсь, что наши письма

прочитает один и тот же цензор и поймет, как это все получилось!

Через три месяца, в мае, она покинула Аргентину и наконец приехала ко мне. Нервничая и волнуясь, я ждал ее в Международном аэропорту в Новом Орлеане. Это была всего лишь третья наша встреча.

Когда ее самолет не прилетел, я очень расстроился. Я был вне себя от волнения. Я стал усиленно молиться за ее безопасность и почувствовал в духе, что все было в порядке.

И только на следующий вечер ее имя появилось в списке прилетающих пассажиров. Но даже тогда иммиграционные власти согласились пустить ее в страну только в том случае, если какой-нибудь американский гражданин поручится за то, что из Соединенных Штатов она выедет далее, в свою родную Канаду.

Конечно, я был более чем рад вырвать ее из рук иммиграционных властей. Мы обнялись, и я повел ее к своему зеленому «хадсону», двухместному закрытому автомобилю. После того как Луиза приехала в свой родной Лондонна-Онтарио в Канаде, мой зеленый «хадсон» стал частым гостем в том районе. Я проводил собрания и крусейды вокруг Мичигана и Онтарио так, чтобы постоянно быть рядом с ней.

Она от меня не отставала и сама принимала приглашения и выступала в самых разных церквях. Однажды мы даже стали своего рода соперниками, когда она поехала в Сарнию на Онтарио, а я проводил крусейд на другом берегу реки Св. Лаврентия в Порт-Хуроне, Мичиган.

Мы навсегда запомнили месяцы между маем и сентябрем, на который была назначена наша свадьба. Это было время, когда мы сблизились еще больше, чтобы впоследствии преодолевать трудности и препятствия в совместной миссионерской жизни.

Это были месяцы романтических взаимоотношений, месяцы нежного взаимного узнавания, когда мы говорили о своем будущем и совместных планах миссионерского служения на годы вперед. За эти месяцы мы начали привыкать друг к другу и еще больше убедились в том, насколько совпадают наши идеалы и мечты. Мы видели, что наша совместная судьба была чудесным образом спланирована Богом. Мы видели Божью руку в том, как Он готовил нас и вел по Своим путям, чтобы впоследствии соединить для общего служения Ему.

Мы поженились 30 сентября 1944 года. Это был чудесный день «бабьего лета», прекрасный день для свадьбы. В 2.30 дня я стоял в церкви лицом к собравшимся, а орган играл знакомый свадебный марш.

Я был типичным женихом. Мое сердце бешено забилось,

когда я увидел мою прекрасную возлюбленную, которую вел под руку ее отчим, преподобный Дж. Д. Спундерс. Я ахнул в то же самое время, как в аудитории послышались тихие восклицания: «Какая красивая невеста!»

Моим шафером был мой брат Эрнст. Богослужение совершил доктор С. М. Уортман, врач-миссионер и дядя невесты.

В конце церемонии бракосочетания миссис Уортман спела «Вместе с Ним», и эта песня стала пророчеством на жизнь, которую мы начинали вместе с Луизой.

Наш союз был объявлен, началась свадьба и прозвучали поздравления.

Затем мой зеленый «хадсон» увез нас в сумерки прекрасного района Онтарио, расцвеченного богатыми осенними красками. Мы направлялись на Ниагарский водопад — медовый рай для новобрачных.

Нам было по тридцать два года.

15. Куда мне теперь идти?

Мы с женой получали много приглашений из Канады и Соединенных Штатов от церквей, которые хотели видеть нас вместе. Луиза действительно стала тем, чего так недоставало моему служению, — незаменимой женой проповедника.

Она прекрасно пела. Я мог ее слушать целыми вечерами, но, конечно же, люди также ждали моих проповедей. Мы вместе искали Божьего направления для нашей новой семьи. Нужно ли нам проводить крусейды на Юге, как в мои первые годы служения? Или нам нужно вновь воссоединиться с братом Картером?

Война еще не закончилась. Выехать за пределы западного полушария было практически невозможно. Перевес уже был на стороне Америки, Великобритании и других союзников, но впереди еще предстояли тяжелые бои, бомбежки Дрездена и Лондона, высадка войск в Нормандии, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки.

Мы искали Господа и исследовали свои сердца. Бог еще раз доказал Свою верность в Своем водительстве и вложил в наши сердца желание отправиться на период медового месяца в миссионерскую поездку. Мы поехали через Квебек и Нью-Брунсвик, откуда попали в суровую Новую Шотландию. В бедных семьях в деревнях, где мы останавливались, для нас делали временные постели у печей. Когда мы проповедовали рыбакам и их семьям, мы поняли, что проповедники практически не наведывались в эти прибрежные канадские провинции.

В декабре мы опять приехали в Соединенные Штаты на большой молодежный сбор в Детройте. В то время Теодор Рузвельт был избран президентом на четвертый срок, а мы отправились в Сан-Хуан и Пуэрто-Рико в Карибском бассейне.

По пути туда мы провели собрания на Кубе и Гаити. Приехав в Пуэрто-Рико, мы посетили местные церкви, основанные самими верующими без помощи иностранных миссионеров. Однако этим христианам приходилось вести исключительно напряженную духовную войну. Многие уважаемые пуэрториканские врачи, юристы и политические деятели хвастались своими контактами с миром оккультизма и спиритизма, в котором демоны творили чудеса и исцеления. Колдуны и знахари постоянно изгоняли бесов, называя их «злыми» духами и используя против них «добрых» духов. Мы чувствовали постоянное противостояние со стороны духовного демонического мира.

Жилищные условия были ужасными: нам приходилось

ночевать в домах, кишащих тараканами, блохами и клопами. Густые тучи москитов преследовали нас повсюду. В результате Луиза подхватила смертельную форму малярии. Врач-американец сказал, что надежды на выздоровление нет. Меня охватила глубокая печаль, и я встал на колени и молился так, как никогда раньше. Я просил Бога о чуде, чтобы Он исцелил и укрепил ее. Он так и сделал!

Мы продолжили наше путешествие через Вест-Индию и Южную Америку и прошли вверх по реке Амазонке тысячу миль. Несмотря на миллионы москитов, у Луизы ни разу не было рецидива малярии. Мы радовались Божьей благости.

На огромной базе военно-воздушных сил в Валлер-Филд на Тринидаде, Вест — Индия, мы с Луизой отпраздновали годовщину со дня свадьбы. Миссионеры, солдаты и христиане на этом острове стали гостями на нашем празднике. Мне подарили чучело крокодила, а Луизе преподнесли чудесный инкрустированный поднос, сделанный из разных ценных пород дерева.

Из Тринидада мы вылетели обратно в Южную Америку, где провели собрания в Гвиане, Суринаме и далее в Бразилии, где и встретили наше второе Рождество, проповедуя вместе на улицах. Куда бы ни мы пошли, к отдельным людям или на массовые крусейды, мы свидетельствовали о любви и милости Иисуса Христа.

Далее мы поехали на Юг через Уругвай, а затем в Буэнос-Айрес, где Луиза восемь лет служила миссионеркой. Там в арендованном зале мы провели крусейд. Мы проповедовали в Чили, а затем в Перу, Эквадоре и в зоне Панам.

В Гватемале у нас была пересадка с одного самолета на другой, и в образовавшемся «окне» мы успели выступить в церкви, а затем полетели в Новый Орлеан.

Что нам нужно делать теперь? Чего хочет от нас Господь? Мы перекрыли пятьдесят тысяч миль в своем чудесном медовом путешествии, во время которого тысячи душ обрели спасение, но что дальше?

Война закончилась. Казалось, весь мир был открыт для нас. И вдруг Луиза сообщила самую радостную весть в нашей совместной жизни — она ждет ребенка!

Ребенок!

Мое сердце было переполнено радостью, а в голове теснились мысли. Ребенок? Нам нужно было место, которое мы могли бы назвать домом. Нельзя же было с грудным ребенком пробираться сквозь джунгли.

Мы купили небольшой домик в Спрингфилде, штат Миссури,

и он стал нашей штаб-квартирой на следующие несколько месяцев. Но я продолжал выступать по всей Америке на конгрессах, лагерных сборах и миссионерских конференциях.

Наш первый сын, Фрэнк, родился на десять дней раньше, чем предполагали врачи. К жене приехали моя мама и сестра, а я отправился в Сент-Луис, чтобы выступить на специальном собрании между Рождеством и Новым годом.

Утром 31 декабря, в семь часов утра, в моем гостиничном номере зазвонил телефон. Я услышал в трубке голос сестры: «Мы только что отвезли Луизу в больницу. Она вот-вот должна родить ребенка».

Я крикнул:

— Я скоро буду. Не выписываясь из гостиницы, не забрав вещи, я побежал вниз. Моя машина была припаркована прямо перед гостиницей, но в спешке и волнении я остановил такси и приказал водителю лететь в аэропорт, чтобы успеть на ранний самолет.

— Моя жена рожает! — объявил я в кассе аэропорта.

— Посадка на самолет, вылетающий в Спрингфилд, начнется через десять минут, — спокойно ответила она, — и мест нет.

— Мне нужно сесть на этот самолет! — воскликнул я. — Я буду стоять, если понадобится. Дайте мне билет!

Она невозмутимо покачала головой.

— Вам придется подождать следующий самолет. — Дайте мне билет! Не надо разговоров — кричал я. — Моя жена рожает ребенка прямо сейчас. Прямо СЕЙЧАС! Не говорите мне ничего, дайте билет!

— Что делать, — ответила она, — вы не успели на этот самолет.

— Не заговаривайте мне зубы, — умолял я, — ДАЙТЕ МНЕ БИЛЕТ.

И она продала мне билет. Я встал первым в очереди на посадку и первым сел в самолет. От Сент-Луиса до Спрингфилда лететь совсем недолго, но этот полет показался мне вечностью. Мне хотелось пойти к летчикам в кабину и сказать: «Давайте, ребята, жмите!»

Я продолжал сидеть на своем месте до тех пор, пока шасси не коснулись земли, но затем я сорвался с места и в аэропорту поймал такси. Я приехал в больницу раньше, чем жена пришла в себя после анестезии. После доктора я первым взял моего малыша на руки.

О, какое чудесное дитя! Он был таким хорошеньким, с маленькой круглой головкой. Я подумал, что он совершенно очаровательный.

Фрэнк родился в Спрингфилде, штат Миссури, 31 декабря 1946 года, как раз вовремя, чтобы мне успеть вписать его в налоговую декларацию для уменьшения налога

Мне было почти тридцать пять лет. Мы были так счастливы! Я просил Господа дать мне сыновей, чтобы они тоже могли служить Ему. Я сказал Ему, что я не хочу в своей семье врачей, юристов или представителей других профессий. Я хочу только проповедников.

На самом деле за то время, пока наши дети росли, мы с женой очень тщательно планировали их будущее. Мы никогда не говорили о моем служении. Мы всегда говорили о семейном служении. Они росли, зная и твердо веря, что мое служение было и их служением. Проповедники должны всю свою семью вовлекать в служение точно так, как если бы они имели какой-нибудь семейный бизнес.

Я советую проповедникам следующее: не оставляйте детей дома. Берите их с собой, учите и воспитывайте их на месте. Библия говорит, что Бог назначил Аарона первосвященником, и с того времени и далее сыновья, внуки и правнуки, и потомки Аарона становились первосвященниками в Израиле.

Когда Бог помазывает человека, Он часто помещает это помазание в его кровь в качестве наследственного признака. В нашей стране многие христиане совсем не понимают сущности священства. Я слышал такие высказывания, например: «Я слишком натерпелся в своем служении и не хочу, чтобы мои мальчики были пасторами».

Я принял решение не походить на проповедников, которые не обращают достаточного внимания на своих детей.

Вскоре после появления на свет Фрэнка меня пригласили вернуться в Европу. Я хотел, чтобы вместе со мной туда поехала вся семья, но Луиза понимала, что Фрэнк был еще слишком маленьким для такого долгого путешествия. Она сказала, что они останутся дома и будут молиться за мою сохранность, за то, чтобы души приходили ко Христу, и за мое быстрое возвращение.

Я отплыл в Саутгемптон, Англия, и, прибыв туда, был поражен, увидев, какие разрушения принесла война. Библейский колледж Хемпстеда, брата Картера, в Лондоне выдержал несколько бомбовых попаданий, которые разрушили большую часть зданий.

Моя встреча с ним была очень радостной. Но было видно, что население Англии и он сам пережили тяжелый эмоциональный стресс. Многие люди еще не успели прийти в себя от пережитого.

Затем я отплыл во Францию и радовался встрече с пасторами и церквями, которые знал прежде. В Нормандии я плакал, глядя

на прибрежную полосу земли, где во время высадки наших войск многие погибли. По всей Европе целые города были стерты с лица земли.

Во время встреч с христианскими лидерами Господь стал говорить к моему сердцу о том, каким образом можно достичь миллионов неспасенных людей. Я начал понимать, что в большей части мира население в основном сконцентрировано в крупных городах. Господь сказал мне: «От пятидесяти до шестидесяти процентов всех стран мира имеют один самый крупный город. Если ты откроешь в этом главном городе большой евангелический центр, ты сможешь воздействовать на всю страну ради Христа». Я стал думать о странах, в которых один город доминировал по всей стране. Я вспомнил о Гаване на Кубе и Боготе в Колумбии.

В частности, мне на ум пришла Манила на Филиппинах. Около восьмидесяти процентов бизнеса всей нации было сосредоточено в Маниле. Правительство, университеты и деловые центры были расположены именно в Маниле. Манила стала сердцем Филиппин. Самые лучшие умы из всех регионов страны притягивались в этот город, чтобы учиться и становиться врачами, юристами и бизнесменами. Я вернулся в Соединенные Штаты с обновленным видением и посвящением. Однако когда я рассказал о своих планах нескольким деноминационным миссионерским советам, они не проявили никакого интереса к евангелизации крупных городов мира.

«Брат Самралл, это слишком дорогой проект», — говорили мне снова и снова. Их слабые аргументы и отсутствие видения приводили меня в ярость.

Тогда Господь показал мне три направления в плане охвата народов мира для Христа.

Во-первых, мы должны связать силы зла, действующие в том или ином регионе. Я увидел настоятельную необходимость связать силы сатаны и освободить людей еще прежде, чем Божье Слово будет проповедано в полной своей силе.

Во-вторых, новообращенных следует учить и наставлять в Слове Божьем. Самые лучшие миссионеры — это не иностранцы, а пылкие и облеченные силой местные евангелисты, горящие желанием обратить свою родину к Иисусу Христу, но сначала их нужно подготовить и утвердить в Евангелии.

В-третьих, я увидел абсолютную необходимость в строительстве евангелических центров в главных метрополиях и столицах. Эти центры будут приводить людей ко Христу, питать паству и высылать сотни и тысячи новых лидеров для того, чтобы обращать своих соотечественников ко Христу, а также открывать

новые церкви.

Апостол Павел тоже работал в самых больших городах своего времени. Оттуда уверовавшие люди несли Евангелие в деревни и города поменьше. Если помните, они зажгли весь мир вестью о спасении.

Я знаю, что если мы будем следовать этому плану, нам не придется сажать под каждым банановым деревом по иностранному миссионеру. Главное — обосноваться в крупных городах, а оттуда направлять национальные кадры для служения собственному народу.

Это видение горело во мне, и я искал Господа, пытаясь понять, как осуществить его на практике. Я был в одиночестве, и, похоже, ни один миссионерский совет не понимал крайней необходимости осуществления этого проекта. Я настойчиво молился перед Богом, но ответа не было. Я был на грани отчаяния, особенно когда Бог указал мне на практически противоположное направление.

Я проводил собрания пробуждения в Мемфисе, штат Теннесси, когда получил совершенно неожиданное приглашение стать пастором в маленькой церквушке в Саут-Бенде, штат Индиана. Честно говоря, когда я получил это приглашение, то не испытал никакой радости. Я никак не мог представить себе, зачем Господу нужно было заставить меня осесть в этом захудалом, чисто американском городке в снежном поясе Америки.

Затем я получил второе, а через некоторое время и третье приглашение из Саут-Бенда. Это заставило меня встать на колени и молить Господа о четком указании и водительстве. Я хотел глаголом жечь сердца людей ради Иисуса, но быть пастором маленькой церкви я не хотел.

Жители Саут-Бенда сообщили мне, что постились и молились, и Господь положил им на сердце напоминать мне о том, что я им нужен. Я был озадачен.

Я был писателем и миссионером, объездившим весь мир. Я путешествовал вокруг света с Ховардом Картером не для того, чтобы венчать молодые пары и отпевать усопших в маленькой церквушке в штате Индиана. «Что происходит?» — спрашивал я Господа.

16. «Плод твой должен пребывать»

Для служителя Божьего нет ничего более радостного, чем приносить плоды. Если такой служитель пас торствует в церкви, то она растет, если он проводит собрания пробуждения, люди спасаются.

С другой стороны, нет ничего более опустошающего, чем отсутствие плодов в служении. Когда попытки оказываются бесплодными, то просто не знаешь, что делать. Начинаешь думать, что, может быть, не пребываешь в воле Божьей, или в характере имеются какие-то изъяны, или дьявол препятствует твоему прогрессу.

Я знаю человека, который провел гигантское пробуждение, в результате которого сто тысяч человек обратились к Богу. Но когда чуть позже я приехал в эту страну и захотел встретиться с новообращенными, уверовавшими во время того пробуждения, то обнаружил, что никто в церквях ничего о них не знает.

— Он не связывался с нами, — объяснили мне церковные лидеры той страны.

Очевидно, евангелист покинул город сразу после того, как закончил свои собрания.

— Он не оставил после себя новой церкви. Он просто уехал с теми видеокассетами, которые отснял во время пробуждения, чтобы показать их у себя там, в Америке, людям, оказывающим ему финансовую помощь. Мы не знаем, найдется ли хотя бы десяток человек из обращенных им людей, которые до сих пор следовали бы за Богом. Так случается с теми, кто пытается творить великие дела для Бога собственными силами, кто пытается достичь успеха собственной мудростью. Проповедники и евангелисты обычно делают хорошие дела, но не всегда самые лучшие.

Мы можем начать служить Богу с пылким желанием, но если не станем слушать, что именно Бог говорит нам, то вернемся к собственному разумению и человеческим уловкам. Именно тогда проповедники начинают имитировать помазание и обманывать самих себя, пытаясь поверить, что с их служением все по-прежнему в порядке.

В сердце своем я не сомневаюсь, что Бог призвал меня еще подростком и отделил на конкретное служение. Он обещал мне: «Если Я тебя избрал и поставил, то ты будешь приносить плод». Его обетование содержится в Евангелии от Иоанна 15:16. Во второй части этого стиха говорится: «Плод твой должен пребывать». Свидетели моей плодотворности — прихожане тех

церквей, которые были основаны мной много лет назад в сельских школах по всему Югу. Эти церкви до сих пор функционируют.

В Австралии я открыл церковь в палатке прямо напротив бара. Сегодня эта церковь насчитывает тысячу прихожан. Сегодня. Не вчера и не месяцы назад, а сегодня. В Англии я основал три церкви. Они до сих пор существуют и растут, благословленные Богом. Сегодня.

Три церкви были основаны мною на Аляске. Они тоже здравствуют по сей день. На Филиппинах имеется несколько церквей, которые я основал и построил сам. В Гонконге я открыл Храм Новой жизни, от которого ответвились две новые церкви. Все эти церкви по-прежнему действуют в силе Святого Духа.

Когда Бог призывает тебя, это истинно. Бог сделает все, что обещал сделать. Помни: Бог отвечает за это. Он — Бог. Мы не боги.

Моя жизнь представляет собой живое свидетельство того, что когда Бог говорит что-то, вы можете в это верить! Все Его слова обязательно осуществятся. Они будут функционировать. Они исполнятся. Ты можешь верить Богу! Но для этого нужно Его слушать. Если ты не поймешь этого, то можешь подумать, что Лестер Самралл полон гордыни и хвалится всеми церквями, которые он основал.

Но это не так. Я советую тебе искать Господа, прежде чем ты попытаешься что-то делать. Повторяю, если ты не сделаешь этого и попытаешься творить великие и благородные дела собственными силами, то обречешь себя на неудачу.

Почему мои церкви процветают? Потому что Господь повелел мне основать их. Потому что я повиновался. Но повиновение всегда дается нелегко.

Почему я должен ехать в Саут-Бенд? Я никак не мог этого понять.

Но это было так просто. Я должен был повиноваться. Или Бог контролирует всю мою жизнь, или нет. Я должен был положиться на Его план для меня и не пытаться сделать все по — своему.

Вот почему мне пришлось согласиться на пасторскую должность в Саут-Бенде, в то время как сам я хотел продолжать международное евангелизационное служение и основать в крупных городах мира евангелические центры.

Мне нужно было повиноваться, иначе я был бы обречен на провал.

Я не хотел ехать в Саут-Бенд. Я знал, что получил правильное видение о создании крупных евангелических центров и что мое стремление евангелизации целых народов было от Бога. Но когда

Бог повелел мне ехать в Индиану, я стал просить Его дать мне выполнить служение по моему желанию.

Он ответил: «Ты никогда не узнаешь Мое сердце, если не будешь пастором. Евангелисты не понимают Мое сердце. Но пастор вникает в печали семьи и самые тонкие взаимоотношения в Моем доме. Он знает, что такое быть пастором, потому что Я — Пастырь. Если ты не станешь пастором, то никогда не поймешь Мое сердце. Я хочу, чтобы ты прошел это испытание».

Бог подтвердил, что церковь в Саут-Бенде будет подготовкой к выполнению той цели, которую Бог уже поло жил на мое сердце.

Это было нелегко. В начале декабря вместе с Луизой и маленьким Фрэнком я приехал в нашу церковь. Мы оказались в маленьком, убогом и ветхом здании с низким потолком.

После того как я изучил обстановку, я сказал пастве, что нужно продать здание и начать строительство нового. Не все согласились с этим. Они проводили собрания в этом здании в течение двадцати шести лет. Они сами построили его и очень любили. Церковь посещали от пятидесяти до семидесяти пяти взрослых и, может быть, около ста детей. В здании можно было разместить сто шестьдесят семь человек, и ни на одного больше. В этих условиях церковь не могла расти.

Кроме того, строение обветшало. Когда шли дожди, крыша протекала. Причем отремонтировать ее было невозможно. Через щели в стенах дул холодный ветер. Рядом со стеной ходить или стоять было невозможно, потому что стены были настолько перекошены, что вы невольно стукались головой о потолок. Это здание было построено добровольцами самостоятельно, без участия архитектора, из бывших в употреблении строительных материалов.

Я не хотел проповедовать в такой церкви.

Я сказал людям: «С этим строением нужно попрощаться. Я не могу здесь работать». Итак, я продал это здание человеку, который устроил в нем типографию.

Я хотел, чтобы наше новое здание было построено на Мичиган-стрит, главной деловой улице Саут-Бенда. В то время на этой улице пустовал целый квартал, но владелец участка (который также владел складом спиртных напитков и занимался продажей автомашин) не хотел продавать его.

К нашему счастью, в церковь стала ходить его мать. Поэтому я попросил ее переговорить с сыном. А затем сам от правился к нему на прием.

Он сказал:

— Ко мне приходила моя мать.

Мне уже говорили, что с ним трудно поладить, поэтому, взяв духовную власть в этой ситуации на себя, я без обиняков заявил ему:

— Она будет приходить к вам снова и снова, если вы не сделаете то, что нам нужно.

Он сказал:

— Ну, хорошо, я могу уступить вам этот квартал за со рок пять тысяч, не меньше.

— Ладно, — ответил я, — но я не хочу платить так много. Я дам вам тридцать пять тысяч. Соглашайтесь.

Он согласился без дальнейших споров и продал нам этот участок. Оставалась одна проблема: у меня не было тридцати пяти тысяч.

Я сказал ему:

— Я хочу доказать вам, что веду честную игру. Как раз сейчас мы продаем церковное здание. Я продаю его за десять тысяч долларов. Итак, я отдам вам эти десять тысяч. Далее я предлагаю вот что: если я не выплачу вам оставшиеся двадцать пять тысяч в течение, скажем, трех-шести месяцев, вы можете оставить себе этот участок вместе с десятью тысячами. А я просто уеду из города.

Он широко распахнул глаза. Это был нечестивый бизнесмен, и ему трудно было поверить в такого рода предложение.

— И вы это сделаете? — спросил он.

— Я так сказал, и я это сделаю. Мы подписали необходимые документы, и я стал владельцем нового участка.

После этого я почувствовал себя немного неуютно. «Где мне взять недостающие двадцать пять тысяч? — недоумевал я. — У меня никогда в жизни не было такой суммы».

«Ну что ж, Господь даст мне эти деньги», — подумал я про себя.

И действительно, не прошло и недели, как мне позвонил один человек с другого конца города и спросил:

— Это вы стали владельцем целого квартала на южной стороне Мичиган-стрит?

— Да, — ответил я. — А в чем дело?

— Мне нужен небольшой участок в этом квартале.

— Нет, я ничего не продаю.

— Что вы хотите этим сказать? — закричал он в телефонную трубку. — Не будьте собакой на сене. Почему бы вам не продать мне кусочек этого сена из целого квартала?

Я сказал:

— Ну, может быть. — Сколько вы хотите всего за сто квадратных футов? — спросил он.

— Наверное, тысяч за тридцать я вам уступлю такой участок, — ответил я, — но предупреждаю: торговаться мы не будем.

Он сказал:

— Всего одно предложение — давайте за двадцать девять тысяч.

— Вы платите наличными? — поинтересовался я.

Он ответил утвердительно.

— Я подготовлю все бумаги, и мы встретимся у нота риуса.

На часть вырученных денег мы купили большую палатку и поставили ее на Мичиган-стрит. В течение одиннадцати недель мы проводили в ней крусейды. Мы перевезли в палатку воскресную школу, офис церкви и все делопроизводство. Многие говорили: «Мы потеряли свою церковь». Но за время палаточного крусейда на центральной улице города мы утроили количество прихожан нашей церкви.

В то же самое время Господь постоянно обеспечивал нас финансами для строительства нового здания церкви.

Однажды утром ко мне пришла женщина.

— Должна сказать, что мне не нравитесь ни вы сами, ни ваши проповеди, — заявила она, — но Бог велел мне дать вам тысячу долларов на строительство церкви. Вот они.

На нашей улице, прямо напротив палатки, в большом и неухоженном доме жил один старик. Он часто сидел на веранде своего дома в кресле-качалке и слушал наши выступления на собраниях. Но к нам в церковь он никогда не приходил.

Однажды он прислал ко мне человека с просьбой зайти к нему.

Я пришел и спросил:

— Чем могу служить, сэр?

— Отвези меня в центр города.

Я подумал: «Я провожу палаточные собрания и пытаюсь построить церковь, а этот человек, который даже не знаком со мной, хочет использовать меня как своего личного водителя!»

— Отвези меня в центр города, — повторил старик, — у меня нет никого, кто мог бы это сделать.

Я минутку подумал и сказал сам себе: «Ну что ж, Библия велит нам всем быть слугами, и мне тоже нужно по служить этому человеку».

— Хорошо, — сказал я, но сам подумал: «В городе столько проповедников, почему бы ему не позвать кого-нибудь другого?»

Я посадил его в машину и спросил:

— Куда поедем?

— Отвези меня в банк.

Услышав это, я решил, что ему нужно получить пособие из органов социального обеспечения.

Итак, я отвез его в центр города и помог войти в банк. Я сел в уголок, а про себя ворчал на старика, который отнимал у меня драгоценное время. Я был очень занят, а в тот вечер мне нужно было проповедовать.

Он стоял у окошка и разговаривал с кассиром. Вдруг он повернулся ко мне и спросил:

— Пастор, тебе нужны деньги?

— Да, конечно, — ухмыльнулся я.

— Сколько денег тебе нужно на сегодня?

— О, достаточно много. — Я даже подумать не мог, что у него есть деньги. Он выглядел так, словно у него в кармане и цента лишнего не было. Он был старым человеком и жил один. У него не было никого, кто помог бы ему содержать дом в чистоте.

— Четырех тысяч хватит?

Я вскочил со своего места. С этой суммой на сегодняшний день у нас было бы двадцать тысяч.

Я сказал:

— О, да, сэр, вполне хватит!

Кассир выдал ему четыре тысячи наличными.

Затем старик повернулся ко мне и сказал:

— Ну, значит, на сегодня тебе хватит. Тогда поехали домой.

Он делал так несколько раз, а в тот день, когда мы освящали новую церковь, он умер. Я проповедовал на его похоронах. День, когда он закончил помогать строить нашу церковь, стал последним днем его жизни.

Наступила зима, и из-за морозов мы не могли продолжать собрания в палатке. Поэтому на время нам пришлось арендовать третий этаж здания в центре города, а тем временем мы заканчивали строительство нашей церкви. К лету мы уже проводили собрания в новом зале, который вмещал тысячу человек. Мы назвали нашу церковь Храмом Голгофы.

Почти сразу после того, как мы переехали, ко мне пришел евангелист Рекс Хамбард и сказал:

— Можно провести у тебя собрание?

— Конечно, — ответил я.

Его крусейд привлек так много народу, что полицейским пришлось рядом с нашей церковью регулировать движение транспорта. К нам приезжали также евангелисты Клифтон Эриксон и Орал Робертс, и люди стали свидетелями мощного движения Бога.

В воскресной школе количество учащихся возросло до двух тысяч трехсот человек.

Тем временем росла и наша семья. 27 июля 1950 года на свет появился наш второй сын, Стивен.

В Саут-Бенде мы не остановились на достигнутом. Мы смогли купить участок земли площадью в десять акров и скромный домик для священника на окраинной тогда дороге.

Господь открыл мне путь для шестинедельной миссионерской поездки в Европу, Израиль, Египет, Индию и на Филиппины. Шел 1950 год, когда мне исполнилось тридцать восемь лет.

Самое значительное событие произошло во время трехдневного общегородского крусейда в Маниле, Фи липпины.

В этом огромном городе с населением в несколько миллионов человек не было ни одной церкви, приводящей людей ко Христу. Однако в джунглях было расположено множество миссий.

Вторая мировая война закончилась за пять лет до этого, но большинство зданий в центральной части Манилы оставалось поврежденными после долгих лет яростного сопротивления японцам, которые захватили Филиппины сразу после нападения на Пирл-Харбор.

Японцы повели себя с исключительной жестокостью. Они решили сломить дух этой нации, которая смело сражалась как союзник американцев. Многие американцы погибли или были взяты в плен в битве под Батааном или при осаде Корригедора в Манильском проливе.

За пять лет сопротивления жестоким и мстительным японским захватчикам национальный дух филиппинцев не был сломлен. Но филиппинцы сильно пострадали, и теперь они были охвачены отчаянием.

Мы арендовали стадион Ризал и стали свидетелями того, как сотни людей ответили на призыв отдать свои сердца Христу. Однако после проведения крусейда я почувствовал сильную озабоченность их судьбой, поскольку они остались без руководства и даже без места, где они могли бы поклоняться Господу.

Вскоре после моего возвращения в Саут-Бенд мы проводили миссионерский съезд, когда вдруг Господь заговорил к моему сердцу. Он напомнил о моем видении миллионов людей, которые отправлялись в ад. Я понял, что Господь спрашивает меня: «Лестер, поедешь ради Меня в Манилу?»

Я спросил Господа, освободит ли Он меня от пасторства. Он ответил утвердительно. Более того, Господь сказал мне, что на Филиппинах Он сделает для меня больше того, что делал прежде.

— О, это будет здорово! — сказал я Луизе. — Если Бог обеспечивал нужды моего служения здесь, в Саут-Бенде,

представь себе, что Он будет делать в Маниле!

В Сан-Франциско наша маленькая семья погрузилась на борт шведского грузового судна, и через двадцать два дня мы добрались до Манилы.

«Что? — можете сказать вы. — Вы имеете в виду, что вы взяли с собой старшего малыша и новорожденного с собой в трущобы Манилы?»

Именно так. На самом деле в Маниле у нас родился третий сын, Питер. Любой муж, призванный на служение Богом, в соответствии с Писанием в первую очередь призван быть священником в собственной семье. Как я мог оставить семью и продолжать быть ее священником? Я абсолютно убежден в том, что служитель, который не служит своей семье, будет опозорен и останется с разбитым сердцем. Сколько раз вы слышали о проповеднике, у которого сын наркоман или дочь, обесчестившая его имя? Такие случаи позорят имя нашего Господа.

Я не хотел, чтобы мои мальчики стали жертвой моего служения. Я старательно исполнял обязанности священника в своей семье. Я рассказывал детям перед сном библейские истории, обнимал их, когда они проигрывали в соревнованиях, радовался вместе с ними, когда они получали призы в конкурсах, и, конечно, пылко молился за них. Нам, родителям, нужно молиться за детей с самого раннего их возраста, моля Бога сделать их Его служителями. И нужно просить Его о правильном супруге для наших детей, ведь это так важно!

И не забывайте: дружной бывает та семья, в которой играют вместе. Это действительно так. Играйте со своими детьми. Радуйтесь вместе с ними.

Я учил всех троих моих сыновей плавать и играть в гольф. В бойскаутских вылазках я учил их разводить костер, не давать ему угаснуть и не спалить стоящие рядом деревья. Я играл вместе с ними в теннис и баскетбол. Мое сердце исполнялось гордостью, когда они достойно выступали против меня на теннисном корте или в гольфе! По правде говоря, после долгих лет моих уступок в спортивных играх со стороны моих повзрослевших сыновей было бы вполне честно теперь уже поддаваться мне.

Моя семья всегда была очень важной составной частью моего служения. Бог благословил меня детьми и дал мне право воспитывать и растить их. Они были моими детьми, и только моими. Вот почему мне нужно было уделять им достаточно времени.

Когда наступало время моего общения с семьей, ничто не могло помешать этому. По вечерам я выходил из офиса, и на этом мое служение в церкви заканчивалось до следующего утра. Я

закрывал дверь и до следующего дня прощался со всеми проблемами. Наступало время служить семье и все свое внимание уделить жене и сыновьям.

Я никогда не обременял жену проблемами своей церкви. За долгие годы служения я видел многих пасторов, чьи жены находились на грани нервного срыва, не в состоянии выдержать напряжение служения своих мужей. Обязанностью Луизы было вести дом. Я не загружал ее бедами и заботами других семей в своей церкви. Когда я приходил домой, я не говорил о проблемах, с которыми разбирался в течение рабочего дня. За обедом мы слушали наших взрослеющих ребят, которые рассказывали о том, что они делали в школе или во что они играли. Мы с женой смеялись над их шалостями и хлопали в ладоши, радуясь их успехам. Это было семейное время, когда мы делились друг с другом и вдохновляли друг друга.

Три сына в семье — дело непростое, но нам было легко, потому что мы учили их любить своих братьев. И действительно, я никогда не слышал, чтобы наши сыновья ссорились. Конечно, иногда они огорчались, но никогда не говорили один другому грубых или злых слов и не обижали один другого.

Они были благословением для моего служения. Они стали маленькими путешественниками. Если я уезжал куда-либо на время, то всегда брал с собой всю мою семью. Я нес за них ответственность.

И в Манилу я взял с собой свою семью. Позже я забрал семью и в Гонконг, где им опять пришлось привыкать к новой церкви. Это было время учебы и испытаний, и я не мог его потратить впустую.

17. Время по-филиппински

В Маниле нас ждал сюрприз. Наши знакомые дали нам в аренду заброшенный овощной рынок в Тондо, одной из наихудших трущоб в Маниле в восьми милях от центра города. Наша «церковь» представляла собой уродливое, открытое всем ветрам строение со стенами из железных решеток, обвитых сухими коричневыми банановыми листьями. Строение стояло рядом с открытым сточным каналом.

Во время первых собраний рядом на территории рынка в грязной яме лежали две вздувшиеся дохлые свиньи, облепленные мухами. Вонь была невыносимой даже после того, как мы убрали их. Нам всем приходилось дышать через платки.

На первое богослужение пришли сорок человек. Двадцать пять из них были студентами местной библейской школы, а остальные служили в близлежащих миссиях. Насколько я мог судить, ни одного неспасенного человека в собрании не было. Если мне не нравилась первая церковь в Саут-Бенде, то от этой немыслимой «церкви» я был в отчаянии. Я буквально не знал, что делать.

Мое сердце рвалось к деловой и пульсирующей активной жизни центра города, где можно было привлечь к себе внимание миллионов людей. Здесь же с наступлением темноты никто не выходил на улицу. Это было опасно.

Я стал молить Господа о том, чтобы Он дал нам участок в центре Манилы, где мы могли бы построить евангелический центр, о котором я мечтал все эти годы. Это будет не просто церковь. Мы хотели построить энергетический центр, из которого будут исходить потоки благословений в области евангелизации и обучения местных кадров, которые приведут эту страну к Иисусу.

Мы все начали молиться и просить Бога дать нам землю. И Он сделал это. Он дал нам чудесный участок земли в центре города, в двух кварталах от здания Национального конгресса. Это было великолепное место: мы располагались на деловой и оживленной магистрали города, недалеко от YMCA (Ассоциация молодых христиан), штаба Красного Креста и местного филиала Американского библейского общества. Более того, во время войны этот участок уже был очищен для нас бомбежкой.

С помощью друзей в Америке мы собрали двадцать тысяч долларов, необходимых для приобретения этого участка в собственность. Однако гордым филиппинцам иностранцы уже поднадоели, и им не хотелось иметь у себя под боком американцев, которых они считали очень богатыми. Пока у нас не

было здания и паствы, а у меня было больше свободного времени, я решил узнать о филиппинцах как можно больше — об их культуре, истории и привычках. В конце концов Иисус пришел на землю для того, чтобы отождествиться с нами и со всеми нашими проблемами. Я не мог сделать ничего меньшего для этих милых людей, к которым послал меня Бог.

Среди всего прочего я узнал, что у филиппинцев исключительно сложная концепция времени. Если мы объявляли начало занятий в воскресной школе на половину того утра, то первые люди появлялись около одиннадцати часов, большая часть из них добиралась до нас лишь к полудню. Я был в отчаянии, но делал все, чтобы привык нуть к этому.

Однажды один из местных должен был отвезти моего друга на причал. Когда они приехали в порт, оказалось, что судно часом раньше уже покинуло город. Я выразил свое недоумение, и тогда этот человек попытался мне объяснить, что значит «время по — филиппински».

Он терпеливо сказал мне: «Брат Самралл, ты должен понять, что здесь, на Филиппинах, мы торопимся не спеша».

На самом деле многие филиппинцы считали, что американцы слишком большое значение придают времени и планированию времени, невольно становясь его рабами. Поэтому они выражали свой протест через пассивное сопротивление, постоянно и везде опаздывая.

Чиновники в этой стране тоже работали чрезвычайно медленно. Если вам нужно было получить разрешение, или резолюцию, или копию документа через десять дней, то вполне можно было ожидать, что через месяц какое-нибудь низкого ранга официальное лицо вернет вам ваш документ, сославшись на мелкую ошибку, которую можно было исправить сразу, когда вы только сдавали документ на рассмотрение.

Чиновники не только ожидали взяток, они считали их обязательным элементом в рассмотрении любого дела. На Филиппинах существует особый вид профессиональных посредников, которые за неимоверно высокую плату помогут вам подкупить нужного человека для того, чтобы получить необходимые бумаги. Это раздражало меня, и в результате все наши ходатайства о получении разрешений и лицензий легли под сукно у бесконечной череды государственных бюрократов.

Другие привычки, однако, были прекрасными. Например, если вы принимали на работу местного жителя, а он вдруг передумывал работать на вас, то он обязательно присылал вместо себя брата или кузена.

Теперь, когда у нас был свой участок, нам нужно было

построить здание. Бог повел меня к разобранному ангару для самолетов Б-52, который хранился в огромном гараже, принадлежавшем компании «Пепси-кола». И хотя материалов там было на пятьдесят тысяч долларов, нам все это продали всего за десять тысяч.

Когда мы привезли все части разобранного ангара на наш участок, они заняли всю территорию без остатка. Мы наняли отличного местного архитектора, который обещал спроектировать привлекательный фасад и интерьер. Я представлял себе кафедральный купол, венчающий здание из стекла и стали высотой в сорок футов. Над входом должна быть огромная вывеска: «Храм Вефиль — Христос есть ответ». В конце концов мы должны были соответствовать стандартам окружения, в которое попали.

Тем временем мы договорились провести общегородской крусейд на стадионе Сан-Лазаро. Американский евангелист А. Вальдес-младший согласился выступить на нем. Мы напечатали рекламу, раздали листовки, а в престижной газете «Manila Times», распространявшейся по всей стране, напечатали дорогостоящее объявление. На первом собрании было около тысячи двухсот человек. Каждый вечер народу становилось все больше, и, наконец, на каждом собрании количество присутствующих достигало пяти тысяч. В конце служения проходы заполнялись сотнями людей, отвечавших на призыв к спасению. Затем до полуночи мы молились за исцеление больных.

Когда мы объявили о водном крещении, которое решили провести в последнее воскресенье крусейда, на служение пришли тысячи человек. В тот день мы крестили триста пятьдесят девять человек. Эта группа стала ядром нашей церкви в Маниле.

После этого мы столкнулись с главными проблемами. Городские власти еще не решили, что с нами делать. Действительно, какой-то иностранец в самом центре города намерен возвести здание из бывшего ангара для самолетов Б-52. Он утверждает, что хочет построить самую большую протестантскую церковь в городе. Кроме того, я категорически отказывался давать взятки, и у меня не было связей в местных политических кругах.

Нас также не спасло то, что мы были независимой группой, поскольку большая часть чиновников принадлежала к методистской или традиционной католической церкви, или же это были мусульмане, спиритисты, анимисты, индуисты и буддисты.

В течение полугода я, казалось, просто пытался головой стену

прошибить. Меня отсылали от одного чиновника к другому, но разрешение на строительство церкви я так и не мог получить.

Я стал сомневаться в том, что правильно понял Божью волю. Может быть, мне следовало остаться в Америке? Мое видение мощного филиппинского пробуждения никак не осуществлялось.

Когда я в отчаянии молился, Господь заговорил ко мне.

— Кто послал тебя? — спросил Он.

— Ты.

— Значит, — сказал Он, — Я Сам позабочусь обо всем. Затем Он сделал нечто невероятное.

Он послал нам Клариту Виллануэву, семнадцатилетнюю сироту, дочь проститутки и гадалки. Она находилась в заключении в городской тюрьме. Впервые мы услышали о ней по радио.

— Добрый вечер, леди и джентльмены, — раздался голос диктора. — Если у вас слабое сердце, пожалуйста, выключите радио.

У меня было крепкое сердце. Мое сердце должно быть крепким, если я собираюсь преодолеть официальную бюрократию, которая пытается взять меня измором.

Я увеличил громкость. И вдруг из радиоприемника раздались душераздирающие крики и вопли, а потом началось светопреставление.

— Помогите мне, помогите мне, — срывался на визг молодой женский голос, — они убивают меня.

На фоне этого хаоса звуков послышались мужские голоса: «Это можно объяснить так…», «Я думаю, это припадок эпилепсии», «В таких случаях часто можно наблюдать галлюцинации…», «Эта девушка страдает от крайней степени истерии».

Я услышал и другие голоса: «У нее посинело лицо!», «Смотрите, у нее на шее появились новые следы зубов». Послышались крики: «Смотрите!», и затем опять полные ужаса и мук вопли девушки. Это было действительно страшно — девушка, одержимая дьяволом. Я слышал эти крики множество раз и раньше.

Диктор вел передачу из тюрьмы Билибид. Он рассказал, что Кларита Виллануэва, молодая девушка из провинции, подвергается атакам невидимых демонов.

Ее могли признать невменяемой, если бы не двадцать пять свидетелей, включая начальника департамента полиции города Манилы, которые подтвердили, что прямо у них на глазах на теле девушки появились необъяснимые Следы укусов.

Я вскочил на ноги.

— Луиза, — крикнул я, — эта бедная девушка одержима демонами. Я рассказывал тебе о таких случаях на Яве, в Китае, Европе и даже в Америке. Это ужасно. Дорогая, постарайся уснуть. Я пойду в другую комнату.

Я лег на пол и стал плакать перед Господом за этого ребенка, который так сильно страдал. В моих ушах стояли ее леденящие кровь крики и мольбы о помощи. Я просил Господа изгнать из нее бесов и освободить ее.

Рано утром Бог положил мне на сердце отправиться в тюрьму, где Он использует меня для ее освобождения и принесет на Филиппины мощное пробуждение.

Сначала я воспротивился повелению идти в тюрьму. Но по радио сообщили, что врачи, ученые, профессора и другие специалисты и даже спиритисты пытались помочь девушке, но безуспешно.

Я снова включил радио. Диктор рассказывал о том, сколько несчастий пережила семнадцатилетняя Кларита. Своего отца она не помнила. Он умер, когда она была совсем малышкой.

Ее покойная мать была проституткой и профессиональной предсказательницей. Она проводила спиритические сеансы, вызывала духов умерших и использовала дар ясновидения, чтобы предсказывать своим клиентам, чего им ждать в будущем.

Мать умерла, когда Кларите было около двенадцати лет, и девочка оказалась на улице. Ее учителями были местные проститутки. К своим семнадцати годам Кларита стала завсегдатаем баров и злачных мест Манилы.

Однажды в два часа ночи на одной из центральных улиц города Кларита совершила ошибку. Она предложила свои услуги полицейскому офицеру, одетому в обычную одежду. Ее арестовали и доставили в тюрьму Билибид. Это трехэтажное старое здание было построено испанскими коло нистами, затем его использовали американцы, а после — японские оккупанты в качестве места допросов и пыток. Через два дня после заключения уличную проститутку стали кусать невидимые существа. Очевидно, их было двое: чудовище огромных размеров и монстр поменьше. Они вонзали клыки и зубы глубоко в ее плоть, после чего на девушке оставались кровавые отметины. Они кусали ее в шею, спину, ноги и руки одновременно. Кровоизлияния от укусов были в основном подкожного характера. Девушка медленно сходила с ума, а специалисты не могли объяснить, что с ней происходит.

Когда девушку положили в тюремную больницу для обследования и лечения, врачи заявили, что никогда ничего подобного они не видели. Необъяснимые атаки происходили

ежедневно, приводя в ужас всех тех, кто видел это.

Я выключил радио и понял, что мне придется пойти в тюрьму.

На следующее утро все газеты сообщили сенсационную новость. Доктор Мариано Б. Лара разрешил всем заинтересованным в этом деле специалистам принять участие в исследовании феномена. Филиппинские, китайские и американские врачи, университетские профессора и другие эксперты пытались проанализировать ситуацию.

Даже карикатуристы в то утро со слов Клариты нарисовали портреты демонических существ. Международные средства массовой информации стали публиковать сообщения о деле Клариты во всех других странах. В частности, один журналист сообщил, что когда лечащий врач обвинил девушку в симуляции, она пристально посмотрела на него и сказала: «Ты умрешь».

По словам репортеров, доктор Мануэль Рамос выступил с заявлением о том, что он не верит в сверхъестественную природу этого феномена. Он заявил, что все происходящее было не чем иным, как фальсификацией.

По словам очевидцев, врач поспорил с Кларитой, и она предсказала ему, что он умрет. В этот же час на следующий день врач внезапно и, казалось, беспричинно умер. Вскрытие определило обширный инфаркт.

Пока я читал все эти сообщения, я подсчитал, что все это происходит уже в течение трех недель. Газеты также рассказали о тюремщике, который несколько ранее тоже пострадал от своего неверия. Капитан Антонио Ганиби, старший офицер тюрьмы Билибид, почувствовал раздражение, когда девушка заползла под его письменный стол. Она истерично хохотала, поскольку, по ее словам, демоны щекотали ее.

Он велел ей немедленно выйти из — под стола. Но она продолжала заходиться в смехе и извивалась так, словно невидимые пальцы действительно щекотали ее. Когда она наконец вылезла из-под стола, то попросила капитана вернуть ей маленькое металлическое распятие, которое обычно носила на шее.

— Капитан Ганиби, — сказала она, как рассказывают, низким умоляющим голосом, — где мое распятие?

— Не знаю, — ответил он.

Она заглянула под стол, где некоторое время назад хохотала от щекотки, а потом попросила офицера:

— Загляните в свои карманы. Может быть, оно у вас.

Капитан вывернул оба кармана, чтобы она убедилась, что в них ничего нет. Но одержимая демонами девушка странно

посмотрела на него и ноющим голосом попросила опять:

— Капитан, загляните еще раз в свои карманы!

Он почувствовал, как по спине у него пробежал холодок, и когда он засунул руки в карманы, то в одном из них, как ни странно, обнаружил распятие девушки. Капитан вернул его, и девушка сказала, что вскоре ему предстоит умереть. Действительно, капитан Ганиби заболел и, как сообщала пресса, «скоро увял, как цветок под палящим солнцем». Вскрытие не обнаружило никаких органических патологий.

Кларита рассказывала, что большой демон был очень крупным монстром. Он был черным и очень волосатым. С обеих сторон из рта у него торчали клыки. Врачи подтвердили ее рассказ на основании следов, оставленных на ее теле зубами демонов.

Меньший своими размерами походил на карлика. Он взбирался по ее телу, чтобы кусать верхнюю часть тела. Оба духа любили кусать ее там, где было больше плоти, например, в икры ног, заднюю сторону шеи, верхнюю часть рук у плеч. Они глубоко вонзали зубы, оставляя уродливые и болезненные синяки.

Газеты сообщали, что доктор Лара и его помощники пригласили всякого рода наблюдателей, медиков, хирургов, психиатров и профессоров из Дальневосточного университета, а также из Университета Св. Фомы. Но никто не мог предложить решения этой проблемы. Напротив, многие боялись, что сами станут очередной жертвой ее проклятия.

Доктор Лара и его работники, по словам представителей прессы, обратились к коллегам за рубежом. В ответ на обращение к ним поступило три тысячи телеграмм, в основном из Японии и Индии. Иностранные специалисты советовали, что делать с невидимыми кусающимися монстрами. Но ни один христианин не взялся ответить на эту проблему.

Рассказывают, что группа спиритистов обследовала девушку и пришла к заключению, что ее кусает Иоанн Креститель.

В то утро Бог сказал мне:

— Если ты не пойдешь, Мне некого будет послать.

Так впервые я узнал, что Богу нужен именно я. Мне это было очень приятно.

Я сказал:

— Хорошо, если Тебе некого послать, кроме меня, я пойду ради Тебя, хотя мне совсем не хочется идти.

Я сел в машину, но поскольку я не знал, где находится тюрьма, то решил вначале навестить моего друга-архитектора. Он был миллионером, владельцем обувной фабрики и роскошного особняка и в то же время приятным человеком.

Я спросил его:

— Вы слышали что-нибудь о девушке, которую кусают демоны?

— О, да, я все время читаю о ней в газетах. Это просто удивительно.

— Я хочу помолиться за нее.

— Я поеду с вами.

— Он был католик и не знал, во что ввязывается. Он просто хотел посмотреть на сумасшед шую женщину.

— Вы знаете мэра города? — спросил я.

— Да, конечно, он часто плавает в моем бассейне, когда у меня бывают вечеринки. Мы с ним очень хорошие друзья.

Я спросил:

— Вы сможете провести меня в его офис без предварительной записи?

— Конечно. Из подвала городского муниципалитета на личном лифте мэра мы сможем попасть к нему прямо в кабинет.

В этом городе с многомиллионным населением четырехэтажное здание городского муниципалитета занимает п римерно два квартала.

Итак, мы заехали в подземный гараж муниципалитета. Оттуда мы попали в подвальное помещение, где сели в секретный лифт, который доставил нас в огромный кабинет. Мэр сидел за необъятным столом, окруженный примерно пятнадцатью служащими, и подписывал документы.

Кабинет мэра всегда представляет собой центр деловой активности, особенно в странах третьего мира, где каждый стремится подружиться с мэром.

Мы увидели, что перед мэром на столе лежала кипа бумаг, но он в то же время разговаривал с людьми. Это был очень крупный мужчина, ростом более шести футов. Во время войны он участвовал в Сопротивлении и воевал в партизанском отряде против японских оккупантов. Он знал, что такое переходить горы и вступать в схватки с автоматом на шее.

Мой друг позвал его: «Арсенио», но мэр не обратил на него никакого внимания. Он разговаривал с людьми и подписывал бумаги.

Архитектор повторил: «Арсенио!» Они были друзьями, но мэр даже глаз не поднял.

Наконец мой друг сказал:

— Арсенио, этот человек хочет изгнать дьявола из Клариты.

И вдруг ручка выскользнула из пальцев мэра и полетела в дальний конец стола. Мэр встал и переспросил:

— Что? Что? Что?

— Этот американец хочет пойти в тюрьму и молиться за ту девочку. Ты выдашь ему разрешение?

Мэр обошел вокруг стола и, возвышаясь надо мной на два фута, положил руки мне на плечи и сказал:

— Разве вы не знаете, что лечивший ее врач умер и надзиратель тюрьмы тоже умер? Я не хочу, чтобы следующим был американец.

Я сказал:

— Я не умру. Бог обратился ко мне и повелел изгнать из нее дьявола, чтобы она получила исцеление.

Мэр этого огромного города осмотрел меня с ног до головы и спросил:

— Вам не причинят вред? Я не могу допустить, чтобы пострадал американец. Это приведет к международному скандалу, вы же знаете.

Я сказал:

— Мистер Лаксон, мне ничто не повредит. Я не собирался приходить, но Иисус велел мне сделать это. — Я раскрыл Новый Завет и прочитал ему отрывок из Евангелия от Марка (16:17): «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов».

Он никогда не видел этого стиха. Конечно, он вообще не читал Библию.

Он спросил:

— Это правда?

— Да, это сказал Иисус.

— Вы не умрете, если пойдете туда? — снова спросил он.

— Нет, — ответил я, — я не умру.

— Ну что ж, тогда идите.

— Я пойду, если вы согласны.

Он ответил:

— Я согласен, — и велел одному из своих помощников:

— Соедините меня с тюрьмой Билибид.

18. Измученная демонами

До тюрьмы, находившейся на противоположном конце Манилы, мы добирались полчаса. Пройдя в тюрьму, мы стали искать главного врача. Мы нашли его в морге, занятого двумя трупами. На нем был резиновый фартук, и он пытался выяснить причину смерти, которая произошла предыдущей ночью.

Он спросил нас несколько вызывающе:

— Чего вы хотите?

— Я пришел помолиться за Клариту Виллануэву, девушку, которую кусают демоны.

Сначала он рассердился за то, что я во всем обвинил демонов.

Я рассказал ему о том, с чем мне пришлось столкнуться на Яве и в Европе. Мой рассказ, казалось, произвел на него впечатление. Я объяснил, что Кларита была одержима нечистой силой и что я могу избавить девушку от ее мучителей.

Затем со всей серьезностью врач сказал, что за все свои тридцать восемь лет медицинской практики он произвел более восьми тысяч вскрытий, но никогда и ни в одном трупе он не видел демонов.

Я вежливо кивнул, решив, что пока не время для представления доктринальных объяснений природы сатаны и его демонов или теологии избавления от них. Я просто предложил ему самому стать очевидцем мощного проявления Божьей силы над силами зла.

Он кивнул, но, как мне показалось, я его не убедил. Пришлось объяснить доктору Ларе, что я знаю, что делаю, и что я знаю, как помочь девушке.

Я начал медленно объяснять:

— Доктор Лара, во вселенной существует три источника силы. Есть так называемая «позитивная сила», или сила созидательного и благого Бога. Есть «человеческая сила», или сила людей, живущих здесь, на земле. Затем есть «негативная сила», или злая и разрушительная сила дьявола. Эти силы вполне реальны и очевидны. Как вы думаете, Кларита действует под влиянием Божьей силы?

Доктор Лара медленно покачал головой и ответил:

— Нет, это не Божья сила. — Тогда, учитывая ваш опыт работы с человеческими существами, может быть, она действует вполне соответственно реалиям человеческой силы?

— Нет, действия этой девушки не связаны с силой человеческих существ.

— Тогда остается только одна сила. И это действие демонической силы!

Затем доктор Лара заметил, что его обширный опыт работы медика не подготовил его к встрече с явно «сверхъ естественным» явлением.

Я продолжал:

— Доктор Лара, если бы во вселенной «позитивная сила» не могла контролировать «негативную силу», то наша вселенная разлетелась бы на мелкие кусочки. Если бы добро не могло превалировать над злом, тогда, значит, зло намного сильнее, чем добро. Но это не так. Если в этой девушке сидит злая сила, тогда Иисус Христос может освободить ее от этой силы.

Затем я прочитал отрывок из Евангелия от Марка (16:17): «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов».

Доктор Лара посмотрел на меня и сказал:

— Я верю. Но кто нам поможет? — Он пояснил, что капеллан тюрьмы Билибид, католический епископ Филиппин и священники из католического центра исцелений в Бакларане отказались молиться за нее, поэтому, сказал он, помощи от христианской общины ждать не придется.

Он повернулся ко мне и сказал:

— Преподобный, я достаточно смирен, чтобы признаться, что я сильно напуган.

Я сказал:

— Клариту нашли вы, и вы можете быть следующим.

Он кивнул, и на его лице появилось озабоченное выражение.

Я снова открыл Библию и сказал:

— Позвольте мне прочитать вам этот стих еще раз. — Я опять обратился к Евангелию от Марка (16:17): — «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов».

— Кто это сказал? — спросил доктор.

— Иисус. Это были Его последние слова, которые Он сказал перед Своим вознесением на небеса.

— Понятно. — Он слышал этот стих впервые в жизни. — Хорошо, — сказал он, — раз Иисус сказал это, значит все должно быть в порядке.

Я сказал:

— Да, все будет в порядке.

Он спросил:

— Вы сможете сделать это?

Я ответил:

— Иисус сможет. Он сказал, что уверовавших будут

сопровождать Его знамения. Я имею веру.

— Хорошо, — повторил он, — давайте сделаем это.

Давайте сделаем. Что он имеет в виду под этим «давайте»? Но к этому моменту я уже очень сильно устал. Пока я добрался до архитектора, потом визит к мэру, после чего тюрьма Билибид. На часах было уже половина одиннадцатого. Я устал. Стоял май, самый жаркий месяц года в Маниле.

Я сказал:

— Я слишком устал. Завтра утром я приду к восьми часам, тогда и начнем работать.

Я попросил, чтобы на период молитвы за девушку ей не давали никаких медикаментов, чтобы за нее не молились никакие другие люди и не предлагали каких — либо услуг или помощи, пока я не закончу. Если Иисус исцелит ее, то вся слава должна принадлежать только Ему. Доктор Лара согласился. Мы назначили время молитвы на восемь утра следующего дня.

Я не ел с вечера предыдущего дня и, придя домой, закрылся в комнате, лег на пол и молился, и постился весь день. К следующему утру я бодрствовал уже две ночи и не ел в течение полутора суток. Я. ощущал в себе мощный Дух Божий.

На следующее утро в назначенное время я уже был в тюрьме Билибид. Как только я попал за ограду, то почувствовал, что произойдет схватка между Богом Илии и пророками Ваала, и тогда все зрители узнают, что Господь наш есть Бог.

Билибид с ее многовековой кровавой историей должна была стать очевидцем нового вида битвы. Здесь испанцы держали в заключении свои жертвы. Здесь японские оккупанты творили немыслимые зверства. Здесь американские военнопленные едва ли не умирали от истощения, пока союзные войска не освободили их. И сейчас за этими стенами томились сотни преступников, нарушивших закон. Мягко говоря, это место было неприветливым.

После встречи накануне тюремный доктор созвал всех своих друзей: полицейских, врачей, университетских профессоров, а также прессу. Итак, у нас было около ста двадцати пяти наблюдателей. Когда я вошел к ним и увидел всех этих людей, то сказал:

— Эй, я только хотел помолиться за нее!

Доктор ответил:

— Если вы собираетесь что-то делать, то вам придется делать это в нашем присутствии. Весь мир узнал об этом случае, и вы ничего не сможете сделать без свидетелей.

Я сказал:

— В таком случае начнем.

Выйдя из главного корпуса, мы прошли в здание женской тюрьмы, занимавшей территорию больше городского квартала. Меня сопровождал наш церковный архитектор, католик по вероисповеданию. Доктор Лара привез профессора из Дальневосточного университета.

Когда мы подошли к камере Клариты, я еще раз посмотрел на людей, которых пригласил доктор Лара. Внезапно я почувствовал себя, как мышонок, попавший в компанию сотен котов. Я заколебался. Мне вдруг показалось, что у меня нет никаких шансов. Я не знал, что делать.

В этот короткий миг страха и сомнений дьявол сказал: «Теперь ты выставишь себя посмешищем в глазах окружающих!»

Я молча запретил ему во имя Иисуса.

Оглянувшись на идущую вслед за нами толпу, я подумал, что стану гвоздем программы.

По просьбе представителей прессы мы не пошли в камеру Клариты. Мы решили провести нашу встречу в зале маленькой часовни недалеко от ее камеры. В часовне были забранные решеткой окна, а в одном конце зала был устроен скромный алтарь. Это была голая и унылая комната.

Мы все собрались в часовне, и доктор Лара приказал привести Клариту.

Он спросил меня, не нужен ли мне ладан.

— Не знаю, что мне нужно, а что нет. Будьте на всякий случай где-нибудь поблизости.

Он сказал:

— Хорошо.

Когда девушка вошла в комнату, она посмотрела каждому из присутствующих в лицо внимательным и изучающим взглядом. Когда она дошла до меня, ее глаза расширились и она воскликнула:

— Я ненавижу тебя!

Это были первые слова, с которыми дьявол обратился ко мне через ее уста. Но я никогда не видел Клариту раньше, также как и она не видела меня. Во мне поднялся Дух Господень.

Вдруг я почувствовал сильное сострадание к этой маленькой семнадцатилетней девчушке, которая отдавала свое тело многим мужчинам, иногда десяти мужчинам за ночь. Ее оскорбляли и били, ее пинали, как животное, с двенадцати лет. А теперь ее кусали демоны, так что повсюду на коже можно было видеть следы укусов.

Демоны попытались испугать меня и стали проклинать Бога, Кровь Христа и произносить страшные ругательства. Очевидно, они и не догадывались, что имеют дело с бывшим

правонарушителем и уличным скандалистом, который слышал самые грязные слова. Меня ее ругань совершенно не шокировала. Она ругалась по-английски, хотя через несколько дней мне пришлось общаться с ней через переводчика, потому что она не знала английского языка.

Я заставил ее сесть на деревянную скамью и пододвинул к ней другой стул.

— Кларита, — сказал я ей, — я пришел, чтобы освободить тебя от власти демонов во имя Иисуса Христа, Сына Божьего.

Вдруг у девушки начался припадок ярости. Она стала истошно кричать:

— Нет! Нет! Нет! Они убьют меня!

Я зажал ее голову обеими ладонями. Тогда я не знал, что если к ней прикасались мужчины, то демоны тут же начинали кусать ее. В тюрьме к ней могли прикасаться только женщины-надзирательницы.

Как только я возложил на нее руки, это нечто тут же укусило ее за шею. Оно глубоко вонзило в ее плоть клыки, отчего по шее потекла кровь. Зрелище было страшное. Затем она потеряла сознание, и ее тело стало неподвижным. Такое происходило и раньше, когда врачи пытались разговаривать с ней. Это приводило их в тупик.

Когда она упала в обморок, главный врач встал:

— Нам придется прекратить эту встречу. Когда она теряет сознание, она лежит в таком состоянии часа три или четыре.

К этому моменту я почувствовал себя настолько разгневанным, что заявил:

— Нет, не прекратим.

В тот момент, когда она падала, я подхватил ее и теперь, приподняв ее подбородок, властно приказал:

— Быстро приди в себя!

Вдруг нечто прошло сквозь ее тело, как лев, исполненный ярости. Он неистовствовал!

Доктора посмотрели друг на друга: «Нам понадобилось бы часа три или четыре, чтобы привести ее в чувство. Как это ему удалось за тридцать секунд?»

Это была духовная битва, а не естественная медицина. Мне приходилось иметь дело с демонами, и я знал некоторые их уловки. Крепко сжимая ее голову обеими руками, я крикнул:

— Немедленно выходи из нее, ты, злой и нечистый дух. Выходи из нее во имя Иисуса!

Она опять впала в ярость. По щекам ее струились слезы, и она требовала, чтобы я оставил ее в покое, показывая на шее и руках ужасные следы от только что сделанных монстром укусов.

Но я почувствовал еще большую решимость бороться и вступил в самую большую битву в своей жизни. Никогда ничего подобного я не испытывал. Дьявол проклинал Бога, а я требовал, чтобы он покинул ее, и говорил, что Бог свят. Затем они начинали проклинать Кровь Иисуса, а я запрещал им и напоминал, что Он есть Владыка над всеми злыми силами и что Его Кровь свята.

Они проклинали меня самыми грязными ругательствами, заявляя, что никогда не покинут Клариту. Казалось, все силы Тьмы понимали, что ввязались в смертельный конфликт.

На самом деле это было нечто большее, чем просто битва за Клариту Виллануэву. Позади меня стояли газетчики, и я осознавал, что здесь шла битва за Манилу и всю Филиппинскую Республику.

Наконец, казалось, девушка была освобождена. Демоны больше не разговаривали со мной и не кусали ее.

Многие из присутствующих решили, что она действительно освободилась от злой силы, но я в духе знал, что освобождение не было полным и окончательным. Время приближалось к полудню, я был совершенно мокрым от пота и чувствовал себя, как выжатый лимон.

Когда я посмотрел вокруг себя, то увидел у многих на глазах слезы. Все были взволнованы великой битвой, очевидцами которой они явились.

Я сказал доктору Ларе, что хочу вернуться домой, чтобы продолжить пост и молитву, но на следующий день вернусь. Он согласился.

Конечно, мое посещение женской тюрьмы стало сенсацией дня. На следующий день в «The Daily Mirror» можно было увидеть такие заголовки: «Нечто бросает вызов протестантскому пастору». Вот отрывок из газетной статьи:

Сегодня утром «нечто» и протестантский служитель, доктор Лестер Самралл, вступили в изнурительную схватку в часовне женской тюрьмы.

Остаток дня я провел в общении с Богом. Это было драгоценное время. Я чувствовал, как Божье присутствие буквально окутывало меня и побуждало не бояться. В тот же вечер ко мне домой пришли служители-пятидесятники, преподобный Артур Алберг и преподобный Роберт Макалистер. Они предложили пойти на следующий день вместе со мной и стоять между мной и толпой, не подпуская людей во время молитвы слишком близко ко мне.

Я поблагодарил их за поддержку. На следующий день я не

стал брать с собой архитектора. Он мне не был нужен, и он не знал, что мы планировали на этот день.

Когда мы приехали в Билибид, начальник тюрьмы сообщил, что в ту ночь Клариту не кусали. Но я знал, что она не была освобождена полностью.

Это стало очевидным, когда демоны увидели меня. Через ее уста они закричали:

— Уходи прочь! Уходи прочь!

Я сел перед ней на маленький стул и сказал ей властным голосом:

— Нет, я не собираюсь уходить, а вот ты уйдешь! Девушка сегодня будет освобождена!

Затем я попросил всех присутствующих преклонить колени, — включая журналистов. В часовню опять набилось много народу, может быть, больше, чем накануне.

Я предупредил, чтобы никто не смеялся и не шутил, когда демоны будут выходить из Клариты, иначе они могут избрать их объектом своих нападок.

Доктора, полицейские, журналисты, работники тюрьмы и профессора — все встали на колени, и я стал молиться.

Опять началась битва. Демоны понимали, что это последнее сражение. Они ругались и извивались в своей жертве, но дополнительный день поста и молитвы сделал свое дело.

Наконец я почувствовал облегчение и понял, что они ушли. Кларита расслабилась, демоническое выражение исчезло из ее глаз, и она улыбалась.

Я огляделся вокруг и увидел, что журналисты плачут. На глазах врачей тоже были слезы. Привыкшие ко всему тюремщики, не стесняясь, открыто плакали.

Я тихо запел песню, а братья Алберг и Макалистер стали подтягивать. Когда мы запели припев во второй раз, к нам присоединились остальные:

Только Кровь Иисуса, Только Кровь Иисуса, Только Кровь Иисуса
Смывает все мои грехи!

Я спросил Клариту, все ли они ушли, и она ответила утвердительно.

— Куда они ушли?

— Они вышли в окно, — ответила она, показывая на забранное решеткой окно. Мы уже собирались уходить, когда вдруг демоны вернулись. Девушка закричала.

Я крикнул им:

— Почему вы вернулись? Вы знаете: вы должны уйти
и не возвращаться.

Обращаясь ко мне по-английски через ее уста, они ответили:

— Она нечистая, и мы имеем право вернуться в нее.

Я ответил им решительным голосом:

— Мария Магдалина была нечиста семью бесами, но Иисус пришел в ее жизнь, и она стала чистой через Его могущественную силу. Поэтому я приказываю вам немедленно уйти. Иисус сделал ее чистой.

Они вынуждены были повиноваться, потому что им недоставало сил для сопротивления. Они ушли, и она опять стала нормальной. Я объяснил ей, что произошло, и повел ее в молитве грешника. Все, казалось, было в порядке.

Мы уже собирались уходить, но вдруг опять все повторилось сначала.

На этот раз я сильно расстроился. Я приказал демонам объяснить мне, почему они вернулись. Они ответили мне по-английски через ее уста:

— Она не просила нас уйти. Она хочет, чтобы мы оставались. Это ты велел нам уйти, а не она.

И я опять потребовал, чтобы они покинули ее. Кларита подтвердила, что они ушли через окно. Я объяснил ей, почему они вернулись, и велел ей приказать им уйти и никогда не возвращаться. Она сделала и это.

Затем я опять повел ее в молитве, призывая Кровь Иисуса для защиты ее от нечистой силы. Было около полудня. Кларита сильно ослабела от всего пережитого. Я попросил надзирателей покормить ее и дать отдохнуть.

Уходя, я сказал девушке:

— Кларита, я уверен, эти демоны опять вернутся. Когда я уйду, они опять придут. Но ты сама должна приказать им уйти, и тебе никто не будет помогать. Ты должна сказать: «Уходите во имя Иисуса», и они повинуются.

С этим я покинул здание тюрьмы. В тот же вечер в восемь часов Кларита позвала дежурного офицера:

— Мистер Панган, у меня очень длинные ногти. Дайте мне, пожалуйста, ваш карманный нож.

Надзиратель ответил:

— С радостью бы, но по правилам заключенным нельзя давать никаких острых инструментов.

Надзиратель, который присутствовал на освобождении, Предложил:

— Давай я сам подстригу тебе ногти.

Не успел он подстричь два ногтя, как Кларита испустила жуткий крик:

— Помогите, они опять вернулись! Они стоят прямо за вами!

Испуганный стражник отскочил и стал смотреть на жуткую

сцену борьбы, развернувшуюся прямо перед его глазами. Он не видел нападавших, но видел, что девушка находится в смертельной схватке и истерично кричит. Она вся съежилась и крикнула офицеру:

— Что тот американский священник велел мне делать? Говорите быстро!

Офицер крикнул ей:

— Скажи: «О Боже, освободи меня во имя Иисуса и Кровью Иисуса».

Кларита выкрикнула эти слова своим невидимым противникам и, резко наклонившись вперед, прыгнула, схватив руками что-то невидимое.

Затем она потеряла сознание. Вокруг нее собрались дежурившие в тот вечер надзиратели. Ее положили на стол, но рука ее была крепко сжата в кулак.

Когда доктор разжал ее пальцы, к его величайшему изумлению, он обнаружил там клок длинных черных и грубых волос. Они были зажаты в ее ладони и забились под ногти.

Доктор Лара убрал эти волосы в конверт и спрятал его. Исследовав находку под микроскопом, он выяснил, что эти волосы не могли быть ни на голове, ни на другой части

Я лично видел эти волосы под увеличительным стеклом. Они были примерно в два дюйма длиной, очень жесткие, и у них не было корней. Было видно, что концы волос никогда не обрезали.

Доктор не нашел объяснения этой загадке. Этот факт остается самым странным во всей той истории. Каким образом невидимое существо, предположительно демон, могло оставить волосы в кулаке маленькой Клариты?

19. Чудо, изменившее целую нацию

После исцеления Клариты доктор настолько был растроган, что ворвался в кабинет мэра и сказал:

— О мой Бог! Господин мэр! Вы никогда ничего подобного не видели. Мы слышали, как дьявол разговаривает. Мы видели его разъяренным. Мы слышали, как он ругается. О мой Бог, этот человек исцелил девочку. Эти монстры больше никогда не будут кусаться!

Мэр поднялся и подошел ко мне.

Он обнял меня и сказал:

— Что мне сделать для вас? Я готов сделать все, что ни скажете

Я ответил:

— В течение нескольких месяцев я пытался получить в вашем офисе необходимые документы для строительства церкви. Но чиновники вымогают живые деньги. А у меня денег нет. Я не принадлежу ни к какой конкретной деноминации. У меня нет денег.

Мэр разгневался, его лицо побагровело. Затем он накинулся на одного из своих помощников. Они мгновенно принесли все наши бумаги, и мэр лично поставил необходимые печати и резолюции, после чего вручил мне документы.

Он сказал:

— Если в этом городе у вас когда — либо возникнут проблемы, дайте мне знать, и я сам обо всем позабочусь.

С того самого времени, если я шел в ресторан и встречал там мэра, то он торопливо вставал из-за стола и при всех обнимал меня.

Поскольку на Филиппинских островах методистская церковь самая старая, работники прессы решили, что я тоже методист, и сообщили об этом в газетах. Многое в опубликованных статьях не совсем истинно. Я чувствую себя ответственным за это, потому что не захотел дать репортерам интервью и на следующий же день покинул город, чтобы избежать надоедливых газетчиков.

На первых страницах газет были напечатаны мои фотографии. Один из заголовков гласил: «Дьявол проиграл первый раунд». Они почему-то решили, что будет пятнадцать раундов. Местные газеты, журналы и радиостанции рассказывали и пересказывали историю об освобождении Клариты с сенсационными и часто преувеличенными подробностями. Были и такие заголовки: «Демон умер, он мертв!»

«Manila Chronicle» заявляла:

НЕВИДИМОЕ «НЕЧТО» УМЕРЛО! Теперь это может провозгласить каждый верующий, поскольку Кларита Виллануэва вчера подтвердила, что, «нечто» действительно покинуло ее.

Девушка повторила молитвы американского священника, доктора Лестера Самралла, пришедшего специально для того, чтобы изгнать из нее дьявола. И он преуспел в этом.

Когда через неделю я вернулся в город, Кларита предстала перед судьей Нативидадом Алмедой-Лопесом в суде первой инстанции в Маниле.

Спокойно и сдержанно она подтвердила:

— С прошлой пятницы, с того дня, как американский миссионер молился за меня, демоны больше не возвращались!

Судья Алмеда-Лопес поместил Клариту в Велфервилль, специальное заведение для девиц непристойного поведения, чтобы за ней могли наблюдать в течение определенного времени.

Вместе с доктором Ларой я дважды навещал ее. Она всегда радовалась нашему приходу, бежала навстречу и говорила, что боялась больше никогда не увидеть нас. Мы сидели и подолгу разговаривали с ней.

В Велфервилле мы попросили разрешения провести службу для двухсот девушек, находившихся в этом заведении. Разрешение было получено, и через несколько дней группа музыкантов и певцов из нашей церкви приехала к девушкам, чтобы провести у них собрание. Кларита была центром внимания, и мы сделали все возможное, чтобы она чувствовала себя хорошо.

Мы подарили ей Библию, которую она стала читать каждый день. Теперь это была совершенно другая девушка, сильно отличавшаяся от прежней Клариты, с искаженным от боли и ужаса лицом и пронзительными криками, жертвы нечистой силы. Кларита стала совершенно нормальной филиппинской девушкой, быстро оправлявшейся от кошмаров демонической одержимости.

Я прошел все формальности суда над Кларитой вместе с нашим церковным адвокатом Педро Джасинто. Мы просили суд освободить ее от содержания в Велфервилле. Когда разрешение было получено, мы поместили ее в семье Садорры, одного из наших лучших христиан. В то время мистер Садорра заканчивал интернатуру, а теперь он уже работает врачом.

Пока Кларита жила в Маниле, она чувствовала себя ужасно, потому что каждый раз, когда она показывалась на публике, люди окружали ее и начинали расспрашивать. Поэтому она уехала из Манилы и поселилась в маленьком городке на севере Лузоны.

Там она вышла замуж за молодого фермера.

Когда я видел ее в последний раз, у них уже было двое детей.

Я спросил ее мужа:

— Что ты можешь сказать о своей жене?

— О, она очень хорошая женщина.

Я спросил:

— Она не сумасшедшая?

— О, нет.

— Она не проявляет признаков сумасшествия, не говорит, что ее кусают демоны? — спросил я.

— Нет, но она рассказывала, что когда сидела в тюрьме, к ней пришел белый человек. Это были вы. Вы разрушили висевшее на ней проклятие, и с тех пор она свободна.

Мне рассказывали, что она живет спокойной жизнью и очень активна в поместной церкви.

Победа в ее жизни была явлена самым очевидным образом. Христос еще раз доказал, что Он есть ответ на все наши проблемы!

Но чудеса на этом не закончились.

Подробный отчет об избавлении Клариты от власти тьмы был напечатан в «The Philippines Free Press», как и во всех других газетах. Об этом много говорили по радио. Средства массовой информации свидетельствовали о силе Божьей. Господь использовал СМИ самым чудесным образом.

Внезапно я стал знаменитостью. Вся страна узнала о нашем служении. Поскольку мои фотографии появились во всех газетах и журналах, люди стали узнавать меня везде, куда бы я ни пошел. В результате этого чуда я приобрел признание, которое иначе мне пришлось бы зарабатывать в течение долгих лет. Когда я выходил на улицу, человек двадцать могли внезапно упасть на колени и целовать мои руки, и я не успевал остановить их.

Однажды я зашел на почту купить почтовые марки, а работник почты за окошком сказал: «Это доктор Самралл. Он изгоняет демонов». И все присутствующие упали на колени и склонили лица до земли. В сильном смущении я подошел к прилавку, поскольку я остался единственным, кто стоял на ногах, а они в это время старались схватить мою руку и поцеловать ее.

Мэр оказался настоящим другом: власти стали оказывать нам постоянное содействие, и иногда мы получали необходимые документы в день обращения за ними, причем нам никогда не приходилось давать взятки.

Наступил момент, когда нам нужно было получить последнее и официальное платное разрешение на строительство церкви. Наш новый друг, мэр, издал специальный указ, чтобы дать нам

возможность получить это разрешение бесплатно, за что заслужил похвалу на страницах местной печати. Этот специальный указ требовал согласия всех членов городского муниципального совета Манилы, но после реакции печати на действия мэра никто из них не высказался против выдачи нам разрешения.

Храм Вефиль стал в этом городе первой протестантской церковью, которая получила бесплатное разрешение на строительство. Этот акт доброй воли сэкономил нам очень крупную сумму денег.

Вручая нам разрешение, мэр города сказал:

— Вы первый протестант, который получает в этом городе что-то бесплатно. Вам нужно что-нибудь еще?

Я сказал:

— Да, нужно.

— Что? — поинтересовался мэр.

— Я бы хотел проповедовать в парке Роксас, через дорогу, — ответил я.

Это прекрасное место в пределах испанского города, предназначенное для особых сборов и собраний, буквально самое центральное место в стране.

— На какое время? — спросил мэр. — Месяца на полтора, — ответил я.

— Полтора месяца! Это очень долго. Сколько времени вам нужно, чтобы сообщить то, что вы хотите сказать людям?

— Если говорить все, что я могу сказать, то нужно очень много времени.

— Девушка исцелена, — вдруг сказал мэр, — и вы можете проповедовать в парке столько, сколько вам угодно.

— И он выписал разрешение на использование парка через дорогу от здания муниципалитета.

Пока мы готовились к собраниям пробуждения, Гордон Линдсей из Техаса, ничего не знавший о наших планах, прислал нам несколько тысяч экземпляров журналов со свидетельствами. Орал Робертс, тоже не знавший о готовящемся крусейде, выслал мне фильм об исцелениях в комплекте с проектором, экраном и всем, что полагается к нему.

Через Рубена Канделариа, управляющего делами методистской церкви в Маниле, Бог чудесным образом открыл для наших служений методистские церкви в городе и области. Я посетил все эти церкви с проповедью и демонстрацией фильма. Мы также распространяли там полученные из Америки журналы. К тому времени, когда начались собрания в парке, весь город горел евангелизационным пламенем.

Однажды во время вечерней проповеди вперед для принятия Христа своим Господом и Спасителем вышли пять тысяч мужчин. Вместе с женами эта цифра увеличилась до десяти тысяч. Вместе с детьми их становилось более д вадцати тысяч.

Когда на крусейде проповедовал Клифтон Эриксон, количество присутствующих на собраниях увеличилось до шестидесяти тысяч за вечер. За шесть недель крусейда свою веру исповедали сто пятьдесят тысяч человек. Они заполнили индивидуальные карточки со своими данными. У нас набралось множество коробок с такими карточками.

Некоторые из спасенных принадлежали к высшим слоям общества. Самый популярный актер кино в этой стране, Карло Падилья, получил сверхъестественное исцеление. Силой Господа он снова начал ходить. Люди были вне себя от радости: могущественная Божья сила проявилась в исцелении их любимого актера.

Адвокат-калека, работавший в суде центральной части Манилы, в течение двенадцати лет передвигался на костылях. Все знали об этом. Однажды вечером на одном из наших собраний пробуждения он исцелился.

Когда на следующий день он вошел в здание муниципалитета без костылей, окружающие обратились к нему:

— Вы, наверное, брат адвоката. Он ведь инвалид! Он отвечал:

— Нет, это я. Я исцелился чудесной силой Божьей! На наших собраниях были явлены все немыслимые чудеса Божьи.

Методистская церковь Манилы оплатила пятнадцать минут на одной из мощнейших радиостанций, которая вещала на всю страну. Каждый день сразу после новостей я рассказывал о том, что происходит на крусейдах в Маниле. Я рассказывал по радио, что творит Бог для людей, и приглашал слушателей приехать в Манилу и самим посмотреть на все эти чудеса.

В результате люди стали съезжаться на наши собрания со всей страны. Не осталось ни одного города, который бы не прислал своих представителей.

Сегодня на Филиппинах живет несколько миллионов человек, получивших спасение в результате освобождения одной девушки. Бог за одну минуту может сделать намного больше, чем мы за пятьдесят лет. Сатанинская власть была разрушена, и люди обрели освобождение. Это был чудесный и волнующий момент в нашей жизни.

Орал Робертс поместил сообщение об этом случае в своем журнале и назвал статью «Чудо, которое изменило целую нацию».

И это правда. Крусейд, проведенный в парке Роксас, стал началом величайшего пробуждения, охватившего весь город и

страну. Некогда пустые и омертвевшие, теперь церкви на Филиппинах ожили и заполнились людьми, ищущими Бога.

За это время мы сумели также завершить строительство здания церкви в центре Манилы. На самом деле семьдесят пять процентов денег на строительство храма мы получили от местного населения. Большая часть этих людей были бедны, но когда жертвуют пятьдесят тысяч человек, то денежные поступления становятся весьма ощутимыми. Нам приходилось привлекать к подсчету денег, собранных накануне вечером, от шести до восьми человек, причем они начинали свою работу в восемь утра и заканчивали часа в три дня. Затем мы отдавали эти деньги подрядчику, и он вкладывал их в строительство. Наконец церковь была готова, причем мы не имели никаких долгов.

После открытия большого крусейда на Филиппинах газеты взялись критиковать наше служение. Однако семья Го Пуан Венг, владевшая одной из местных газет, выступила в нашу защиту. Еще ранее Бог привел меня в их дом, и я помолился за их дочь, которая была одержима нечистыми духами. И хотя она была совершенно невменяемой, при возложении на нее рук Бог мгновенно исцелил ее.

Благодаря моей дружбе с ними семья Го предупредила представителей прессы: «Не клевещите и не лгите. Это хороший человек. Он исцелил члена нашей семьи».

У миссис Го как одной из лидеров ее общины было очень много богатых китайских друзей. Если кто-нибудь из них заболевал, она посылала за мной своего шофера, и он привозил меня в дом к больному, чтобы я помолился за него. Затем миссис Го звонила им испрашивала: «Почему бы вам не пожертвовать на его церковь?» В результате я возвращался домой с суммой, которую мы использовали для дальнейшего строительства церкви. На наше здание жертвовали многие из друзей миссис Го.

Семья Го пришла нам на помощь еще раз, когда группа врачей обратилась в суд с судебным иском против нас, обвиняя нас в лечении людей без соответствующих лицензий. Когда я прибыл в суд на слушание дела, то увидел там двух судей и трех адвокатов, которые пришли защищать меня. Один из моих защитников, судья, занимавший более высокую должность, чем тот, который вел мое дело, сказал председательствующему на суде: «Каждый день мы ходим на собрания этого человека. Люди получают благословения и исцеляются. Это самое лучшее, что можно пожелать нашей стране»,

Не колеблясь, судья вынес постановление: «Иск отклоняется».

Мы не устаем удивляться тому, как Бог чудесным образом привлекает к нам сердца властей.

К нашей церкви проявил интерес даже президент Филиппин Магсейсей. Когда к нам с визитом прибыл Орал Робертс, я повел его к президенту и тот сказал Робертсу: «В этой стране Христос стал ответом на наши проблемы, и мы все знаем об этом».

Наша церковь так и называлась: «Храм Вефиль — Христос есть ответ». Президент решил, что моя церковь стала ответом на проблемы филиппинцев. И он был прав.

Эта церковь до сих пор продолжает оказывать положительное влияние на филиппинцев, которые в последнее время сильно пострадали от коррупции, охватившей всю страну. Многие христиане борются за правое дело в филиппинском правительстве.

Сегодня Храм Вефиль представляет собой самый большой центр поклонения в стране. Пробуждение не прекратилось, оно все еще продолжается.

Мой внучатый племянник Дэвид Самралл пасторствует в Храме Вефиль, который по воскресеньям посещают почти девятнадцать тысяч человек. Сейчас он строит новое здание из стекла и бетона, и в новой церкви разместится около десяти тысяч прихожан. Особое внимание он уделяет молодым специалистам, а в его церкви организованы собрания для выпускников колледжей. Кроме того, при церкви действует самая крупная в стране библейская школа

Поскольку в Маниле проживает очень много народа из различных провинций, в Храме Вефиля по воскресеньям проходят служения на разных языках. Люди приходят на те собрания, где служение проводится на их диалекте. Первое служение начинается в семь утра с пения и проповеди на диалекте, скажем, илокано. Затем, в восемь утра, проходит служение на другом диалекте, например, пампанго. Служение в девять часов может быть на языке тагалого, родном языке людей, проживающих в окрестностях Манилы, и так далее весь день.

Просто удивительно, что и через двадцать пять лет пробуждение и его результаты до сих пор проявляются самым явным образом. Много новых евангелических церквей появилось в Маниле, население которой насчитывает более двух миллионов человек.

Многие местные христиане прошли подготовку в качестве лидеров и теперь выполняют евангелизационную работу в стране с населением примерно в шестьдесят шесть миллионов человек. Моя мечта построить крупный евангелический центр на Филиппинах стала реальностью.

20. Идти вперед с видением

Однажды совершенно случайно я наткнулся на антиамериканскую демонстрацию протеста в центре Манилы. На одном из плакатов было написано: «Убирайтесь прочь, белые обезьяны». На другом я прочитал: «Америка — империалистическая страна».

Шокированный таким проявлением ненависти и неуважения, я подошел к одному из парней с плакатом в руках.

— Сынок, — спросил я, — я похож на обезьяну?

— Нет, не думаю, — ответил молодой человек.

— Но так написано на твоем плакате.

— Разве? — спросил он. — Я его не читал.

— Тогда зачем ты его держишь? — Да, понимаете ли, — ответил он, — я стоял вон там, на углу, а ко мне подошел один мужчина и дал немного денег, чтобы я встал здесь с этим плакатом.

— В таком случае, — сказал я ему, — раз ты не веришь в это, брось его.

Он так и сделал, и даже смял его ногами.

Я подошел к другому и спросил его:

— Сынок, ты, должно быть, историк?

Он ответил: — Нет, вообще-то я не историк.

— Вот как? А на твоем плакате написано, что Америка — империалистическая страна. Тебе следовало бы знать немного об Америке, хотя бы о ее отношении к филиппинцам.

— Нет, я ничего об этом не знаю.

— А зачем ты тогда держишь этот плакат?

— Один человек дал мне деньги, чтобы я стоял с этим плакатом перед зданием Конгресса.

Тут я уже сильно расстроился. Я стал молиться:

— Боже, меня это так огорчает. Я жизнь отдаю этим людям, а они говорят о моей стране такие нелепости.

Господь ответил:

— Я хотел, чтобы ты увидел это. Но Америка сейчас находится в еще более печальном состоянии, чем Филиппины. Тебе нужно ехать домой и помочь своей стране спастись. Ты можешь по-прежнему ездить в другие страны, но тебе нужно заложить основание в собственной стране и стать там твердой ногой.

— Но я не хочу домой, — начал я протестовать, — мне здесь нравится. Теперь это мой дом.

— Нет, — ответил мне Господь, Я хочу, чтобы ты ехал домой.

Ты будешь много проповедовать и поможешь мне спасти Америку.

Затем Господь начал говорить мне, что произойдет в Америке. Он сказал, что студенты будут устраивать беспорядки и поджигать здания. В новостях и развлекательной прессе много места займут секс и гомосексуализм. Божьи законы будут в пренебрежении, а над Его народом люди будут насмехаться.

Он сказал, что Америку захлестнет волна язычества и спиритизма. Наши знакомые и соседи начнут увлекаться чужими религиями. Я не мог в это поверить.

Я сказал:

— Нет, нет! Я был в языческих странах. Им нечего предложить нашим людям!

Бог сказал:

— Америка примет ложное учение, и этим ей будет нанесен серьезный вред. Люди отправятся в ад, потому что поверят лжи дьявола.

И действительно, за последние несколько лет я видел собственными глазами все то, о чем говорил мне Господь.

— Боже, — спросил я, — но как я смогу помочь Америке?

— Ты никогда не сможешь помочь Америке, если не понесешь людям Мое послание, — сказал Он мне. — Но тебя не услышат, если ты не выйдешь на телевидение.

Тогда я не много знал о телевидении, хотя уже видел несколько телевизионных программ.

— Хорошо, я организую программу для телевидения.

Бог сказал:

— Нет, Я говорю не об этом. Твое служение должно приобрести телевизионные станции. Сеть христианских телевизионных станций будет тем каналом, через который ты доведешь Мои истины до американцев. Ты должен сделать это.

Но я в то время жил в Маниле. Очень немногие американцы знали или слышали обо мне.

— Но как может такой маленький человек, как я, спасти Америку? — все еще не мог я понять. — Не представ ляю.

— Я дам тебе телевизионные станции, — отвечал Господь, — и ты сможешь обращаться к миллионам зрителей.

Я пошел наверх и сказал жене: — Дорогая, мы возвращаемся в Америку. Здесь, в Маниле, я назначу на место пастора другого служителя. Господь сказал, что я Ему нужен больше в Америке, чем на Филиппинах.

Это слово от Господа подтвердилось, когда из Америки пришла телеграмма. Пастор, которого я оставил в Храме Голгофы, в Саут-Бенде, ушел из церкви. Прихожане просили нас

вернуться домой.

Просто чтобы убедиться, что нам действительно нужно уехать из Манилы, я еще раз спросил Господа:

— Но почему мы должны уехать? И тогда Он объяснил: — Если ты останешься здесь, они начнут поклоняться тебе, а не Мне.

Я знал, что Бог, как всегда, прав. Я выполнил свою работу и пора было возвращаться домой.

С великой печалью и многими слезами мы с женой и тремя сыновьями готовились вернуться в Штаты. Третий сын, Питер, родился в Маниле 17 октября 1953 года.

Проводить нас в аэропорт Манилы пришли тысячи людей. Когда мы сели в самолет, люди подняли такой громкий вопль, что диспетчеры связались с пилотами нашего самолета. Главный пилот попросил меня:

— Пожалуйста, сделайте что-нибудь. Мне не разрешают вылет, потому что люди подняли сильный шум своим плачем и воплями.

Я вышел и стал успокаивать их, пообещав, что буду приезжать к ним каждый год. Я сдержал свое обещание и приезжал в Манилу постоянно.

По возвращении в Америку я владел только небольшим домиком и десятью акрами земли в Саут-Бенде. Господь сказал, что Он дал мне эту собственность с тем, чтобы я начал новое дело.

Однако некоторые считали, что я должен уйти в отставку. Один пастор сказал совершенно откровенно:

— Самралл, тебе больше пятидесяти, и ты должен уйти на покой.

— Ты не прав, — ответил я.

Затем я уединился и стал молиться:

— Боже, Ты слышал, что сказал этот проповедник?

Он ответил:

— Да.

— Это правда?

— Нет, — сказал мне Господь. — Тебе нужно двигаться с видением. Ты только начинаешь свое служение.

И я вновь повиновался.

Мы написали всем своим друзьям в Америке и объяснили: «Мы начинаем строительство офисов для международного служения, поэтому, пожалуйста, помогите нам». Нам прислали немного денег, и строительство началось.

У меня никогда не было никаких дел с Американским национальным банком в Саут-Бенде, но однажды они прислали ко мне своего первого вице-президента. Мы как раз начинали

возводить стальные конструкции будущих строений.

— Я ищу мистера Самралла, — сказал он.

— Я Лестер Самралл, — ответил я, пожимая ему руку.

— Я из Американского национального банка, — сказал этот человек. — У вас есть деньги на строительство здания?

— Нет, сэр, — ответил я.

Никто не дал бы мне денег, поскольку я только что вернулся из-за границы и долго не жил в Штатах.

— Мы хотим предложить вам заем, — сказал он, — если вы придете к нам в офис.

— А вы дадите мне достаточно для строительства?

— Мы дадим столько, сколько вам нужно. Вы знаете, в какую сумму обойдется ваш проект?

— Да. Для окончания строительства до той степени, когда мы сможем переехать в это здание, нам нужно сто сорок тысяч долларов.

— Мы дадим вам эту сумму.

Бог еще раз дал нам благоволение в глазах тех, кто мог помочь.

Когда строительство было закончено, я сказал себе: «Лучше я начну с радио, это дешевле, чем телевидение».

На самом деле, как я думаю, тогда я не смог в достаточной степени поверить Богу в том, что приобретение телевизионной станции — дело реальное. Поэтому я обратился к Федеральной комиссии по коммуникациям, и они дали мне радиоканал FM 103,9. Итак, мы вышли в эфир.

Поскольку теперь мое служение стало владельцем радиостанции, мы вошли в Национальную ассоциацию религиозного вещания. Когда я приехал на Национальный конгресс этой организации в Вашингтоне, то встретился там с одним человеком, который сказал мне: «Поздравляю с новой радиостанцией. Но вам нужно подумать о те левидении».

Бог тут же сказал:

— Да.

Я сказал про себя: «Но у меня нет денег. Как я смогу приобрести телестанцию?»

Этот человек продолжал:

— У меня есть телестанцию, и я продам вам ее за миллион долларов. Реальная цена телестанции — несколько миллионов. Распишитесь вот здесь.

— Распишись, — подтвердил Господь.

Я поставил подпись под договором о покупке станции.

Вместе с продавцом я обратился в ФКК с просьбой зарегистрировать название моей телестанции: «ЛеСеа

телевещание») (Lester Sumrall Evangelistic Association Broadcasting).

Спустя две или три недели я получил письмо от одного врача из Орегона, к которому был приложен чек на девяносто четыре тысячи долларов.

— Вот это да, Боже, — удивился я. — Такое не часто встречается.

— Да, — согласился Он, — приобретение телестанции — дело несколько необычное.

Через несколько недель еще один врач из Андерсона, штат Индиана, пожертвовал нам шестьдесят пять тысяч долларов, после чего начали поступать и другие деньги.

Когда в ФКК дали согласие на приобретение телестанции для служения «ЛеСеа», мы уже были готовы завершить сделку. У меня набралось как раз достаточно, чтобы расплатиться за покупку.

Сегодня я лично служу четырем миллионам американцев через телестанции, которыми Господь обеспечил нас. Наша сеть, состоящая из десяти телестанций, охватывает такие города, как Гранд — Рапидс, Оклахома, Саут-Бенд, Талса, Гонолулу, Индианаполис и Денвер. Мы также используем кабельное телевидение и две спутниковые системы, что позволяет нам вещать почти на всю территорию Соединенных Штатов. Почти каждый день для нас открывается новый канал телевещания.

Бог сделал все, что обещал тогда, когда я собирался покинуть Филиппины.

На том участке, что дал нам Бог, мы построили Библейский университет. Сегодня у нас есть прекрасная церковь, большое, увенчанное куполом здание, рассчитанное на несколько тысяч человек. Это самая большая церковь в нашем регионе.

Но каким образом мы сумели достичь этого?

Мы повиновались, и Господь творил великие дела. После нашего возвращения в Саут-Бенд и создания крепкого основания нашего служения Господь послал нас в Гонконг. Очень скоро мы обнаружили, что китайцы сильно отличаются от филиппинцев. Нам пришлось приспосабливаться и к этому народу.

Свой первый крусейд мы организовали на Южнокитайском футбольном стадионе, на котором могло разместиться сто тысяч человек. В отличие от многочисленной филиппинской аудитории, здесь мы увидели всего около пяти тысяч человек. Однако этого оказалось как раз достаточно, чтобы всех разместить в оснащенном кондиционерами секторе для богатых болельщиков.

В конце двухнедельного крусейда на футбольном стадионе я крестил триста человек, которые и стали ядром нашей первой церкви. Теперь нам нужно было помещение для проведения

собраний.

В Гонконге земля продается квадратными дюймами, и даже маленький участок может стоить миллионы долларов. Я знал, что мы не сможем построить новую церковь, поэтому я предложил подыскать зал для собраний.

Когда я связался с агентом по продаже помещений в самом большом здании Гонконга того времени, он сказал следующее: «Все помещения в этом здании проданы, но члены атлетической компании, владеющие одним этажом, никак не могут договориться между собой. Теперь они хотят продать свой этаж. Их собственность еще не была выставлена на продажу. Как только они объявят о своем решении, все будет распродано очень быстро».

И опять Господь обеспечил нас финансами для приобретения целого этажа в этом огромном здании в сердце города. Эта церковь стала началом для всех остальных, появившихся у нас впоследствии. Когда наступило время открывать новые церкви в Гонконге, Господь показал нам интересный способ приобретения помещений.

Китайцы считают первый этаж нежелательным приобретением. Во многих высотных зданиях бывает трудно продать первый этаж, потому что там никто не хочет жить. И поэтому каждый раз, когда нам предоставлялась такая возможность, мы стали покупать две или три квартиры на первом этаже и превращать их в церковь. В связи с этим мы получили дополнительное преимущество, потому что люди, работающие на этажах выше, каждый раз проходили мимо нашей церкви по пути на работу и обратно. Просто удивительно, как Господь усматривает все ситуации в нашей жизни.

Бог дал нам работу в Гонконге, которая соответствовала Его воле и была наделена Его силой. Мы получали в лице верующих большой плод, который продолжает пребывать по сей день. Более того, я верю, что эти церкви сыграют важную роль в евангелизации всей страны, когда коммунистический Китай станет открытым для Евангелия.

Но когда это произойдет? Я тоже хотел бы знать это.

Совсем недавно я молился и спросил Бога:

— Господь, как насчет Китая?

Бог ответил мне:

— Коммунистический режим в Китае падет точно так, как он пал в России. Китайцы заимствовали свои доктрины у России, и эти доктрины окажутся в Китае такими же несостоятельными, как в России. Они смирятся от голода. Тогда двери их страны будут распахнуты для проповеди Благой вести. Подпольные

проповедники будут открыто проповедовать, и в этой стране начнется неслыханное дотоле пробуждение.

Вот что Бог хочет сделать в последние дни. Он не хочет мелких побед. Он хочет спасать целые народы. В Китае проживает больше народа, чем в любой другой стране на земле, — полтора миллиарда человек.

— Но как их охватить? — спросил я. Господь ответил мне:

— Они не пойдут за тобой, пока не услышат тебя. Правительство вещает на страну на коротких волнах, и во многих китайских домах стоят коротковолновые приемники. Недавно наше служение обратилось к американскому правительству с просьбой разрешить работу коротковолновой радиостанции, чтобы вещать на Китай. Нам выдали разрешение на двенадцать с половиной миллионов ватт — это огромная мощность.

Наша новая станция будет расположена в центре Тихого океана и сможет охватить три миллиарда человек. Наши передачи из Шанхая будут услышаны так отчетливо, словно мы говорим из пригорода. Мы придем с такой мощью, что станции послабее просто заглохнут.

Когда наш проект с тремя коротковолновыми станциями будет завершен, мы станем говорить самым мощным голосом во всем мире.

Господь также сказал мне:

— Когда Китай будет готов к пробуждению, в каждом его порту и на каждой пристани приготовь лодки с рисом на миллионы долларов. Затем скажи китайцам, что Иисус любит их и что Он жив, — приди и ешь!

Аллилуйя! И это не просто мечты. Повинуясь Господу, мы уже сделали первые вклады, чтобы выполнить Его по веление.

И хотя наше служение базируется в Саут-Бенде, штат Индиана, я продолжаю ездить по всему миру, как обещал Господь. Моей главной ответственностью осталась проповедь Божьего Слова.

Однажды ранним воскресным утром я приехал в Каракас, Венесуэла. В аэропорту меня никто не встретил, и я почувствовал сильнейшее разочарование. «Я приехал проповедовать, — подумал я, — а пригласившие меня миссионеры обо мне забыли». Я знал лишь несколько фраз по-испански, а потому не решился самостоятельно искать своих миссионеров. Взяв чемодан, я вышел из здания аэропорта и сел в такси. Мне удалось объяснить водителю, что я хочу попасть в какую-нибудь евангелическую церковь, собственно говоря, в любую евангелическую церковь.

Через полчаса мы остановились у здания баптистской церкви. Было еще слишком рано для служения, и потому я стал

оглядываться вокруг, пытаясь решить, что мне делать дальше. Затем я заметил дверной звонок и позвонил в него. На звонок ко мне вышел молодой американец.

— Сэр, простите, но я заблудился, — сказал я. — Меня должны были встретить миссионеры. Поэтому я не знаю, куда мне ехать. Я велел таксисту привезти меня в какую-нибудь евангелическую церковь, и я надеюсь, что не помешал вам. Меня зовут Лестер Самралл.

— Не может быть, — сказал он. — Вы действительно Лестер Самралл?

— Да, а в чем дело?

— Дело в том, что произошло чудо.

— Что же чудесного в том, что меня не встретили в чужом аэропорту?

— О, это, должно быть, Бог!

— Что вы имеете в виду?

— Я только что сидел и читал написанную вами книгу, — объяснил молодой человек. — Я читал, а потом сказал Богу: «Господь, этот человек еще жив?» Бог сказал: «Да». И тогда я попросил: «Боже, Ты не можешь привести его к моей двери?»

Затем баптистский проповедник схватил меня и крепко обнял. В то утро я проповедовал в его церкви. Я как раз заканчивал проповедь, когда в заднюю дверь просунул голову тот миссионер, который должен был встретить меня в аэропорту.

— Привет, — поздоровался я с ним, — ты почему не встретил меня?

Он был сильно смущен.

— Я живу за пятьдесят миль отсюда. Я выехал вовремя, но по пути у меня лопнуло колесо. Я не смог быстро справиться с этой проблемой. Пока я ждал техпомощь, я молился: «Господи, Лестер Самралл стоит там, в аэропорту, а я застрял здесь, на дороге, с лопнувшим колесом. Я не знаю, что делать». И Господь уверил меня, что все держит под Своим контролем.

Я усмехнулся:

— Ну и ну, — сказал я, — первый раз слышу, что Бог может повредить колесо, чтобы ответить на молитву.

Бог благ.

Он верен как в малом, так и в большом.

Когда я проповедовал в Токио, мне позвонили из дома. Где бы я ни находился, моя семья и штатные работники всегда знают о месте моего пребывания.

Мне сказали:

— Полчаса назад умерла твоя мама.

Я ответил:

— Я лечу домой.

Когда я сказал пригласившим меня людям, что у меня умерла мама, они предложили отвезти меня в аэропорт.

Я быстро собрался и сел на ночной самолет. По пути домой я сожалел о том, что меня не было рядом, когда мама отошла к Господу. Затем я понял, что выполнял как раз то, о чем она просила Господа, — я проповедовал в земле язычников. Бог почтил молитвы моей матери.

Через несколько лет я приехал в Сингапур. Сингапур был начальным пунктом в моем турне по Востоку. Я собрался объездить, как когда-то с братом Картером, Филиппины, Гонконг и Японию. Весь мой путь был расписан по минутам.

Когда я проповедовал, меня вызвали к телефону и сообщили, что умерла моя сестра Леона. Я тут же вылетел самолетом домой и проповедовал на ее похоронах.

Ее смерть была для меня тяжелой личной утратой. Она очень любила меня, а для меня была самой любимой сестренкой. Мы были очень близкими людьми. Я любил ее, наверное, больше, чем кого бы то ни было, и знаю, что я тоже занимал в ее сердце совершенно особое место.

В такие печальные моменты Бог был верен как всегда. Особым благословением для меня была мысль о том, что моя мама и сестра приняты на небесах теплыми приветственными словами: «Хорошо, добрый и верный раб».

21. Работа в команде

Однажды воскресным вечером после проповеди В Стокгольме, Швеция, я летел беспересадочным рейсом в Чикаго. Я откинулся в кресле, с удовольствием вспоминая всех тех людей, которые на собрании приняли Христа своим Спасителем.

Когда я прибыл в Чикаго, где должен был пересесть на самолет во Флориду, к моему великому удивлению, я увидел мою жену и сына Стивена. Их лица были расстроенными. Я понял, что должно было случиться что-то очень серьезное, раз они приехали из Саут-Бенда в Чикаго.

Жена сказала:

— Стивен должен сказать тебе кое-что.

Сын нервничал:

— Не знаю, как и сказать.

— Говори как есть.

— У нас больше нет телевизионной станции в Саут-Бенде, — заявил он. — Вчера она сгорела дотла. Газеты сообщают, что убытки составляют двенадцать миллионов долларов. Это самое страшное, что произошло за все наше служение. В здании никого не было, кроме инженера, который запускал в эфир программу в видеозаписи.

— Как это случилось? — спросил я.

— На электростанции произошел резкий скачок напряжения, — объяснил Стивен, — провода не выдержали и загорелись. Тебе нужно посмотреть, что произошло.

— Нет, я не хочу смотреть на пожарище, — сказал я. — Меня ждут во Флориде, и я вечером буду там проповедовать.

— Но у нас больше нет телестанции!

— Я все равно ничего не смогу изменить.

— Ты хочешь сказать, что не поедешь и не посмотришь, что осталось на месте телестанции?

— Нет.

Я улетел во Флориду и в тот же вечер проповедовал там. Я уверен, люди говорили: «Представляете, человек летит в другой город и проповедует, в то время как на месте, где сгорела его главная телестанция, еще пепел не остыл!» Быть верным Богу намного важнее, чем судьба любой телестанции. Я обещал приехать, и меня ждали полторы тысячи человек. Поэтому я уехал во Флориду.

Когда я вернулся в Саут-Бенд, мой сын Питер сказал:

— Папа, это действительно печальная история, но этот день также принес Богу славу. В городе еще никогда не было такого

сильного пожара. Я смотрел, как горит станция, когда ко мне подошли менеджеры местной коммерческой сети.

В Саут-Бенде, кроме нашей телестанции, действует сеть из трех коммерческих станций.

Эти люди спросили:

— Питер, чем мы можем помочь тебе?

— Я был очень расстроен, — рассказывал он, — и попросил их: «Дайте мне выйти в эфир».

Бог опять проявил к нам благоволение, и эти люди ответили Питеру:

— Хорошо. Где?

— Прямо в церкви, — сказал Питер. — У нас много всяких помещений.

К шести часам вечера наша телестанция опять возобновила передачу своих программ.

Представители коммерческих телестанций дали нам дорогую аппаратуру и сказали: «Можете не возвращать, это подарок».

На первой полосе своих газет репортеры поместили большие фотографии горящей станции, сопровождавшиеся статьей, в которой выражали свое сочувствие по поводу случившегося. Впервые с самого начала этого служения население Саут-Бенда с симпатией отнеслось к нашей деятельности.

Бог обратил трагедию в благословение для нас.

Пожар принес еще один положительный результат. Я увидел, как мои сыновья во время моего отсутствия взяли на себя ответственность и разрешили сложную ситуацию как зрелые руководители.

Я всегда старался работать в команде со своими сыновьями. Я понимал, что для этого мне нужно делегировать им какие-то аспекты руководства и власти. Я не мог держать все бразды правления в своих руках и брать на себя решение каждого вопроса. Стивен, как администратор нашего служения, отвечает за кадры, подписывает все чеки и расплачивается по счетам. Когда к нам приходят документы, касающиеся юридических вопросов, их проверяет Стивен. Если я покидаю страну, то знаю, что наше служение находится в надежных руках.

Мой младший сын, Питер, занимает должность вице-президента и главного менеджера по эксплуатации всех теле- и радиостанций. Он обладает опытом и талантами в этой области и снимает с меня огромную долю забот.

Фрэнк, самый старший сын, вместе со мной служит пастором в церкви Саут-Бенда. Наши прихожане любят его, он всегда полон радости и обладает даром евангелиста. Его пасторское сердце часто побуждает его искать заблудших или молиться за тех, кому

нужно утешение и исцеление.

Фрэнк и мой второй сын, Стивен, — великолепные проповедники Евангелия. Часто я слушаю их проповеди, записанные на пленку, и мне открывается новое измерение Божьей благости, появляется новое желание исследовать Божье Слово.

«Откуда это у них? — думаю я. — И почему я этого не видел раньше?»

Сегодня многие молодые люди быстро растут в служении, но очень рано гаснут и уже никогда не смогут взобраться на прежнюю вершину благословений, помазания или достижений. Моим сыновьям удалось избежать такой судьбы, потому что Господь подготовил их к работе точно так, как подготовил меня. Я думаю, поэтому все трое моих сыновей смогли найти свое призвание в рамках семейного служения. Бог готовил их к служению уже тогда, когда мы жили в Маниле, Гонконге и других частях мира. Мои сыновья вникали во все аспекты нашего служения и знали, что они не второстепенные личности в моей Деятельности. Уже в двенадцать и пятнадцать лет они были компетентными и ответственными, и никто не мог назвать их зелеными юнцами.

С самого начала мои сыновья знали, что наше служение станет их судьбой. Вот почему сегодня я могу положиться на них в принятии важных решений. Конечно, бывают времена, когда кто-нибудь из них неправильно оценивает ситуацию, но я оглядываюсь назад и говорю себе: «Подожди-ка, ему всего тридцать шесть лет. Когда мне было тридцать шесть, какие решения принимал я?» Затем я улыбаюсь: «Сынок, ты все решил правильно».

Если мы будем судить людей с высоты собственного возраста и опыта, то не сможем их правильно оценить. Я верю, что в этом последнем поколении Бог будет использовать молодежь так же, как и зрелых людей, в осуществлении величайшего пробуждения, которое когда-либо видел мир. Но для этого нужно уметь работать в команде.

Мужам Божьим нельзя быть эгоистами. Эгоизм разрушает команду точно так, как разрушает семью. Когда я консультирую семьи, то часто слышу, как люди рассказывают о своих проблемах: «Ко мне плохо относятся. Меня не уважают. Я делаю все, что могу, пора наконец и моей половине понять, что я.»

Тут я перебиваю их и говорю:

— В вас говорит дьявол. Прочитайте Книгу пророка Исаии и увидите, сколько раз дьявол произносит «я, я, я». Вам нужно убрать ваше «я» из разговоров и мыслей и вставить вместо него «ты». Нужно начать любить другого человека. Если вы начнете

отдавать пятьдесят два процента и ваш супруг(а) будет отдавать пятьдесят два процента, у вас останется четыре процента для ваших ближних.

Эгоизм разрушает, он никогда не созидает. Однажды главный управляющий одной из крупнейших деноминаций в Америке уехал на конференцию в Уэльс и умер там от сердечного приступа. Я писал его биографию около двух лет. Он, бывало, приезжал и останавливался у нас в Саут-Бенде на день или на два, и мы работали над историей его жизни. Когда он умер, книга была почти за кончена.

Я подумал: «Два года работы насмарку. Что же теперь делать?»

Я попросил его жену:

— Руфь, ты не сможешь приехать в Саут-Бенд, чтобы мы закончили биографию твоего покойного мужа? Ты можешь остановиться у наших друзей из церкви.

Она согласилась. Мой дорогой друг доктор Ховард Картер как раз в это время гостил в нашем доме, поэтому по вечерам я говорил жене: «Позвони Руфи и пригласи ее к нам на ужин».

Иногда жена кормила наших ребят отдельно, чтобы взрослые могли свободно пообщаться. Я садился во гла ве стола, с одной стороны от меня сидела Луиза, а Руфь и брат Картер сидели вместе с другой стороны стола.

После обеда Ховард на своем великолепном английском просил у Руфи разрешения проводить ее до машины. Так продолжалось несколько вечеров. Иногда у него уходило до получаса, чтобы довести ее до машины, которая стояла во дворе.

Однажды он спросил меня:

— Мистер Самралл, можно поговорить с тобой?

Я сказал:

— Конечно.

Он спросил меня:

— Что ты скажешь, если я женюсь на Руфи?

— Она хорошенькая и очень умная, — ответил я. (Ей было около пятидесяти лет, а ему чуть за шестьдесят.) — Мне эта идея кажется хорошей.

— В таком случае ты будешь моим шафером? — спросил он.

Я был польщен этим предложением.

Итак, они поженились и были очень счастливы. Но как это бывает в жизни любой супружеской пары, у них иногда возникали трудности. Однажды брат Картер пришел ко мне домой и сказал:

— Мистер Самралл, никогда не женись на вдове. — Почему? — заинтересовался я.

— Видишь ли, — начал он в свойственной ему манере, —

самые великие люди, жившие на этом свете, уже умерли.

Я засмеялся.

Некоторое время они жили в Спрингфилде, штат Миссури, затем вернулись в Англию, и оба в течение двух лет преподавали в библейской школе. После этого они уехали в Новую Зеландию и стали пасторствовать в церкви.

Они были женаты более двадцати пяти лет. Ховард Картер дожил до восьмидесяти семи лет и проповедовал до последнего дня. Он был великим, по-настоящему великим человеком.

Если вы сегодня посетите те церкви, которые мы с ним основали на Яве или в Европе, вы можете спросить: «Каким образом вы сумели все это оплатить?»

Мы сами ничего бы не сумели. Мы просто слушали Господа и повиновались Ему. А Он обеспечивал нас финансами.

Послушание очень важно. Полная чудес жизнь Ховарда Картера является тому свидетельством.

Бог — это не тиран, который стоит над нами с дубинкой. Чтобы наслаждаться Его совершенной волей и жить в Его совершенном плане на нашу жизнь, нам нужно внимательно слушать Его и повиноваться. И хотя я уже давно в преклонном возрасте, но по-прежнему слушаю Его и повинуюсь Ему. В результате приходят благословения.

Я служил в ста десяти странах и до сих пор постоянно путешествую. Но я по-прежнему должен беспрекословно повиноваться Ему. И хотя у меня может возникнуть соблазн почивать на лаврах и восхищаться всем тем, что Бог позволил мне исполнить, я должен слушать Его голос. Надеюсь, из этой книги вы извлечете самое главное — мы должны повиноваться Богу.

Чтобы выполнить эту цель наиболее эффективным образом, нам нужно изучать Его Слово. Ежедневное чтение Библии должно стать обязательным и первоочередным требованием. Начните с этого, а после привыкайте часами исследовать Божье Слово каждый день.

Вы будете понимать Библию только тогда, когда будете связаны с Ее автором. Я призываю вас каждый день проводить драгоценное время в общении с Господом. В конце концов, как вы сможете повиноваться Тому, Чей голос не знаете?

В наступающие последние дни Церкви Бог хочет приобрести людей, которые будут повиноваться Ему. Он хочет освободить мир от всех оков, которыми дьявол опутал человечество с целью уничтожить его. Чтобы это осуществилось, Ему нужны и молодые, и старые.

Помните, за свои последние сорок лет Моисей через Духа Святого сотворил больше чудес, чем любой другой герой Библии.

Иисус сотворил тридцать шесть чудес. Моисей — около сорока четырех. Когда восьмидесятилетний принц, ставший кочевником, пришел через пески Синая в Египет, он был суровым и смелым. Он шел, высоко подняв голову, далеко отбрасывая длинную тень. Его нельзя было перепутать ни с кем другим. Он держал себя достойно, и его следовало внимательно слушать. Его сверкающие глаза смотрели пронзительно.

«По Божьей воле я освобожу вас», — сказал он израильтянам и вывел свой народ из рабства и смерти.

История Моисея показывает нам, что возраст никак не может помешать тому, что намерен сделать Бог. Самый великий период в служении Моисея начался тогда, когда ему исполнилось восемьдесят лет. На самом деле Господь не дал Моисею уйти на отдых до тех пор, пока тому не стукнуло сто двадцать лет, и тогда Бог немедленно забрал его к Себе.

Только вы можете решить, когда вас нужно уволить. Я приготовился к смерти тем, что сделал все возможное, чтобы ничто не смогло помешать продолжению нашего служения. На мое имя не записано никакой собственности, у меня нет расчетных счетов в банке и тому подобное. Когда я умру, служение будет продолжаться также ровно, как и прежде.

Однако я не верю, что Бог очень скоро призовет меня к Себе. На самом деле я надеюсь стать очень старым проповедником и принять участие в следующем великом пробуждении, которое планирует Бог.

Есть много такого, что я еще не завершил. Пока не завершил.

22. Видение в Иерусалиме

Недавно я сидел на служении в церкви в Панама-Сити, штат Флорида, молясь и подготавливая свое сердце к проповеди. Вдруг перед собой я увидел реку крови. Это было самое удивительное видение, какое только можно вообразить. Я не мог видеть берегов реки, настолько она была широкой. Не было видно и ее начала, но она текла по направлению ко мне — тяжелая темно красная кровь.

Когда я встал на проповедь, я сказал приходу: «Долгие годы у меня не было никакого видения, но сегодня вечером я увидел реку крови так же ясно, как вижу сейчас вас. Мои духовные глаза видели реку крови, текущую прямо на меня».

На следующий вечер я проповедовал в Бирмингеме, штат Алабама. Пока я сидел в первом ряду, ожидая момента, когда нужно будет подняться на платформу, я опять увидел реку крови.

Я заморгал, пытаясь отогнать видение. Я подумал: «Ну вот, опять река крови. Надеюсь, это видение не будет преследовать меня остаток моей жизни». Я не знал, как мне понять это видение. Может быть, это предзнаменование суда?

На этот раз я расстроился и сказал присутствующим: «Сегодня я вижу такое во второй раз. Пожалуйста, запишите мое видение в своих Библиях и поставьте дату». Они записали.

Вернувшись домой в Саут-Бенд, я поговорил со старейшинами моей церкви.

— Я видел реку крови. Я видел эту реку два дня подряд. Может быть, это суд? Пожалуйста, ищите Господа и спросите Его, что значит мое видение.

Два или три дня спустя один из братьев подошел ко мне. Во время молитвы Господь сказал ему, что означает река крови. Это было совсем не то, что мы думали. Помните, когда Ной вышел из ковчега, Бог сказал ему, что все движущееся будет людям в пищу, — все плоды земли и рыба, и мясо животных, — только плоть с душою ее, то есть с кровью, нельзя есть. Ибо душа тела, или жизнь тела, в крови.

Далее этот брат продолжил:

— Господь сказал мне, что ты видел реку жизни. Господь собирается влить жизнь в тебя и твое служение. Оно будет настолько обширным, что ты не увидишь ни конца его, ни края. Оно будет настолько фантастическим, что ты не сможешь сказать, с чего оно началось.

Я был поражен:

— Неужели все действительно так и будет? — Так сказал

Господь. Будут периоды, когда ты не сможешь сосчитать то, что делает Бог. Он будет творить такие великие дела и с такой быстротой, что ты никак не сможешь контролировать ход событий.

На следующей неделе я был в Денвере и разговаривал с пасторами о новой станции нашего служения. Очень скоро она должна была начать свою работу. На встрече присутствовало около пятидесяти пасторов, и, когда все стали расходиться, один из них подошел ко мне и сказал:

— Вы знаете, я пришел сюда специально для того, чтобы передать вам послание от Господа.

— Что вы имеете в виду? — спросил я его довольно холодно.

Я не люблю, когда люди начинают пророчествовать мне. Если Бог захочет что-нибудь сказать мне, у меня на этот случай есть уши. Слишком многие докучают другим людям тем, что якобы сказал Бог, хотя на самом деле Бог ничего им не говорил. Большая часть их «пророчеств» никогда не исполняется. Поэтому я отнесся к его словам прохладно.

Он заплакал.

— Не надо плакать, — сказал я.

— Не знаю, что Господь хочет сказать вам, но Он имеет для вас сообщение, — повторил он.

— Ну, хорошо, — согласился я, — говорите.

Он закрыл глаза и сказал:

— Твоя жизнь, как дерево, посаженное в Боге. Твоя жизнь — это дерево, и на этом дереве растут ветви. Твое евангелизационное служение в молодом возрасте — это одна из ветвей дерева. На дереве так много ветвей. Твои миссионерские ветви принесли много плода и до сих пор продолжают приносить. Твоя церковь — это тоже ветвь. На дереве очень много ветвей. Твое телевизионное служение — это тоже ветвь. Радиослужение — тоже ветвь.

Он упоминал такие тонкости, которые не мог знать, если бы Бог не открыл ему. Вдруг он остановился и по смотрел на меня.

После короткой паузы он сказал:

— Так говорит Господь: на твоем дереве жизни скоро появится новая ветвь. Она будет больше, чем все остальные ветви. Она принесет так много плода, что ты сам будешь удивляться.

Затем он ушел.

— Боже, — стал я молиться, — разве Ты не знаешь, что я уже старик? Мне не надо никаких новых ветвей.

— Ты достаточно стар, чтобы Я мог тебе доверять, — ответил Бог.

Некоторые люди, которым Бог доверял, взяли Его деньги и

построили себе целые империи. Иные попали в сложные ситуации и не сумели расплатиться за свои проекты. Бог никогда не планировал такое для Своих детей. Проповедники не должны попадать в финансовые проблемы, если они приводят ко Христу заблудшие души. Они попадают в финансовые проблемы тогда, когда начинают строить себе империи.

Теперь у меня было две реки жизни и одно дерево.

Я сказал: — Господи, я боюсь.

Через пару недель в составе группы в пятьсот двадцать восемь человек я поехал в Святую землю. Когда мы приехали на Галилейское море, нам захотелось пересечь его всем вместе, поэтому мы связали свои пять лодок и отплыли.

Погода была великолепная, и в чистом, прозрачном воздухе мы видели море от края до края. Я показывал, где происходили чудеса, которые творил Иисус, и все кричали от радости. Пассажиры на других лодках удивлялись и пытались понять, что происходит у нас, почему мы поем и славим Бога посреди моря, которое Иисус так любил. Мне никогда не забыть того чудесного путешествия. Оно произвело неизгладимое впечатление на всех нас.

В тот вечер в Иерусалиме я пошел спать около одиннадцати часов. Без десяти минут двенадцать Господь разбудил меня. Он сказал:

— Я хочу поговорить с тобой.

Я встал, вышел в соседнюю комнату, включил свет и достал карандаш.

Он сказал:

— В пророческом времени тоже наступила полночь.

Я вскочил на ноги.

Господь сказал:

— Послушай Меня очень внимательно.

Уверяю вас, я напряг свой слух. Затем Он сказал очень странную вещь:

— Мой народ, часть Моей Церкви, представляет собой предмет Моих особых забот. Я не хочу, чтобы они умерли от голода еще прежде, чем Я вернусь на землю. Ты будешь кормить Мой народ?

Я хотел сказать «нет» как можно громче. Я ничего не знаю о том, как нужно кормить людей. Я проповедник, а не повар. У меня нет ни малейшего желания кормить людей. Но я продолжал внимательно слушать.

— Для них это будет еда, принесенная ангелами. Для них это будет чудо.

Я сидел и записывал все, что говорил мне Бог, с полуночи до

пяти часов утра.

— Голодная смерть — мучительная смерть, — сказал Господь. — Я хочу, чтобы ты давал еду тем, кто умирает от голода. Если ты выполнишь это, Я сделаю твою жизнь счастливой и победоносной. Я дам тебе процветание во всем.

У меня на сердце были планы закупить еще несколько телевизионных станций. Я не отвечал Ему. Я просто сидел и молчал

Он сказал:

— Я обращаюсь к тебе здесь, в Иерусалиме. Это город, где Я взял хлеб, благословил и, разломив, сказал: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое». Я хочу, чтобы ты взял хлеб Святого Духа и хлеб души и дал его многим людям, которые голодают по лицу земли.

Я спросил:

— Но что Ты имеешь в виду?

— Никогда не давай только хлеб. Никогда! Не нужно кормить только тела людей. Возьми хлеб Моей Церкви и давай его тем, кто испытывает голод. В последние дни наступит такой сильный голод, какого мир не видел никогда.

Он велел назвать это новое служение «Программа Иосифа последних дней». Я должен был закупить в разных частях мира огромные запасы продовольствия и подготовить помещения для того, чтобы во времена сильнейшего голода у нас были продукты.

— Тебе нужно будет рассказывать об этом пасторам во всем мире и велеть им собирать особые пожертвования и отдавать их твоей новой миссии. Я подниму во всем мире десять тысяч пасторов, и они будут давать этому служению. Ты будешь брать эти финансы и отдавать их пасторам в голодающих странах, а те будут кормить на эти деньги свой народ.

Во многих случаях тебе придется самому обеспечить быструю доставку продуктов на самолете. Если ты пошлешь продукты морем, на это уйдет слишком много времени, и коррумпированные чиновники разворуют твои продукты.

Бог снова и снова повторял:

— Мой многомиллионный народ, Мой Собственный народ встает утром и просит Меня: «Отче наш, Сущий на небесах, да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля. Твоя и на земле, как на небе. Хлеб наш насущный дай нам на сей день». Но наступает вечер, а их желудки по-прежнему пусты.

Я внимательно Его слушал. Я начал ощущать боль. Что, если ваши дети голодны и вы молитесь утром Господней молитвой, но вечером укладываете детей, плачущих от голода? Он сказал мне также, что Он говорит об этом другим людям, однако они не

хотят жертвовать.

Господь сказал:

— Ты будешь кормить Моих маленьких детей?

— Да, — ответил я.

— Ты будешь много радоваться, — сказал Он.

Он рассказывал мне в течение пяти часов о том, как это сделать, и даже о том, кто это будет делать.

Я сказал:

— Господи, я очень хочу стать Твоим инструментом. Я уже почтенный старец, но мне не нужно почитания со стороны людей. Мне не нужно почестей. Я долго живу на этом свете, но у меня нет никаких сокровищ на земле. Я ничего не заберу с собой отсюда. Я хочу только работать для Тебя до тех пор, пока Ты не придешь. Я хочу благословить Твою Церковь и благословить нуждающихся.

Друзья мои, я хочу, чтобы вы услышали это и хорошенько обдумали. Если это Господь, тогда мы должны повиноваться.

Надеюсь, вы это поняли из моей книги — мы все должны повиноваться Господу. Пожалуйста, ищите Господа в этом направлении. Исследуйте свое сердце. Получите свое видение, друзья.

Впереди нас ждут голодные годы, и от многочисленных американских христиан потекут благословения во все концы земли.

Вы можете спросить:

— Когда же все это начнется?

Сегодня население Сомали вымирает от голода. Международные организации гуманитарной помощи в отчаянии от того, что никто не хочет слышать их крики о помощи. Американцы уже остыли и не слышат криков, доносящихся из Сомали и Эфиопии и других мест Западной Африки. Албания находится в отчаянном положении, дела плохи и в России.

Есть еще одна странная деталь в том видении, которое я получил в Иерусалиме. Я постоянно слышал одно слово: «Геркулес». Геркулес? Чтобы это могло значить? Единственный Геркулес, которого я знаю, это мускулистый ложный бог из греческой мифологии. Почему Господь дал мне имя языческого лжебога?

После того как я вернулся из Иерусалима и рассказал о своем видении моим сыновьям и штатным работникам на шего служения, мы начали говорить о том, насколько важно для подобного служения иметь собственные самолеты.

Когда ненадежное правительство Сомали потерпело крах, верх взяли различные воинствующие группировки. Это были

бандиты такого же ранга, что и обычные уличные группировки где-нибудь в Нью-Йорке. Практически вся гуманитарная помощь перехватывается этими вооруженными бандитами из самых разных фракций. Вот почему Организация Объединенных Наций, а затем и Соединенные Штаты послали туда свои вооруженные войска — для обеспечения безопасности при выгрузке продовольствия из кораблей и доставке его на государственные склады, а оттуда в бедствующие районы.

В большей части стран третьего мира доставка гуманитарной помощи — дело исключительно сложное. Продовольствие исчезает с доков еще прежде, чем к нему подпускают миссионеров. Но даже если товар не исчезает, коррумпированные правительственные чиновники создают нелепые «таможенные сборы на импортные товары», которые по сути своей являются взяткой. Во многих странах таможенные пошлины равняются рыночной цене на ввозимый продукт. Это значит, что если вы ввозите мешок пшеницы стоимостью в десять долларов, то в странах третьего мира вам придется уплатить еще десять долларов за разрешение ввезти пшеницу в страну.

Это становится серьезной проблемой, когда вы привозите пшеницы на сто тысяч долларов. Сердце кровью обливается, когда видишь, что Божьи деньги уходят к какому-нибудь вору, который отвечает за работу торгового порта. Другая проблема, связанная с гуманитарной помощью, заключается в ее доставке конкретному потребителю. Инфраструктуры доставки товаров во многих частях мира просто не существует. Я видел, насколько было важно для нас приобрести собственные самолеты. Мы должны были иметь возможность доставки самолетом продуктов питания в местные аэропорты по всему миру. Когда я делился этими мыслями с работниками в Саут-Бенде, я повернулся к пилоту нашего служения, Торпу Митчеллу, и спросил его:

— Послушай, а что такое «Геркулес»?

Этот человек, посланный Богом летать на самолете нашего служения, очень странно посмотрел на меня и спросил:

— А почему вы спрашиваете?

— Видишь ли, — ответил я ему, — Бог все время повторяет «Геркулес, Геркулес».

Торп ушам своим не поверил.

— Как интересно, — задумчиво сказал он.

— Это единственный в мире самолет, который способен выполнить то, о чем вы только что говорили. «Геркулес» — это название Локхида С-130, собственно говоря, это военный самолет. У него четыре турбовинтовых двигателя, и он легко загружается через задние отсеки. Он может пролететь несколько тысяч миль

без дозаправки и может сесть со значительным грузом в любой неприспособленной для посадки местности.

Ни один другой самолет не способен на это. Другие самолеты могут взять больше груза, могут пролететь большее расстояние, могут лететь быстрее, а иногда и дешевле, но ни один другой самолет не сможет доставить груз в районы, о которых вы говорили.

После того как он все это объяснил мне, я сказал:

— Тогда достань нам один такой самолет. В тот момент Торп Митчелл понял, что Господь готовил его именно для этого периода служения. Он прошел уникальную подготовку для полетов именно на этом самолете, именно для того, чтобы использовать военный самолет «Геркулес» в нашем служении, летать на нем и обеспечивать его надежность.

23. Посреди всех чудес

Торп Митчелл большую часть 1960-х годов провел В Военно-воздушном флоте США. ОН облетел весь мир. В 1970-е годы он уволился в запас, но остался в ВВС США. В начале 1980-х он стал командиром эскадрильи, под началом у него находилось четыреста человек и двадцать шесть боевых реактивных самолетов.

Затем Торп уволился из армии и стал служить у нас. Он был приписан к военно-воздушной базе в Райт-Паттерсоне в штабе военно-воздушных сил по материально-техническому снабжению и имел доступ ко всем системам вооружения ВВС США.

Райт-Паттерсон — это самая большая база в мире, на которой работают около тридцати трех тысяч служащих. Ею командует генерал с четырьмя звездочками, а под его началом находятся генералы с тремя звездочками, ниже которых стоят генералы с двумя звездочками и так далее. Мне сказали, что на большей части баз ВВС самый высокий офицерский чин представлен полковником, что соответствует рангу Митчелла.

Рядом с офисом Митчелла на базе находился программный офис «Геркулеса» — Локхида С-130. Руководил этой программой близкий друг Митчелла. Митчелл сразу предупредил меня, что новый С-130 будет стоить тридцать миллионов долларов. Это громадная сумма денег, в некоторых странах она составляет годовой бюджет. Мы не могли даже помышлять о таких деньгах. Поэтому я предложил Митчеллу поискать самолет, бывший в употреблении.

Друг Митчелла посоветовал нам посмотреть четыре самолета, находившиеся в Лейк-Сити, штат Флорида. Частное ремонтное предприятие, расположенное там, произвело капитальный ремонт этих самолетов для правительства Перу, которое не могло рассчитаться за ремонт. Поэтому ремонтная компания осуществила право удержания[1] и теперь продавала самолеты, чтобы оплатить собственные расходы и труд рабочих. Примерно в это же самое время я выступал на собрании в Майами, а затем в Литл-Рок, штат Арканзас. Митчелл сказал мне, что Лейк-Сити находится недалеко от моего маршрута.

— Давай слетаем и посмотрим на эти самолеты, — предложил я.

Мы полетели в Лейк-Сити. Они стояли там крыло к крылу и выглядели как новенькие. Компания просила по четыре миллиона долларов за каждый. Для нашего служения эта сумма была слишком высокой.

Мы опять начали молиться. Один из самолетов выделялся из всех остальных. В нем был совершенно новый пол, а в грузовом отсеке кто-то даже хромировал крепежные кольца. Митчелл сказал, что он никогда не видел С-130 в таком безупречном состоянии. Выяснилось, что этот самолет готовили в качестве демонстрационной модели для Воздушной национальной гвардии штата Миссури, прежде чем он был продан в Перу. Поскольку он должен был свидетельствовать о технических достижениях компании-производителя, то был изготовлен с особой любовью и представлял собой образец высшего качества.

Мы наняли специалистов, которые испытали самолет, и их отчет был поразительным. Все до единого подтвердили, что это самый лучший «Геркулес» из всех, на каких им приходилось когда-либо летать. Он намного более чутко реагировал на действия пилота, был мощнее и, казалось, вообще находился в лучшем состоянии по сравнению с обычными С-130.

Мы договорились о встрече с перуанским военно-воздушным атташе в Вашингтоне и предложили цену в полтора миллиона долларов, что было на четыре миллиона меньше просимой суммы. И, конечно, это было во много раз меньше, чем тридцать миллионов, в которые обошелся бы нам новенький «Геркулес» прямо после сборки на заводах Локхида.

Но нам по-прежнему нужно было просить Господа дать нам необходимые полтора миллиона долларов. Это был барьер номер один, который нам предстояло взять. Следующие два барьера также требовали сверхъестественного вмешательства Бога.

Во-первых, нам предстояло получить одобрение Государственного департамента США на приобретение современного, не вышедшего из употребления военного самолета. Когда мы обратились к департаменту с этой просьбой, там все были совершенно озадачены. Они привыкли к подобным просьбам со стороны иностранных правительств или ведомств, занимающихся тушением лесных пожаров. Но христианское служение, пожелавшее приобрести военный самолет? Наше предложение было беспрецедентным…

Мы также должны были получить согласие Федеральной авиационной ассоциации США, которая занимается гражданскими делами, связанными с воздушным пространством. Они тоже, казалось, не знали, как реагировать на желание церкви из Индианы приобрести самолет, чтобы кормить голодных.

Госдепартамент первым сообщил нам весть, которая расстроила нас. Нас частным образом предупредили о том, что нам будет отказано.

К счастью, Господь заранее усмотрел все таким образом, что в

Белом доме у нас оказался друг, к мнению которого президент прислушивался. Из Белого дома в Госдепартамент было отправлено письмо с сообщением о том, что президент хочет, чтобы эта сделка была одобрена. Это письмо и решило исход дела.

Наш адвокат перезвонил нам и заявил:

— Не знаю, что вы сделали, но Госдепартамент вдруг изменил свое решение и собирается удовлетворить вашу просьбу.

Тем временем Бог начал присылать деньги для покупки самолета.

Господь также продолжал убирать с нашего пути и другие горы. Мы сэкономили семьдесят пять тысяч долларов на налоге с продаж во Флориде, потому что перуанское правительство согласилось переправить самолет в Индиану, а здесь мы освобождены от этого налога.

Затем мы сэкономили крупную сумму, когда один правительственный чиновник бесплатно выдал нам сертификат на право доставки нашего «перуанского» самолета по воздуху из Флориды в Индиану.

Однажды посреди всех этих чудес Господь спросил меня, где моя вера. В это время я молился: «Почему мы до сих пор не получили самолет?» Господь сказал мне: «А куда ты собираешься поставить его, когда он прибудет? Разве Я не велел тебе на Филиппинах сначала построить церковь, а потом уже собрать приход? Ты послушался, и затем появились люди. Я хочу, чтобы ты построил ангар прямо сейчас, хотя самолета у тебя пока нет».

Я стал выполнять это повеление. Ангар обошелся нам в семьсот тысяч долларов, и в аэропорту Саут-Бенда это был самый большой ангар. В течение нескольких недель над нами смеялся весь Саут-Бенд, поскольку мы строили ангар для самолета, который, по общему мнению, мы никогда не сможем приобрести. Теперь-то я уже точно знаю, что чувствовал Ной при строительстве ковчега.

Один военный командир в Янгстаун, штат Огайо, сказал нам прямо и откровенно: «Вы никогда не сможете купить такой самолет, как С-130!» Когда он сказал это, я не ответил ни слова, хотя внутри у меня все кипело. Мы вышли из его офиса, и я сказал про себя: «Если у дьявола могут быть такие самолеты, Бог даст нам один из них».

Другой военный офицер ВВС из Флориды отвел нас в сторонку и сказал: «Вы не получите С-130». Мы только улыбнулись и все предали в руки Бога.

Пока мы еще искали самолет, мой сын Питер позвонил одному брокеру, специализирующемуся на самолетах, и сообщил,

что мы хотим купить военный самолет С-130. Брокер выразил мнение, что Питер сошел с ума. Он не собирался тратить время на поиски С-130, потому что правительство ни в коем случае не позволит нам приобрести военный самолет.

Недавно Питер зашел в офис того брокера и показал ему фотографию нашего «Геркулеса». Если бы у брокера было чуть больше веры, он мог бы заработать очень приличные комиссионные. Но тут свершилось еще одно чудо. Бог сделал все таким образом, что нам не пришлось никому платить комиссионные.

Это было невероятно — видеть С-130 перед нашим ангаром в аэропорту. Мое сердце было переполнено радостью. Я еще раз повиновался, и Бог обеспечил осуществление Своих планов. Я не думаю, что это видение достигло своего конца. Молюсь о том, чтобы у нас со временем было по крайней мере шесть «Геркулесов».

После того как мы приобрели самолет, Господь повел нас к преуспевающему бизнесмену по имени Дон Типтон. Много лет назад Бог заговорил к Типтону и велел ему оснастить океанский лайнер, однако не сказал, зачем и что делать с этим судном. Дон повиновался и приобрел рыболовное судно. Затем он собрал добровольцев и за пять лет вычистил судно, приспособил его для плавания в глубоких водах и перевез в Сан-Педро, штат Калифорния, в район Лонг-Бич, где проживает сам.

Примерно в то же время, когда мы получили разрешение перевезти наш С-130, Дон загружал свое судно для отправки в Никарагуа, к миссионерам.

Во время первого же, пробного, полета С-130 мы отвезли груз миссионерам в Гватемале. Мы сели на узкую грязную полоску высоко в горах, неподалеку от индейского поселения Кетцалтенанго.

Прибыв туда, мы забрали некоторую часть груза с корабля Дона и развезли по миссионерским станциям. Мы произвели на Дона такое впечатление, что он заявил: «Вы можете пользоваться моим кораблем сколько хотите. Мы — ваши». С того времени мы постоянно пользуемся его услугами.

Когда он сказал это, я ответил ему:

— Я хотел бы доставить в Латвию свой груз к августу. Дон ответил:

— Нет, не получится. Вы не представляете, что такое загрузка корабля. На это уходят буквально месяцы, а он все еще на пути из Никарагуа.

Но я убедил его, и корабль с нашим грузом прибыл в Латвию в тот самый день, когда Горбачева посадили под домашний арест.

В течение трех дней мы не могли связаться с капитаном корабля, чтобы выяснить, что там произошло. Мы могли предполагать что угодно — конфискацию корабля, кораблекрушение или заключение всей команды под стражу.

Когда переворот в этой стране провалился, мы узнали, что наши люди в это время раздавали народу продукты.

Это семипалубное судно может перевозить пять тысяч тонн груза, что равняется десяти миллионам фунтов. Сейчас, когда я пишу это, оно опять загружается и через несколько дней отправится в маленькую страну Албанию, чтобы накормить там голодных людей.

Премьер-министр этой страны в разговоре со мной сказал:

— Если вы привезете нам продукты, то спасете жизнь нашим детям.

Я ответил:

— Хорошо. Вы старайтесь навести порядок в своей стране, а наше служение позаботится о детях.

Помню, когда я хотел благословить город, я вставал перед Господом на колени. Теперь мы берем для Господа целые страны и народы.

И вот, когда я пишу это, наш С-130 находится в Дании, а на следующий день он вылетит в Албанию.

Сразу после войны с Ираком в течение двух месяцев мы возили продукты питания голодающим курдам в этой стране — сотни тысяч фунтов продуктов. Когда мы прилетали к ним, от дизентерии умирали тысячи людей в день. Мы привезли очистители воды и военную походную кухню, а затем начали кормить голодающих. Благодаря этому сегодня многие курды живы и превозносят Бога за наш С-130.

Нам даже пришлось летать в исламистский Иран с доставкой нашего груза. Если помните, Иран с благословения Аятоллы взял в заложники все американское посольство на целых четыреста сорок четыре дня. По пути туда во время остановки на Кипре у С-130 возникла проблема с мотором. Это произошло в выходные дни, и местным миссионерам пришлось в срочном порядке собрать все имевшиеся у них наличные деньги, чтобы купить новый мотор. Мы собрали десятки тысяч долларов. Это само по себе чудо. Не у всякого миссионера могут оказаться при себе десятки тысяч долларов для такого непредвиденного случая. Это были бедные миссионеры, но Господь заранее усмотрел, чтобы у них были эти деньги именно в тот момент, когда мы отчаянно нуждались в помощи. Мы были рады продолжить полет милосердия с доставкой груза курдским беженцам.

Недавно мы послали две тысячи тонн риса филиппинцам, и

люди едят его по сей день.

Наших продуктов ждут еще многие другие города и люди.

Мы будем рады выслать наших людей в Панаму с целью найти там христиан и накормить голодающих людей в церквях. Как только мы получим разрешение вылететь в эту многострадальную страну, мы это сделаем. Как мы рады, что Иисус желает и готов действовать!

Я мог бы написать целую книгу о приключениях, которые происходили с нашим самолетом и кораблем. Но главное, что я хочу сказать и подчеркнуть, — я был послушен Богу, и Он все устроил. Последняя большая ветвь на моем дереве жизни стала служением, призванным накормить голодных во всем мире. Бог велел мне сделать это, и я должен был повиноваться.

24. Вы хотите проявить послушание?

Недавно пастор одной небольшой церкви сказал своим прихожанам: «Мы хотим помочь брату Самраллу накормить голодных, и сейчас мы будем собирать для него пожертвования. Я взял обязательство давать ему каждый месяц по одной тысяче долларов, то есть двенадцать тысяч в год».

В первый же день они собрали четырнадцать тысяч долларов. Затем он собрал пожертвования для собственной церкви, и опять сумма была намного выше, чем обычно.

Бог творит великие дела, если мы позволяем Ему, если мы хотим повиноваться.

Когда я впервые начал рассказывать о видении, которое получил в Иерусалиме, мои сыновья проявили некоторую настороженность. Один из них сказал мне:

— Как мы будем далее развивать наше телевизионное служение, если ты все время ходишь и всем рассказываешь о голодных?

Я ответил:

— В ту ночь, когда Господь говорил ко мне, Он также обещал дать процветание всему, что я буду делать, если я выполню Его повеление.

У Бога имеется много каналов благословений. Он может благословлять все аспекты деятельности, а не только один. Мы верим, что Бог позаботится обо всех нуждах нашего служения, мы верим, что Он будет и дальше развивать наше телевизионное служение, а также накормит миллионы голодных. Это очень большое дело. Это больше, чем мы все, вместе взятые и умноженные в сотни раз. Очень большое дело.

А вы хотите помочь мне?

Меня поражает масштабность этого мероприятия. Обычно средний американец охотно жертвует в течение двух-трех месяцев, но потом он остывает и забывает о своем обещании.

Бог хочет, чтобы мы были способны на великие дела. Недавно я послал заказ в Копенгаген, Дания, чтобы закупить мясо для Албании.

Когда мы закупали продукты для России, я разместил свой заказ в одной продовольственной компании. Я выслал им чек на восемьдесят тысяч долларов, а они отгрузили нам на двести пятьдесят тысяч долларов наилучшей датской ветчины, очень вкусной. Русским она очень понравилась.

Каждый наш рейс перевозил до десяти тысяч фунтов мяса вместе с мукой и другими продуктами. Но мы не сможем

продолжать выполнять наше служение, если люди не подхватят наше видение.

Вы говорите:

— Но почему бы вам не поговорить с богатыми бизнесменами?

Бог велел нам не делать этого. Почему мы не просим о помощи крупные деноминации? Они работают над своими проектами.

Господь сказал мне:

— Небольшое количество людей, представляющее собой победоносную армию Гедеона из трехсот человек, может спасти весь мир.

Господь спросил:

— Ты помнишь историю богача и нищего?

Я ответил:

— Конечно, помню. Я много раз рассказывал ее в своих проповедях. Конечно, я знаю ее.

Бог сказал:

— Богач роскошествовал и наслаждался жизнью каждый день. Тысячи людей смотрели на него, как на прославленного принца, но у него была одна проблема. У его ворот постоянно сидел нищий по имени Лазарь. Слуга богача говорил нищему: «Лазарь, босс требует, чтобы ты ушел от нашего дома».

Нищий отвечал: «Я никуда не уйду. Я хочу есть».

Но ему говорили: «Если мы дадим тебе сегодня кусок хлеба, то ты завтра попросишь еще. Мы не можем пойти на это. Лазарь, наш хозяин велел убрать тебя, выкинуть тебя вон. Тебе лучше уйти от наших ворот подальше. Сегодня к нам приедут высокопоставленные гости, прекрасные ворота откроются, и в них начнут въезжать роскошные экипажи, запряженные красивыми лошадьми. Нам не нужно, чтобы ты сидел здесь и просил хлеба».

Может быть, слуги богача убили Лазаря, потому что очень скоро Лазарь очутился в раю. Но богач тоже умер. Библия говорит, что богач в преисподней поднял глаза и увидел Авраама, а рядом с ним Лазаря, и оба они были в раю.

Богач не стал умолять: «Авраам, пошли ко мне Лазаря, пусть он принесет бутылочку шампанского!»

Нет, на самом деле он сказал: «Пусть Лазарь омочит свой палец в воде и охладит мой язык!»

Я сказал Богу:

— Да, Господь, я знаю эту историю.

Он ответил:

— Я хочу сообщить тебе кое-что. Америка — это и есть тот богач, роскошествующий и наслаждающийся жизнью каждый

день. Во всей истории человечества американ цы — самые процветающие люди, а страны третьего мира — это Лазарь. Бедным не нужны ваши дома и машины, им нужен всего лишь кусок хлеба.

И теперь, мой друг, когда ты прочитал историю моей жизни и моего не всегда послушания, когда ты видишь, как Бог благословлял меня за это, я прошу тебя искать Его. Когда Господь заговорил ко мне в ту ночь в Иерусалиме, я понял Его сердце.

— Из-за человеческих грехов, — сказал Бог, — в эти последние дни миллионы людей умрут от истощения, но Я не хочу, чтобы хотя бы один из Моих детей умер от голода. Я не понимал, почему Он решил использовать именно меня, и Он объяснил мне это:

— Ты проповедовал в ста десяти странах, и ты любишь всех этих людей. Я хочу с твоей помощью накормить их.

Я верю, что богатая церковь Америки, как и церкви по всему миру, призвана сделать все, чтобы христиане в любой точке земного шара не голодали. Я также верю: если мы проявим сострадание и будем кормить голодающих, на земле начнется величайшее пробуждение. Господь подробно показал мне, что по всему лицу земли начинается великий голод.

Вы принимаете это видение? Может быть, это мой последний большой труд на земле. Присоединяйтесь к нам, чтобы спасти от голодной смерти миллионы людей.

Вы поможете накормить Божий народ в трудные дни, которые уже приближаются к нам? Вы будете кормить детей христиан, которые просят Бога «дать им хлеб насущный»?

Что говорит вам Господь? Вы хотите проявить послушание?

Если хотите написать в «LeSea» или получить больше информации о программе «Накорми голодных», пишите по адресу:

LeSea, Inc.

P.O. Box 12

South Bend, IN 46624

Доктор Лестер Самралл был основателем и председателем международного миссионерского служения Евангелическая

ассоциация Лестера Самралла (LeSea). Его знали во всем мире как выдающегося миссионерского деятеля, который в течение более шестидесяти лет основывал церкви и учил Слову Божьему. Кроме того, он служил пастором в Храме хвалы Христианского центра и руководил работой штаба Международного служения «LeSea» и Международного радио- и телевещания «LeSea» в Саут- Бенде, штат Индиана, где жил со своей женой Луизой. Его трое женатых сыновей, Фрэнк, Стивен и Питер, также работают в этом служении.

Доктор Самралл был плодовитым автором, написавшим более ста десяти книг и учебных программ. Он также стал основателем и ректором библейского колледжа «Всемирная жатва» и ведущим телевизионных программ «LeSea в прямом эфире» и «Серия уроков Лестера Самралла».

Яркий и выразительный оратор, доктор Самралл передавал Божье послание с дерзновением и властью. Он эффективно использовал электронные средства информации для евангелизации современного мира. Международное радио- и телевещание «LeSea», основанное им, вещает через восемь телевизионных станций в следующих городах:

WHMB TV-40 Индианаполис, Индиана.
WHME TV-46 Саут-Бенд, Индиана.
KWHB TV-47 Талса, Оклахома.
KWHE TV-14 Гонолулу, Гавайи.
WHKE TV-55 Кеноша, Висконсин.
KWHD TV-53 Денвер, Колорадо.
KWHH TV-14 Гило, Гавайи.
K21AG TV-21 Мауи, Гавайи.

Фотографии

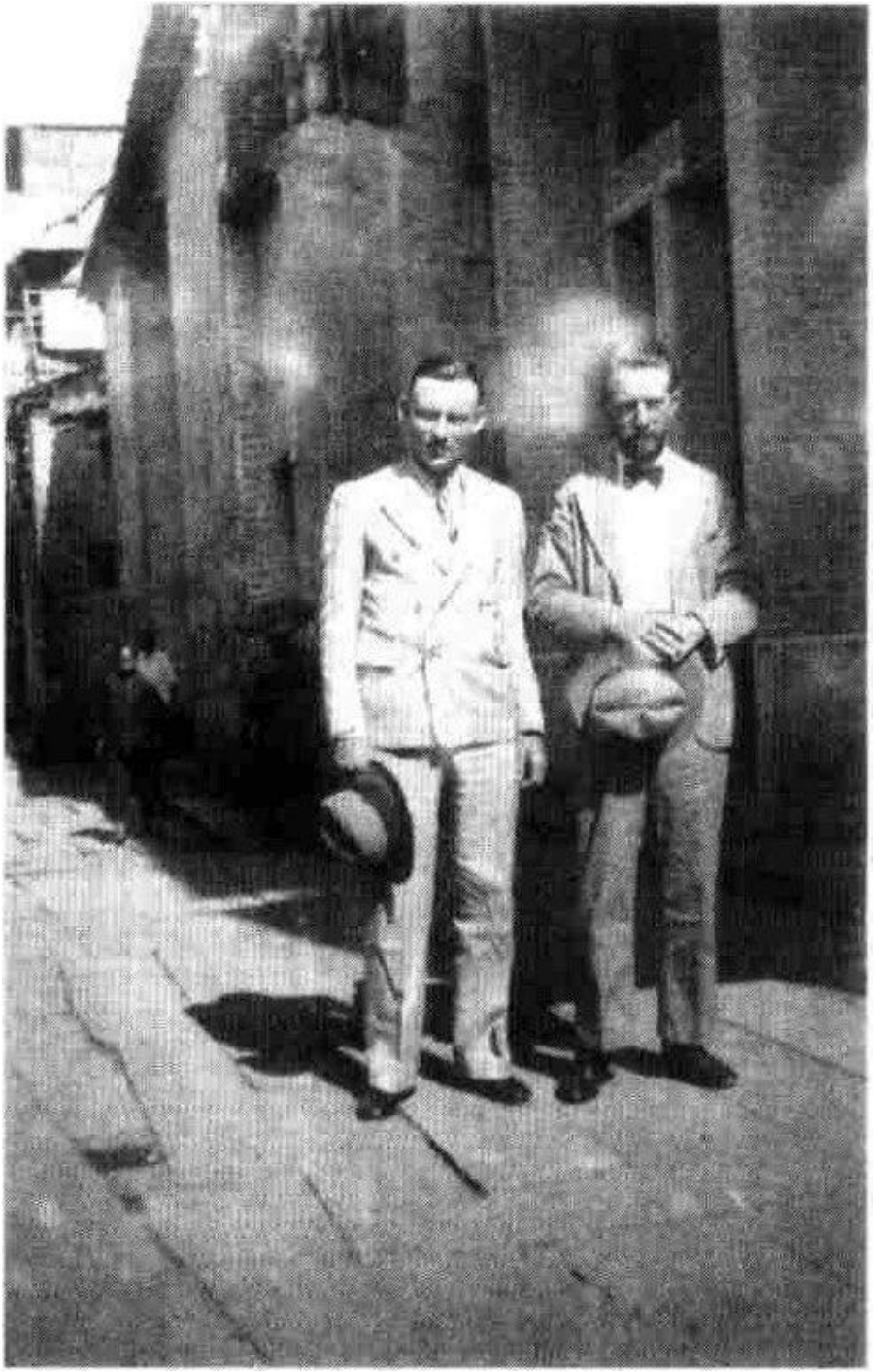
Таким я был, когда впервые стал проповедовать в возрасте семнадцати лет.

Слева: фотография сделана, когда мне было около восемнадцати лет. В то время я служил в Грин-Форесте, штат Арканзас. Справа: одна из самых чудесных христианок, которых я знал в своей жизни, — моя мама Бетти Самралл, оказавшая на меня сильнейшее влияние.

Джордж и Бетти Самралл. Мои отец и мать.

Март 1936 года, Вильма, Польша. В центре брат Картер с бородкой, которую отпустил на Тибете и уже никогда не сбривал до самой своей смерти. Я сижу рядом с ним справа.

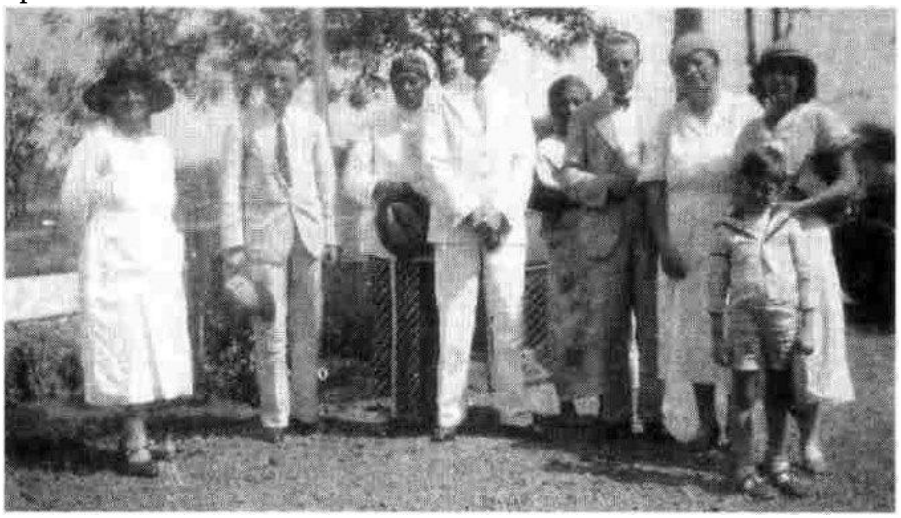
Ховард Картер и я во время нашей первой совместной миссионерской поездки вокруг света.



Доктор Ховард Картер и я в Польше. В течение трех зимних месяцев мы проповедовали в разных городах. Обстановка не выглядит очень комфортной, не так ли?

Путешествие верхом на муле через труднопроходимые места в Центральной Америке, служение в деревнях, городах и местах проживания диких племен.

Во время моей первой миссионерской поездки на Яву с Ховардом Картером. Мы стоим в окружении яванских работников Евангелия. Я стою вторым слева, а брат Картер — четвертым справа.

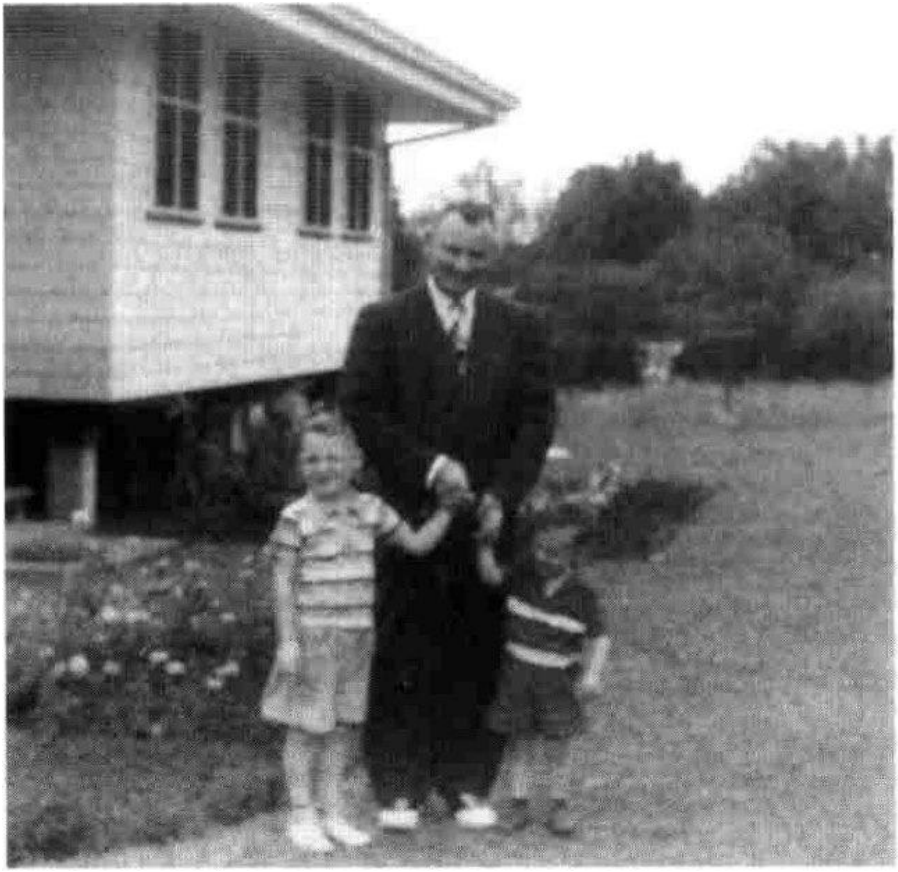


Мой брат Эрнст с женой. Эрнст живет в Мобиле, штат Алаб ама. Он служил пастором большой церкви (Stone Church) в Чикаго в течение двадцати восьми с половиной лет. Его внук Дэвид Самралл пасторствует в одной из наших церквей на Филиппинах. Он служил пастором большой церкви (Stone Church) в Чикаго в течение двадцати восьми с половиной лет. Его внук Дэвид Самралл пасторствует в одной из наших церквей на Филиппинах.

Я только что завершил путешествие вокруг света на самолете «Пан-Американ».

Моя прекрасная жена и я в день нашей свадь бы. 30 сентября 1944 года.

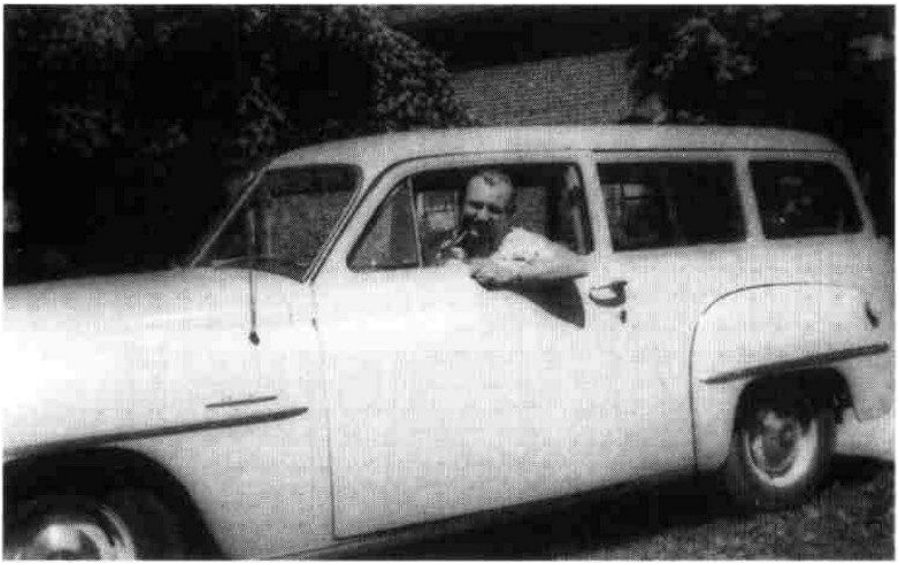
Фотография сделана много- много лет назад во время служения на Филиппинах. Я стою рядом с нашим домом с Фрэнком и Стивом.



Я с женой в аэропорту Багайо. Нас встречают дети из детского дома Багайо, ставшего нашим первым подшефным детским домом.

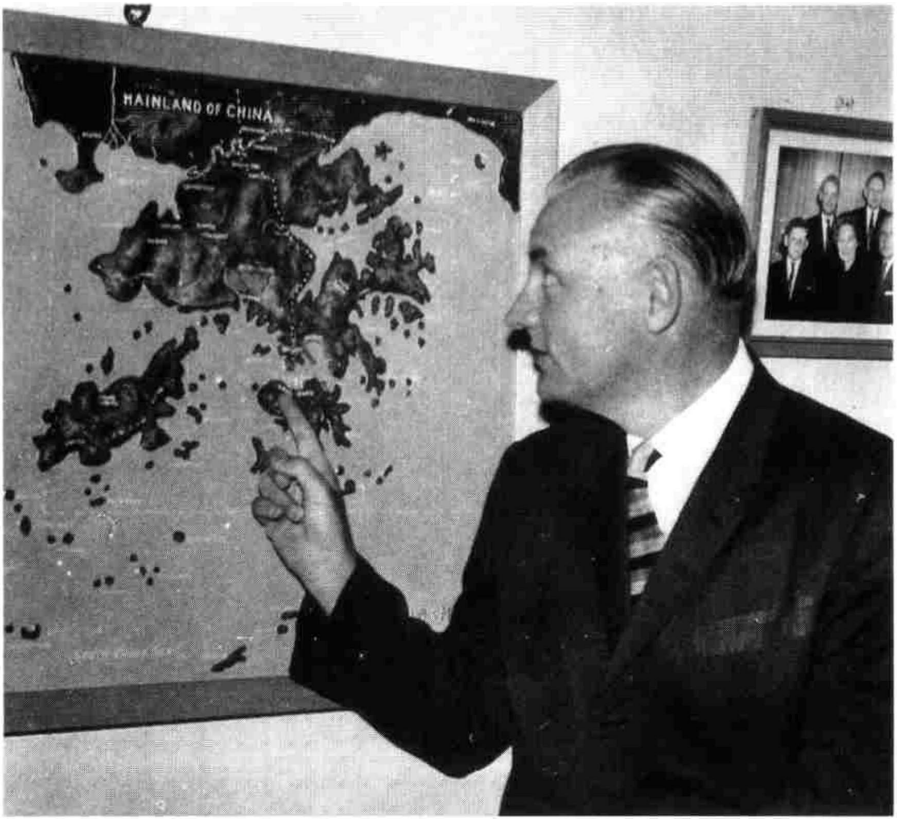
Клифтон Эриксон и я проводим пробуждение на открытом воздухе на Филиппинах. Эта огромная аудитория собралась напротив здания городского муниципалитета в Маниле.

Это «плимут» 1952 года выпуска. Мы взяли его с собой, когда отправились жить и служить на Филиппинах. Он был совершенно новый. Уезжая оттуда, мы оставили машину семье миссионеров.

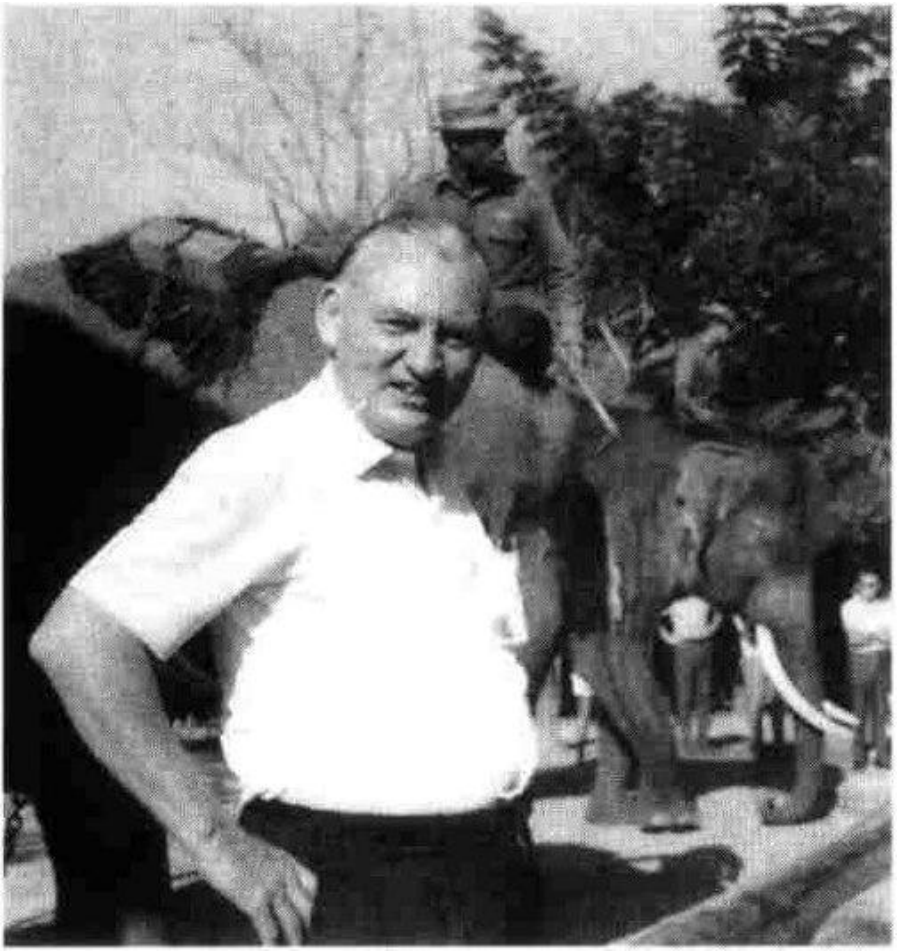


Это военная база в Барбадосе во время Второй мировой войны. В тот приезд многие местные жители тоже отдали свои сердца Господу. Я веду их в молитве.

Эта фотография была сделана в 1950-е годы, когда мы уехали в Гонконг строить новую церковь. Я стою у карты и показываю на Гонконг. Позже в Гонконге мы открыли Храм Новой жизни (New Life Temple Church).



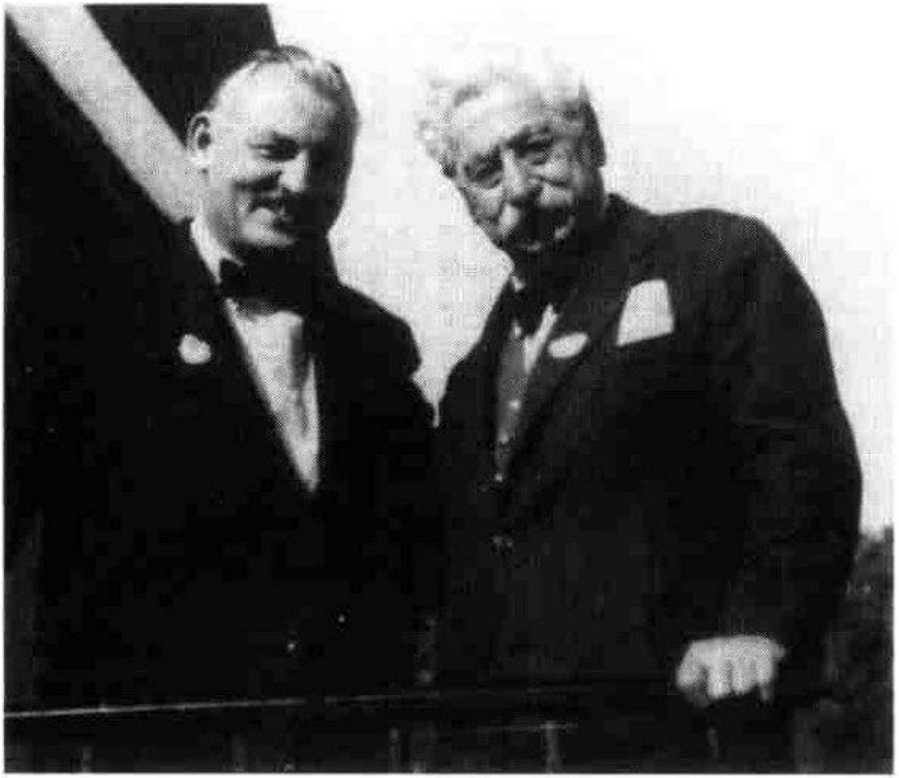
Это я фотографировался в Таиланде, куда приехал проповедовать. Позади меня стоят рабочие слоны, которые носят тяжелые бревна и выполняют повседневную работу.



Питер, Луиза, Фрэнк, я и Стивен. Портрет семьи Самраллов во время моего пасторского служения в Гонконге.

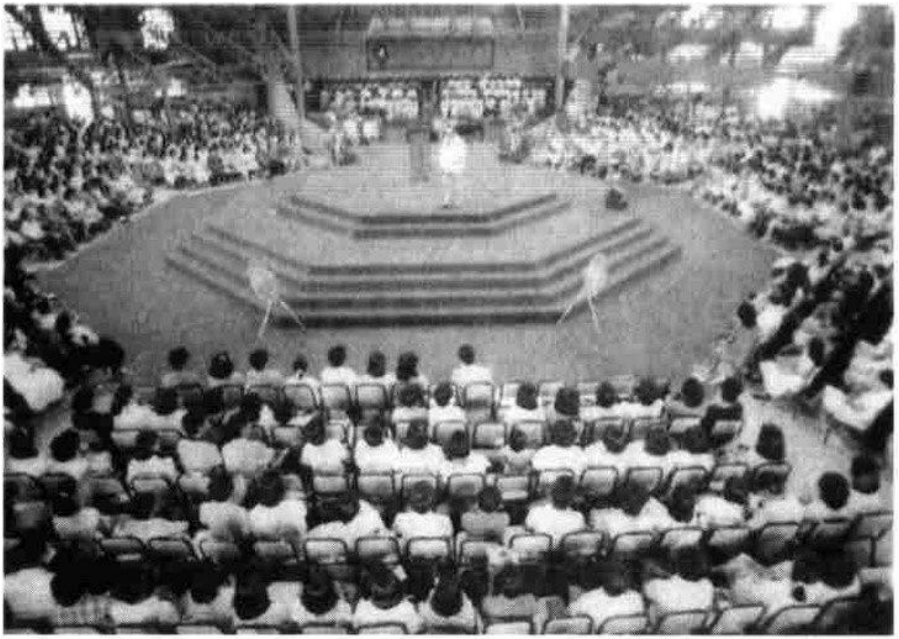
В Гонконге мы арендовали огромные рекламные щиты у входа на паром. Этим паромом пользуется примерно один миллион человек. Я стою рядом с рекламным щитом, на котором висит объявление с рекламой Храма Новой жизни, нашей церкви в Гонконге.

Это знаменитый еврейский писатель, Шоломаш Огг, и я. Мы встретились в Израиле и стали хорошими друзьями. Он написал известную книгу «Назарянин» («The Nazarene») и многие другие. Мы часто виделись друг с другом. Он был настоящим джентльменом.



Я провожу крусейд в Бразилии, слева от меня стоит переводчик.

Это церковь, которую я открыл в Маниле и где теперь пасторствует Дэвид Самралл (мой внучатый племянник). В течение недели я проводил там специальные собрания.



Теплая встреча при возвращении на Филиппины меня и моей жены после служения на Востоке. Нам на шею повесили венки из цветов, как на Гавайях. Обратите внимайие, какая жена стройная от филиппинской жары. Но на меня, как видно, жара совсем не действует.

Первые сироты, которых мы усыновили на Филиппинах в городке под названием Багайо. Мы не взяли их в свою семью, но стали оказывать поддержку этому детскому дому.

Самраллы в 1968 году закладывают фундамент радиостанции WHME-FM в Саут-Бенде.

В этом доме в Саут-Бенде мы прожили долгие годы. Затем мы подарили этот участок с домом церкви. Они перенесли дом в сторону и сделали из него общежитие для девушек. Оно стоит на

территории церкви.

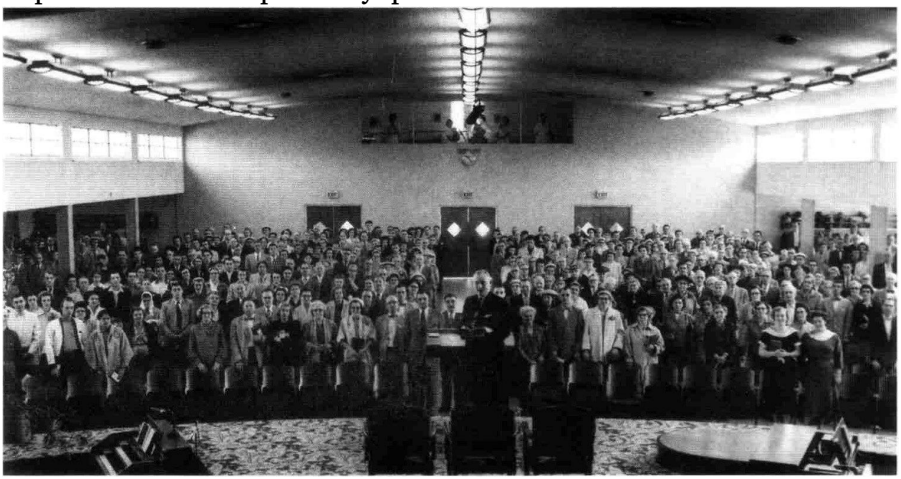
Это первая церковь, в которой я пасторствовал в Саут-Бенде, штат Индиана. В зале сто шестьдесят семь посадочных мест. Фотография сделана во время пробуждения, которое мы проводили в городе. Это было чудесное и волнующее время в моей жизни.

Пэт Робертсон и я на нашей первой телевизионной станции, сороковой канал в Саут-Бенде, штат Индиана. Он приехал, чтобы

помочь нам с организацией многочасовой телевизионной программы.

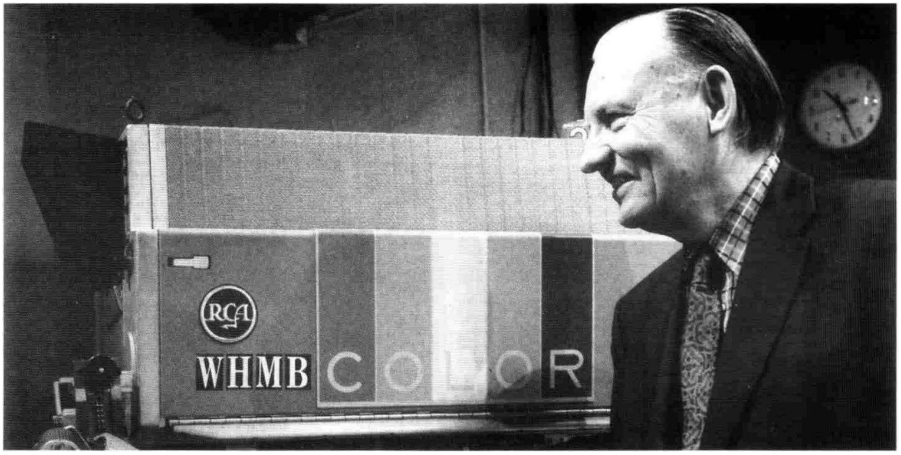
Когда мы купили сороковой канал, у нас не было оборудования и осталось очень мало денег. Нам нужно было что-то придумать для звукоизоляции на стенах студии. Я отправился на птицеферму и попросил дать мне ячейки для яиц. Этими ячейками мы выложили стены студии. Вы можете их видеть за нашими с Луизой спинами.

Первая церковь, которую мы построили в Саут-Бенде. В ней размещается около тысячи человек. Это библейский класс, собравшийся в воскресное утро.



Мой друг Кеннет Коупленд и я.

Это одна из первых камер, которые мы купили для нашей радиостанции в Саут-Бенде. Бог сказал мне: «Если ты не купишь радиостанцию и не станешь вещать на страну, ее невозможно будет спасти». Мы работали над тем, чтобы вещать на нашей радиостанции все двадцать четыре часа в сутки.



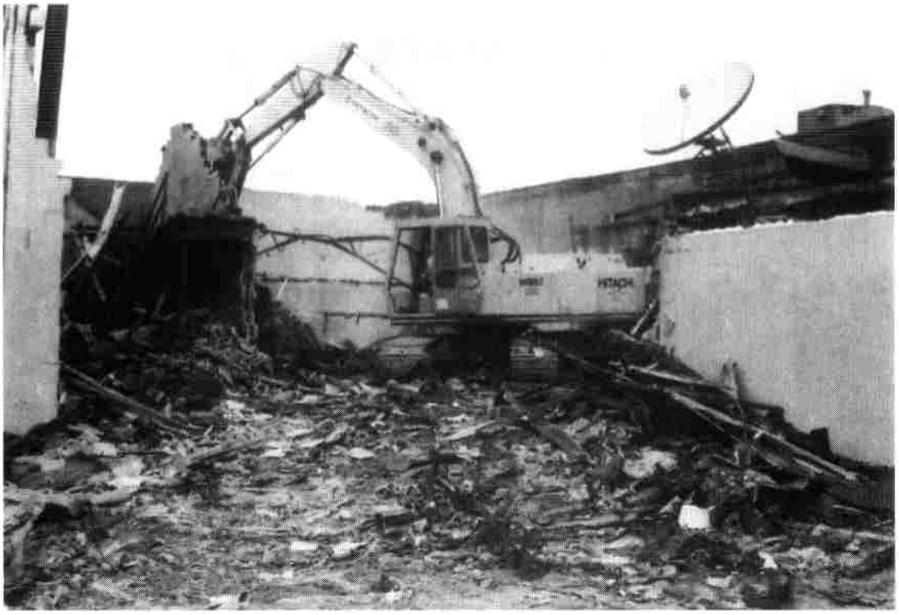
Во Вьетнаме меня приняли очень приветливо. На этих военных вертолетах мы пролетели почти над всей страной.

Мы часто посещаем такие страны, как Южно- Африканская Республика, Зимбабве или Либерия, и помогаем им в издании книг. Мы посылаем им товаров на сумму около двадцати пяти тысяч долларов, а на вырученные в местной валюте деньги покупаем для людей продукты питания.

В Майами в одной из тюрем с проповедью для заключенных. Они слушали меня очень внимательно. Я подарил им книги и видеокассеты, чтобы они могли больше узнать о Христе.

Пожар полностью уничтожил нашу телевизионную станцию в Саут-Бенде.

Для служения наступили печальные дни, когда в Саут-Бенде полностью сгорела наша телевизионная станция. На этой фотографии вы видите место пожара.



Мой сын Стив и я на открытии нового сорок шестого канала перерезаем ленту.

Это церковь доктора Чо в Южной Корее. На этой фотографии в церкви насчитывается десять тысяч человек. Теперь в ней двадцать две тысячи членов. Я стою слева, а справа от меня стоит переводчик.

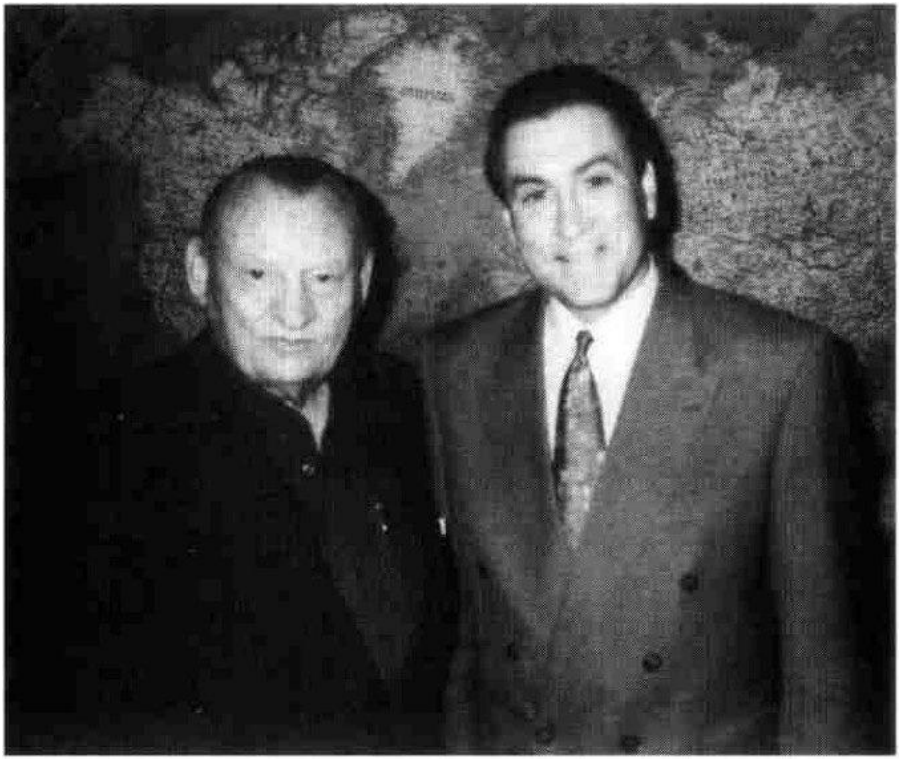
Это знаменитый футболист Роузи Гриер, который вместе со мной участвует в телевизионной программе.

Перед камерой в одной из телепередач сорок шестого канала.

Грузовик нашей миссии «Накорми голодных» загружается продуктами питания для жертв урагана.

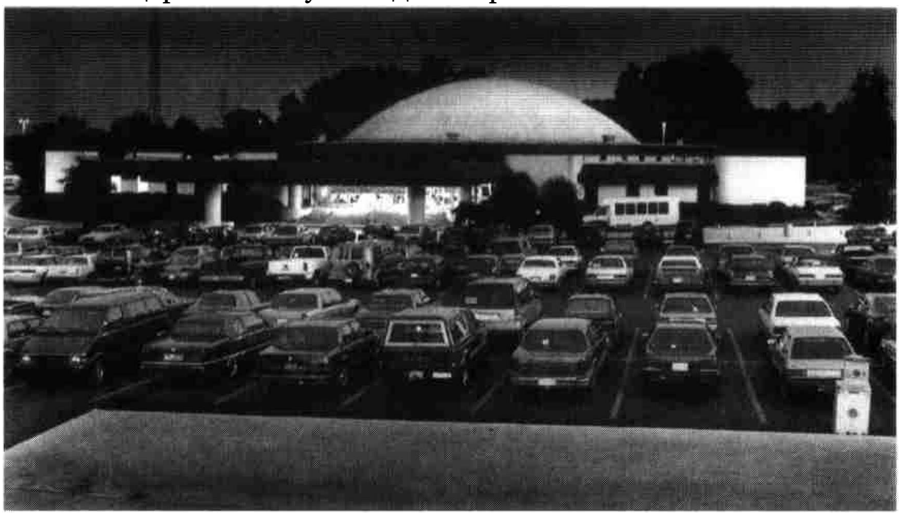
В лодке на Галилейском море вместе с двумя молодыми людьми, которых мы очень любим. Род Парсли справа от меня и Ульф Экман слева.

Даг Уид, бывший помощник президента Буша, и я в вестибюле телестанции в Саут-Бенде.



Это корабль «Спирит» с грузом на борту. Его грузоподъемность пять тысяч тонн, и у него семь палуб. Таким образом, мы можем перевозить десять миллионов фунтов продуктов питания.

Наша церковь в Саут-Бенде — Храм хвалы.



В зале Храма хвалы. Наш зал рассчитан на три с половиной тысячи посадочных мест.

Самолет С-130 во время выполнения одного из первых своих заданий. Доставка продуктов питания в Никарагуа.

Самраллы

Стивен, Лесли, Стив, Рейчел и Диана, которая держит Ариэль.

Анджела, Питер, Дэвид, Эндрю и Сюзан, которая держит Адама.

Лестер, Фрэнк, Эмбер и Кэрол.

~

«Миллионы Моих детей в разных уголках земли встают утром и молятся Мне: „Хлеб наш насущный дай нам на сей день“. Но наступает вечер, а их желудки по-прежнему пусты. Я хочу, чтобы ты кормил тех, кто голоден. Во многих случаях тебе придется перевозить продукты очень быстро, на самолетах», — это слова, которые Господь проговорил брату Самраллу.

Лестер Самралл добился того, что «Геркулес» стал чудом в служении «LeSea». Во время каждого своего полета этот транспортный самолет. Локхид С-130, перевозит тонны жизненно необходимого продовольствия и садится на примитивные и не приспособленные для посадки площадки во всех странах мира.

~

Ответственный редактор *А. И. Шапошников*
Переводчик *Р. Б. Шемпель*
Редакторы: *В. С. Волкова, Л. Б. Егорова*
Корректоры: *Д. Г. Вдовин, Н. А. Акинина*
Компьютерная верстка: *А. Б. Кодак*

Подписано к печати 06.01.2011. Формат 60x88$^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Объем 16 печ. л. + 2 печ. л. вклейка.
Тираж 2000 экз. Заказ 690

Местная Религиозная Организация Христиан
Веры Евангельской Пятидесятников «Христианская Миссия»
198188, Санкт-Петербург, ул. Подводника Кузьмина, д. 46

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93. Код ОКП 953140

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография „Наука“» 199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12.

notes

Примечания

1

Право по закону оставить у себя собственность, принадлежащую другому, в качестве удовлетворения долговых претензий носителя такого права в отношении владельца собственности. — *Прим. перев.*